
ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
С ПРАЗДНИКОМ СЧАСТЬЯ И СВОБОДЫ,
НАРОДНАЯ БОЛГАРИЯ!

Так начинается утро Зои Ереминой. Она строит дома в Муроме. О ней и ее сверстниках рассказано в репортаже «Ты живой», который ведет наш корреспондент Александр Узлян.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 37 (1942)

6 сентября 1964



СТРАНИЦА ФОТОЛЕТОПИСИ

С НОВЫМ ШАГОМ В ЖИЗНИ, ДОРОГИЕ ДЕТИ!

Москва. Первое утро 625-й школы.
Фото А. БОЧИНИНА.

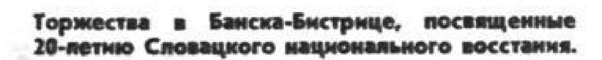


Н. С. Хрущев и Антонин Новотный.

ХРАНИТЬ И КРЕПИТЬ СВЯЩЕННУЮ ДРУЖБУ

«Воздавая сегодня должное памяти сынов наших народов, погибших в борьбе за свободу, мы клянемся вечно хранить и крепить нашу священную дружбу, крепить наше единство во имя будущего, во имя торжества социализма и коммунизма на всей земле».

Из речи Н. С. Хрущева на митинге в Банска-Бистрице.



Торжества в Банска-Бистрице, посвященные 20-летию Словацкого национального восстания.





Сотни тысяч пражан восторженно приветствовали на Староместской площади советскую партийно-правительственную делегацию во главе с



товарищем Н. С. Хрущевым, Антонина Новотного и других руководителей чехословацкого государства.



Фото специального корреспондента ТАСС В. ЕГОРОВА.

СТРАНИЦА ФОТОЛЕТОПИСИ



В Краснодарском драматическом театре имени Горького состоялось торжественное собрание, посвященное 100-летию нефтяной и газовой промышленности СССР. На снимке: Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Н. Г. Игнатов вручает орден Трудового Красного Знамени, которым награждено объединение «Краснодарнефтегаз», начальнику объединения В. А. Брагину.

Фото Е. Шулепова (ТАСС).

КОЛЫБЕЛЬ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Сто лет назад на окраине Кубанской станицы Киевской отставной полковник Ардалион Новосильцев организовал промышленную добычу нефти. Скважина Новосильцева была пробурена на глубину около десяти метров. А в марте 1865 года добытчик доставил в Екатеринодар из Тамани первую партию нефти в размере 50 пудов «для освещения города и острога».

В свое время за развитием нефтяной промышленности Кубани пристально следил великий русский ученый Д. И. Менделеев. Он верил, что на Кубань придут настоящие искатели клада.

Сегодня Кубань добывает миллионы тонн топлива. В Краснодарском крае открыты крупные газоконденсатные месторождения. Разведанные запасы достигают сотен миллиардов кубометров.

В крае построена густая сеть газопроводов, созданы условия к тому, чтобы в ближайшее время подключить к магистральным газопроводам все города и районные центры. Будут переведены на газ все промышленные предприятия, около двух с половиной тысяч животноводческих ферм, ремонтно-технических станций, мастерских колхозов и совхозов.

Ныне мы с теплотой вспоминаем тех, кто делал первые шаги в нефтяной промышленности. И проезжая мимо памятника в честь первой пробуренной скважины в России, непременно отдаем дань уважения русским землепроходцам.

В юбилейные дни ЦК КПСС и Совет Министров СССР горячо поздравили работников нефтяной и газовой промышленности Советского Союза, пожелав им новых трудовых успехов.

Ф. ЗЫРЯНОВ

г. Краснодар.



ЛУИДЖИ ЛОНГО

Объединенный пленум Центрального Комитета и Центральной контрольной комиссии Итальянской коммунистической партии, который состоялся 26 августа, единогласно избрал генеральным секретарем ИКП товарища Луиджи Лонго.

О друге и соратнике Пальмиро Тольятти, стойком марксисте-ленинце, рассказывает московский корреспондент газеты «Унита» товарищ АУГУСТО ПАНКАЛЬДИ.

Луиджи Лонго родился 15 марта 1900 года в Фубине Монферрато, в крестьянской семье, которая позже поселилась в рабочем районе Турина. Здесь Лонго провел свое детство и юность, здесь сформировались его политические взгляды.

Лонго принимал активное участие в революционной борьбе рабочих Турина и был их представителем на съезде в Ливорно, где родилась Коммунистическая партия Италии.

В 1922 году, когда в Италии разразилась фашистская реакция, Лонго организует военное сопротивление в Пьемонте. В конце этого же года его избрали делегатом IV конгресса Коммунистического Интернационала, в котором принимал участие В. И. Ленин.

Вернувшись нелегально в Рим, Лонго был избран в секретариат Федерации коммунистической молодежи. Позднее он переехал в Милан, где был арестован и оставался в тюрьме до конца 1924 года. Выйдя из тюрьмы, он снова начал революционную деятельность, теперь уже в провинции Реджо Эмилия.

Луиджи Лонго был на нелегальном положении и носил подпольное имя Галло. Вместе с Тольятти он активно боролся за объединение демократических сил против фашизма. Галло становится ответственным за всю партийную работу в Италии и является одним из организаторов Брюссельского конгресса против фашистской агрессии в Европе.

Как только началась война в Испании, Галло одним из первых поехал в Мадрид, где стал политическим комиссаром Второй интернациональной бригады. В декабре 1936 года Луиджи Лонго был назначен генеральным политическим комиссаром интернациональных бригад. Лонго можно было видеть в первых рядах бойцов на Гвадалахаре, в Брунете, в Теруэле, в Мадриде.

После окончания войны в Испании Луиджи Лонго переезжает во Францию. Здесь в 1939 году по приказу Даладье его арестовали, и он более года находился в Верне, в лагере для интернированных. Затем был передан фашистским властям и привезен в Рим в наручниках, с цепями на ногах. До падения фашистского режима он находился в тюрьме на острове Вентотене.

В сентябре 1943 года Лонго начинает организовывать в Риме первые отряды народного Сопротивления. В течение двух лет Лонго является представителем **ИКП** в Комитете освобождения Северной Италии.

После окончания второй мировой войны и освобождения Италии Лонго был избран заместителем генерального секретаря ИКП, членом Учредительного собрания.

Когда отмечалось шестидесятилетие Луиджи Лонго, товарищ Тольятти сказал: «В жизни Лонго отражается вся история нашей партии начиная с далеких двадцатых годов до сегодняшнего дня... Его жизнь и революционная деятельность показывают, как могут соединиться в одном человеке самые лучшие черты руководителя».

ЧЕЛОВЕК УМЕЕТ СТРОИТЬ

РЕПОРТАЖ ВЕДУТ А. СЕРБИН и А. УЗЛЯН

Теперь, когда у нас накопилась пухлая пачка разноцветных проспектов, когда блокноты полны записями бесед, когда после нескольких дней, проведенных в Лужниках, даже по ночам снятся какие-то колеса, цепи и краны, мы понимаем: рассказать о выставке строительных и дорожных машин и средств механизации монтажно-строительных работ очень трудно. Девятнадцать стран на выставке в Москве показали такое обилие машин, способных строить, поднимать тяжести, рыть и делать массу других нужных работ, что перечислить их просто невозможно. И каждый, кто видит эту демонстрацию могущества человеческой мысли, не может не думать, что созидание и есть истинное призвание человека.

Самая крупная часть выставки — экспозиция Советского Союза. Это закономерно не потому, что СССР — хозяин, принимающий гостей из-за рубежа, а потому, что наша Родина — страна-строитель. СССР производит экскаваторов, башенных кранов, скреперов, бульдозеров и других машин для строительства больше, чем развитые капиталистические страны. По праву привлекают внимание посетителей — советских и зарубежных — мощный вибропрокатный стан, гигантская землеройно-фрезерная машина (читатели «Огонька» знают, что наш журнал не раз писал об этом гиганте), кран с программным управлением и другие новинки советской техники. Советскому Союзу есть что продать. А иностранные участники выставки не без основания полагают, что наши специалисты найдут что купить.

В Лужниках мы встретили представителя американской компании «Джой интернэшнл» м-ра Вы-



М-р Бывалец (слева) настроен оптимистически...



Англичанин Стэн Джиллард из компании «Кларк экуипмент» демонстрирует механическую лопату будущим строителям.



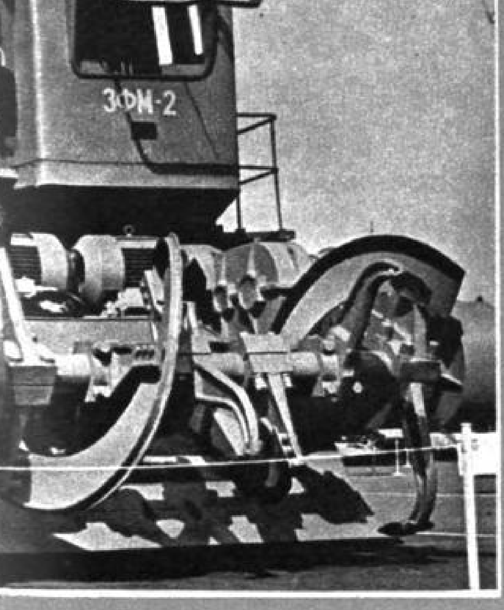
Коммерческий директор выставки В. Н. Мышков интересуется, что привезли в Лужники французы.

У. Чиприани сам взялся за показ своего оборудования.



Польские краны — сочетание инженерной мысли и искусства рабочих рук.





Этот гигант называется землеройно-фрезерной машиной.

валеца. Его компания уже давно ведет дела с Советским Союзом, и он оптимистически смотрит на развитие этих отношений, считая, что оборудование его компании будет долго представлять интерес для нашей страны.

— Вы много строите,— сказал он.— Каждый раз, когда я приезжаю в Москву, я вижу новое.

Оптимистично были настроены и итальянские промышленники. Один из них, Умберто Чиприани, который уже закупил в СССР экскаваторы и продает их в своей стране, рассчитывает, что своей продукцией он сможет заинтересовать советских специалистов.

Выставка знаменательна еще и тем, что она показывает, как растут «строительные мускулы» молодых социалистических стран. Директор польской части выставки товарищ Тадеуш Вальчикевич сообщил нам, что Польша представила в Лужниках около 150 различных экспонатов, заняв пять тысяч квадратных метров территории.

— Если бы Польше пришлось участвовать в подобной выставке до войны,— сказал он,— мы не смогли бы выставить ни одного экспоната. Теперь много предприятий — в Варшаве, в Щецине, можно сказать, во всех больших городах Польши — изготовляют строительные механизмы. Это крупная отрасль нашей промышленности. А развиваться она начала, между прочим, лишь с 1951 года.

...С утра до вечера в Лужниках народу как во время больших матчей. Люди залезают под канаты, трогают рычаги и ручки управления, заглядывают в кабины машин. Их по-настоящему интересует то, что показывают в Лужниках. Ведь каждый из них по-своему строитель.



В. ТУРОВЦЕВ,
председатель Комитета партгосконтроля МГК КПСС и Моссовета

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

МАЛАЯ ХИМИЯ БОЛЬШОЙ ВАЖНОСТИ

Группа московских химиков разработала рецептуру и продумала, как изготовлять карандаши для чистки замшевой обуви. На карандашной фабрике имени Сакко и Ванцетти у химиков нашелся приятель, благодаря которому удалось выпустить опытную партию нового товара. Однако покладистого приятеля перевели на другое предприятие, и все заглохло. Наладить массовое производство новинки для обладателей замшевой обуви не захотели ни карандашная фабрика, ни Мосгорсовнархоз.

В этом почти анекдотическом эпизоде нет ничего выдуманного, преувеличенного. И, к сожалению, он не единичен. Недавно мы столкнулись с десятками подобных эпизодов.

Первыми просигнализировали о них ремонтные дружины жилищно-эксплуатационных контор.

— Хотим работать, но зачастую попадаем в неловкое положение. То малярных кистей не достанешь, то нужной краски нет, то замазка оконная исчезает с прилавков.

Поступило еще несколько жалоб на нехватку товаров бытовой химии. Это побудило нас присмотреться, как обстоит с нею дело в Москве. И вот что обнаружилось.

За последние годы в продаже появилось много товаров бытовой химии, хороших и разных, а до полного удовлетворения потребности в них еще очень далеко.

Производство синтетического меха возрастает. Вещи, сшитые из него, пользуются большим спросом. Но чистить их на дому практически нечем, хотя успешно прошло испытания специальное средство. Мосгорсовнархозом оно не вырабатывается.

Если нужно удалить пятно с костюма или платья, вовсе не обязательно обращаться в химчистку. Однако пятновыводители, продающиеся в хозяйственных магазинах, плохие. Они оставляют на ткани грязноватые следы — ореольные растеки, по выражению технологов. Между тем имеется рецептура пятновыводных паст отличного качества.

Нафталин лишь отпугивает моль, а есть химические средства — инсектициды, уничтожающие ее. То же и с новыми, сильнодействующими инсектицидами для истребления других бытовых насекомых: рецептура есть — препаратов в продаже нет.

Короче, Мосгорсовнархоз и его предприятия бытовой химии отнюдь не подстегивают науку и технику. Наоборот, иногда плетутся в хвосте, отказываются даже от готового, не желают осваивать выпуск новинок, вполне оправдавших себя и очень нужных населению.

Не всегда благополучно и с тем, что уже освоено.

Некоторые товары попадают в продажу с перебоями. Случается, ходят москвичи из магазина в магазин, ищут, где бы купить синьку для белья, мастику «Экстра» или масляную краску в мелкой фасовке, эмали П-8 и П-9, олифу. Оказывается, перебои вызваны тем, что фабрично-заводские мощности используются слабо. Так, предприятия Мосгорсовнархоза, изготовив в 1963 году свыше 10 тысяч тонн масляной краски, ныне сократили план до 6 тысяч. Олифы запланировали выпустить почти в три раза меньше, чем в прошлом году.

Обычно хозяйственники ссылаются на нехватку сырья. С иными разновидностями сырья действительно трудно. Однако трудности поддаются устранению, преодолению, было бы настойчивое желание. И это отнюдь не отвлеченные рассуждения. Вот ведь в Ленинграде не увлекаются праздными жалобами на отсутствие сырья и, скажем, олифу делают не только для местных нужд, но и на вывоз. Сейчас немало олифы доставляют в Москву именно оттуда. Оттуда и еще из Казани, Калинина, Симферополя. Сущая нелепость!

Хозяйственники, склонные к бесхлопотной жизни, допускают нелепости и похуже: вовсе снимают с производства нужную населению продукцию. Без веских оснований был прекращен выпуск средств для стирки капрона, для чистки ковров, мрамора и так далее.

Добрую половину всей продукции, которая служит в быту чистоте, гигиене, красоте, предприятия навязывают москвичам в крайне неряшливом виде.

Завод кожевенно-обувных красителей снабжает население кремом «Пигмент». Глядя на допотопные банки с этим кремом для обуви, трудно поверить, что они сфабрикованы в наше время. Жесть темная, небрежно отштампованная. Блеклые этикетки наклеены как попало. Химзавод № 1 выпускает краски в столь замызганных жестянках, что их и в руки брать не хочется. В таких же металлических банках продают мастику, эмали. Герметизация подчас никудышная, швы расходятся, содержимое вытекает наружу еще в магазине. Давно пора фасовать эти товары в тубы, в полиэтиленовые, пластмассовые емкости, но всерьез о том не задумывались.

Не задумывались и над тем, что всякого рода жидкости, употребляемые в быту, следует поставлять москвичам не в бутылках с вываливающимися пробками и рваными этикетками, а в опрятной аэрозольной упаковке—пульверизаторах. Они удобны в применении, обеспечивают хорошую сохранность.

Не может не тревожить беспечность в подборе сырья для иных товаров. Московские предприятия бытовой химии ежегодно поглощают тысячи тонн растительных масел, сотни тонн казеина, глицерина, декстрина, на изготовление которых расходуется превосходное пищевое сырье. Замена его синтетическими веществами идет вяло, медленно.

Недостатки, вскрытые проверкой, обсуждались в Комитете партгосконтроля МГК КПСС и Моссовета. Комитет пришел к выводу, что Мосгорсовнархозом — конкретно заместителем председателя тов. Забалуевым и начальниками управлений тт. Назаровым, Смирновым, Гришаковой, ведающими бытовой химией,— очень мало сделано для развития этой отрасли промышленности. Приняв суровый счет, предъявленный ему, Мосгорсовнархоз обязался по-настоящему взяться за дело и наверстать упущенное.

Обязательства свои Мосгорсовнархоз начал осуществлять немедленно и в хорошем темпе. Намечено, что, где и когда внедрить в производство. Некоторые товары, отсутствовавшие прежде, уже продаются населению.

Все же мы не считаем нашу проверку завершенной. Теперь углубляем ее — проводим трехмесячный массовый смотр московских предприятий бытовой химии. В нем участвуют все районные комитеты партгосконтроля столицы, фабрично-заводские группы и посты содействия органам партгосконтроля, штабы и отряды «Комсомольского прожектора», сотни рабочих и служащих, инженеров и техников. Цель смотра — помочь производственникам пустить все резервы на полный ход.

Будет хорошо, если Мосгорсовнархозу, его управлениям и предприятиям больше не понадобится вмешательство извне.

Партия и правительство нацеливают промышленность на максимальное удовлетворение нужд советского человека, на коренное улучшение сферы обслуживания населения. Четвертая сессия Верховного Совета СССР была новым вдохновляющим призывом к выполнению этой задачи. И каждый, от кого в какой-либо мере зависит ее успех, должен работать безукоризненно. В конечном счете речь идет о добросовестности, о коммунистической добросовестности в повседневном труде.

Борис ПОЛЕВОЙ

Из кипрских записей

ДЕСЯТЬ НА ОКРОВАВЛЕН

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В Афинском аэропорту, в газетном киоске зала транзитных пассажиров, мой добрый товарищ по путешествию Владимир Петрович Терешкин купил справочник, изданный для туристов на английском языке. «Романтический Кипр» называется эта объемистая книга. И пока самолет нес нас над лазурью Эгейского моря, сверху такого синего, что, вероятно, сама синька по сравнению с ним оказалась бы бледнее, он, насадив на нос круглые учительские очки, углубился в этот ярко изданный рекламный труд.

Что мы раньше, со школьных лет, знали о Кипре? Что это остров, расположенный в восточном углу Средиземного моря. Что там жаркий климат, что население смешанное — греко-турецкое. И, наконец, что, согласно преданиям, прекраснейшей из богинь античного мира госпоже Афродите угодно было возникнуть из пены морской у берегов этого острова и именно там, где сейчас находится город с многозначительным названием Пафос.

Потом мы с волнением следили по газетам за долгой и трудной, героической борьбой населения острова, являвшегося английской колонией и главной британской военной базой в этой части Средиземноморья, за свою независимость, за борьбой, в которой киприоты, вооруженные лишь охотничьими ружьями, ятаганами и чувством собственной правоты, настояли на своем и вырвали себе право на самоопределение из лап старейшей колониальной державы. Но на острове оставались военные базы Британии и медные рудники, находящиеся в руках иностранных монополий.

И, наконец, на исходе прошлого года мир облетели поразительные и странные известия. Киприоты греческой и турецкой национальности, с давних времен жившие в добром согласии, относившиеся друг к другу с уважением, помогавшие друг другу в труде и в беде, вдруг стали врагами — на улицах зазвучали выстрелы. Соседи, отцы и деды которых дружили, ходили в гости и на мусульманские и на христианские праздники, вместе вели дела и даже вступали в кровное родство, взялись за оружие. Улицы сел и городов пересекли баррикады. Тихий солнечный остров, сами пейзажи которого, судя по картинкам в туристском справочнике, дышат миром и покоем и являются, согласно тому же справочнику, «прекрасным местом отдохновения от дел и житейских бурь», вдруг превратился в сплошной фронт. Улицы — в линии фронта, дома — в крепости, где жизнь идет настороже, под грохот выстрелов...

Все это, отправляясь на Кипр, мы, разумеется, знали. Но ведь, по старой восточной пословице, один раз увидеть лучше, чем сто раз услышать. И вот сейчас нас, двоих советских людей, летящих как представители Союза обществ дружбы, по приглашению кипрских друзей, очень волнует, что́ мы увидим на этом взбаламученном острове.

Огромный самолет распростерся над облаками, искоса позолоченными клонящимся к горизонту солнцем. Синие лоскутки моря лишь изредка проглядывают в пышной пене этих облаков. Пассажиры дремлют. И вдруг рядом вкусный, ядреный смех. Смеется Владимир Петрович, все еще лазающий по страницам справочника. Интересно, что он там откопал меж шикарных фотографий античных руин, живописных церквей и ископаемых Афродит и Аполлонов?

Оказывается, это советы, как иностранцу держать себя на этом самом романтическом Кипре. Туристов предупреждают, что незнакомые люди будут здороваться с ними на улицах городов и сел. Не пугайтесь, отвечайте, таков тут древний обычай... В гостях за обедом и ужином советуется не напирать на первые блюда, какими бы вкусными они ни показались, ибо стол киприотов разнообразен, и, поусердствовав вначале, можно не оставить места для того, что подадут в конце... И, наконец, турист предупреждается о том, что, по местным поверьям, пожать руку хорошему человеку — это к счастью...

— А ты говорил, что не стоит тратить валюту на туристские справочники! — Мой спутник победно улыбается. Улыбается, как это он здорово умеет, каждой черточкой своего широкого, массивного лица.— Так вот теперь мы с тобой и будем легко узнавать, считают ли нас хорошими людьми.

Между тем самолет быстро снижается. Как-то сразу из кипени обла-



В напряженные дни борьбы президент Макариос появлялся на передовых постах.

На месте взрыва произошла стихийная демонстрация.



ДНЕЙ

НОМ ОСТРОВЕ

ков выпирают вершины пологих гор, и, резко тормозя, машина точно садится на плиты аккуратненького аэродромчика. И тут, если верить туристскому справочнику, сразу же убеждаемся, что мы, нет, конечно, не мы, двое конкретных немолодых мужчин, которые здесь никогда не бывали, а мы, советские люди, считаемся, должно быть, хорошими людьми. Уже у трапа нам вручают букеты гладиолусов, таких ярких и жирных, что кажется, будто их видишь сквозь увеличительное стекло. Но их приходится тотчас же сунуть под мышку на манер банного веника, ибо к нам тянется много рук и надо отвечать на крепкие, мужественные, дружелюбные пожатия.

Засветло входим в здание аэровокзала. Под вспышки и жужжание киноаппаратов даем коротенькую пресс-конференцию, а когда выходим, сумерки уже навалились на остров и все вокруг вырисовывается лишь смутными силуэтами, как театральная декорация, когда на сцене потушены огни. Несмотря на ранний час, остров кажется погруженным в мирный сон. Но это впечатление сразу же рушится, как только машины подъезжают к Никозии — столице Кипра. Дорогу преграждают полосатые шлагбаумы. Полицейский патруль. Массивные доты, выложенные из мешков с песком. Рыльца пулеметов смотрят из амбразур в разные стороны. Топорщатся в полутьме железными иглами спирали бруно. В городе то справа, то слева возникают баррикады, обозначающие границы турецкого и греческого секторов. Голубые флажки войск ООН. И солдаты — много солдат в лакированных голубых касках или беретах — парами патрулируют улицы.

Нет, это не патриархальный романтический Кипр, обещанный туристским справочником! И хотя из густеющей тьмы доносятся неистовые ароматы цветущих кустов и деревьев, хотя жирные звезды перемигиваются в бархатной голубизне неба, тем, кому доводилось воевать, все это разом напомнит дни, когда бои вдруг останавливались в каком-либо городе и противники оказывались рядом, друг против друга, разделенные лишь мертвой пустотой улицы, сделавшейся линией фронта. Но то война. То неприятельские армии. А тут люди, столетиями жившие бок о бок, работавшие рядом на полях и на фабриках.

Нас размещают в самой большой гостинице — «Ледра Палас». Она в греческом секторе, но торцом выходит в турецкий. Вылезая из машин, мы успеваем рассмотреть угол улицы, прегражденный высокой баррикадой с двумя солидными дотами по углам. Солдаты в голубых касках возятся возле двух небольших броневичков, похожих на лягушек.

Ну, а сама гостиница, ее холлы, рестораны, бары — все полно офицерами войск ООН в форме и в штатском. Голубые береты заполняют вешалки. Слышится разноголосая речь, преимущественно английская. И, когда мы выходим перед сном на веранду выпить чашечку чая, за соседними столами слышим часто и возбужденно звучащее в разговоре имя: Масси... Масси... Майор Масси.

Интересно, что это за майор? Почему он так взбудоражил умы? Почему о нем столько говорят?.. Вообще гостиница полна слухов. Иностранные военные корабли крейсируют вблизи кипрских вод... Вчера или третьего дня на остров с подводных лодок высажены турецкие солдаты... И наоборот, будто бы вчера или позавчера высадились греческие солдаты... Слухи, слухи... Что тут правда, что выдумка — трудно установить. Но обстановка накаленная.

Не спится. Воздух в номере, пропущенный через легкие установки для кондиционирования, отдает какой-то невкусной погребной прохладой. Выключаю установку, открываю окно. Урчание военных «джипов» у подъезда смешивается со звуками песни, доносимой откуда-то, должно быть, с недалекой эстрады. Внизу у подъезда громко разговаривают офицеры в голубых беретах. Я не знаю их языка, но опять звучит это имя — Масси, Эдвард Масси. Надо будет узнать, что это за дядя и чем он так всех взволновал.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Климат в Никозии парадоксальный. Днем жарища, а ночью весьма прохладно. Настолько прохладно, что пришлось подниматься с кровати и вынимать из шкафа шерстяное одеяло, сама мысль о котором днем показалась бы кощунственной.

Сегодняшний день друзья великодушно отвели нам на ознакомление со столицей. Провожатым вызвался стать активный член Общества дружбы с Советским Союзом, известный здешний архитектор Антониас Протопопас, или Накос, как называют его друзья. Он влюблен в свой остров, в его обычаи, традиции, его народ. Это живая энциклопедия Кипра — открой ее на нужной странице, и сразу же получишь не только точный ответ на вопрос, но и узнаешь что-то интересное.

Так вот он и объяснил нам этот климатический феномен, из-за которого в столице островного государства, со всех сторон омываемого теплым морем, смена дневной и ночной температур столь же разительна, сколь, скажем, в резко континентальном Ташкенте. Никозия лежит как бы на дне желоба, в долине между двумя цепями гор, а по желобу этому на восходе и на закате начинается перемещение воздушных масс.

Это и многое другое узнали мы сегодня, несясь в маленькой, проворной машине архитектора. Никозия, небольшой, на наш, разумеется, счет, город: около восьмидесяти тысяч жителей. Но он необыкновенно разнообразен и местами удивительно красив. В архитектуре его одна особенность: здесь не увидишь двух хоть сколько-нибудь похожих друг на друга домов. У каждого свой облик. Каждый на свой манер. И это не только в предместьях, где еще недавно шло бурное строительство, но и на старых по-восточному узких, по-восточному шумных улицах, порою таких тесных, что двум осликам с поклажей, не говоря уже о двух машинах, трудно разойтись. Но все это вместе — и тесный деловой центр, и совсем молодые окраины, и массивная древняя крепость, как бы вырастающая прямо из скоплений современных домов,— все это тесное соседство осколков античности, средневековья и сегодняшнего дня создает веселое, жизнерадостное впечатление. На территории турецкой общины, как говорит Накос, город имеет иной, но тоже любопытный облик. Но туда нам нельзя. Доты. Спирали бруно. Часовые. Это уже, как говорится, по ту сторону баррикад.

— Ну, а как ваши дела?

— Шли хорошо. За эти годы построил около ста домов. А сейчас безработный. Нет, нет, серьезно. Строительство прекратилось. Кому захочется строиться под звуки выстрелов!.. И потом...— как-то особенно горько говорит архитектор. Но что «потом», не договаривает.

— А можно посмотреть один из ваших домов?

— Пожалуйста. Тут, недалеко.

Машина легко взбегает по веселой улочке в возвышенную часть города. Останавливается у небольшого, какого-то очень легкого и изящного дома, четко выписанного на фоне догорающей вечерней зари точными горизонтальными линиями. Его формы лаконичны и как-то очень мягки. Дом будто бы плавает в воздухе, багровом от зари.

— Ну, как? — спрашивает архитектор, искоса поглядывая на свое детище, и очень приятно, что в ответ на этот вопрос можно, не кривя душой, сказать, что дом хорош и отлично вписан в пейзаж.

Отсюда, с возвышенности, на которой стоит этот дом, открывается вид на турецкую часть столицы. Никозия уже зажигает свои разноцветные огни, но восточная путаница узких улочек, где дома стоят, тесно прижавшись друг к другу, представляет собой некий темный полуостров. Он кажется совершенно безлюдным, вымершим. Просто жутко становится, когда представишь себе, что вот тут, рядом с этими мигающими рекламами, семьи турок сидят притаившись, не зажигая огней. Невольно срывается с губ:

— А нелегко им в этой добровольной самоосаде.

— Добровольной? — усмехается архитектор.— Вы полагаете, добровольной? Киприоты из турецкой общины, какими их знали наши деды, отцы да и мы сами,— это хорошие люди. Работали вместе, дружили, вели дела. Но вот турецкие экстремисты, а главное, те, кто стоит за их спинами,— это другое дело. Это они под страхом оружия согнали людей вот сюда.— Архитектор показывает в сторону черного острова, извилистые границы которого обозначаются все четче по мере того, как становится темнее, а электрические огни разгораются ярче.— Кто бы добровольно покинул свой дом, свое дело, свою землю, но ведь пулю в затылок получать не хочется!..

Но как, как в середине двадцатого века, на острове, где живут высокоцивилизованные люди, вспыхнула эта дикая ненависть?

На круглом, добром лице архитектора появляется сердитая ироническая улыбка. Он приводит известную догму из древнеримского права: «Ищи, кому выгодно».

Кому же выгодно, чтобы на этом острове брат резал брата, чтобы кто-то из-за угла стрелял в женщин, торопящихся с сумками на базар, чтобы люди покидали в деревнях дома, бросали неубранные урожаи и чтобы в городах возникали изолированные районы, подобные тому, что сейчас внизу перед нами? Районы-крепости, где осажденные одновременно выполняют роль осаждающих. Кому и для чего все это нужно?

— Империализму,— отвечает собеседник.— Может быть, вы полагаете, что англичане вдруг подобрели и после стольких лет борьбы за наш несчастный остров, который они превратили в незатопляемую авиаматку, эти колонизаторы вдруг образумились и решили деликатно уйти, предоставив нам решать свою судьбу? Надеюсь, вы так не думаете?

Разумеется, мы так не думаем. Не думаем мы также, что английские и западногерманские монополисты, эксплуатирующие здешние очень щедрые медные, хромовые и железные рудники и за бесценок вывозящие в необработанном виде богатейшие дары кипрской земли, так вот по доброму наитию решили бы вернуть киприотам богатства их острова. Но как же им удалось так неожиданно и так жестоко столкнуть лбами народы-братья? Произошло же это сложно и в то же время просто. Когда британское правительство вынуждено было «даровать независимость» народу своей колонии на Кипре и готовило конституцию, в нее были заложены мины замедленного действия. Конституция ограничивала права суверенного правительства и не отвечала интересам большинства кипрского народа. Мина была заложена тонко, с дальней дистанцией и с уверенностью, что греческое население не снесет этой обиды и рано или поздно потребует исправления этих унижающих его пунктов конституции.

Так и вышло. Стоило президенту Макариосу, человеку уважаемому и необыкновенно популярному во всех слоях населения, поставить этот вопрос, как эти мины, до тех пор таившиеся в параграфах конституции, взорвались. Остров закипел, полиция получила сведения о том, что турецкие экстремисты, получив оружие, боеприпасы и средства от некоей не называемой державы, подстрекаемые извне, начали готовить в Никозии вооруженное выступление против греческой общины. Были приняты меры предосторожности. Введено ночное полицейское патрулирование. Вот такой патруль и задержал однажды на территории турецкой общины бешено мчащуюся машину. В ней находилось несколько сильно подвыпивших турок и гречанка, дама, скажем вежливо, не безупречного поведения. Предъявив полномочия, полицейские потребовали показать багажник. Пассажиры отказались. Послышались выстрелы. Из домов повыскакивали люди, окружили машину и патруль. Завязалась перестрелка, в результате которой один из пассажиров был убит, а дама-гречанка тяжело ранена.

Этот прискорбный, но чисто полицейский инцидент, требовавший, разумеется, тщательного расследования, а возможно, и наказания виновников, был до невероятности раздут газетами. Потом по острову разнеслось известие, что раненая гречанка перед смертью будто бы сообщила, что в ночь под рождество, когда все греки-мужчины будут на торжественном богослужении, турки выступят с оружием в руках. Атмосфера продолжала накаляться на глазах, причем явно чувствовалось вмешательство извне. И, конечно же, не случайно вскоре на греческой территории грянул взрыв: была предпринята попытка уничтожить памятник героям борьбы с колониализмом. Памятник остался цел, лишь слегка был побит взрывом пьедестал. Но сам этот взрыв встряхнул весь остров. На месте взрыва произошла стихийная демонстрация, на улицах городов и сел начались кровопролитные схватки, перестрелки, резня. И вот уже остров ощетинился дотами, забаррикадировался, обмотался колючей проволокой. Он живет в постоянном напряжении, в ожидании все новых и новых провокаций. Войска ООН контролируют его города, села, дороги. Но пользы от этого пока не видно.

Политические деятели западных государств, имеющих на острове свои дипломатические представительства, ездят друг к другу и за спиной кипрского правительства, без его просьб и разрешения обсуждают судьбу острова, его будущее, его текущие дела. При этом авторы проектов как-то стыдливо замалчивают, что во всех случаях остров попадает в пасть западного агрессивного блока НАТО.

— Ищи, кому выгодно,— усмехается Накос.— Выгодно НАТО. Ох, как стратегам этого блока хочется иметь свою крепость в восточной части Средиземного моря! Крепость, и позиции для ракет, и базы для подводных лодок, и аэродром... Все.

— А как же все это делается?

Собеседник почему-то смотрит на часы и лишь потом отвечает:

— Нагло и откровенно делается. Ровно через полчаса включите телевизор. Там будут передавать репортаж с процесса английского унтер-офицера Марея и его жены. Процесс идет уже несколько дней. Марей — мелкая сошка, но вам сразу станет ясно, как это делается, кто подстрекает и почему у нас льется кровь...

Еще раз взглянув с высоты на темный полуостров территории турецкой общины, как бы втиснутый в освещенный разноцветными огнями город, спешим назад. Мерцает экран телевизора. На нем судебный зал. На скамье подсудимых двое — симпатичный молодой человек в штатском, но с военной выправкой и темноволосая женщина с тревожным, нервным лицом. За спиной полицейские в черных фуражках. Старик судья ведет допрос. Вид у подсудимых такой несчастный, что можно подумать, будто это кадр из какого-то душещипательного фильма, где две юных жертвы, кем-то оклеветанные, пытаются обороняться от жестокого правосудия. Но фильм оказывается не сентиментально-психологическим, а типично детективным. Больше того, гангстерским. История, которую страница за страницей читает сейчас суд, действительно

Продолжение на странице 26.

С ПРАЗДНИКОМ СЧАСТЬЯ И СВОБОДЫ, НАРОДНАЯ БОЛГАРИЯ!



ПОСТУПЬ СОЗИДАНИЯ

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора

В одном из путеводителей по Болгарии я прочел: «Болгария ввозила из Бирмингема булавки, из Линца замки, из Дуйсбурга моторы, из Лиона ткани и из Бремена ткацкие станки».

А сегодня в стране уже никто не удивится, увидев на дорогах огромные автомобили, груженные объемистыми ящиками, надпись на которых гласит: «Токарные станки. Сделано в Болгарии. Пункт назначения — Токио, Япония». Крановщик Крум Маринов, священнодействуя рычагами в своей, похожей на вертолетную, кабине, вознесенной в небо, привычно смотрит на грандиозную панораму Кремиковского металлургического комбината — для него это современный пейзаж Болгарии. Не удивляется его коллега Иванка Статулова, которая на другом конце страны грузит в Бургасском порту в трюмы пароходов станки и двигатели, электрокары и трансформаторы, мощные прессы и многие другие изделия промышленности Болгарии. А двадцать лет назад в статистических сборниках против всех этих предметов стоял нуль.

Страна продолжает меняться на глазах каждый день. Три года назад я видел под Бургасом голую степь, в прошлом году заметил: что-то начали строить. А сейчас летел из Софии посмотреть своими глазами нефтехимический комбинат.

Комбинат в Бургасе вырос в степи немногим более чем за год. И уже дает продукцию.

Я сидел в кабинете руководителя группы советских специалистов Виктора Викторовича Федорова, когда к нему вбежал молодой инженер Антон Тончев и крикнул:

— Виктор — восемьдесят! — И, обращаясь ко мне, пояснил: — ОКТАН! Каждый день следим, как нарастает октановое число бензина на первых двух установках. Восемьдесят на сегодняшний день — это здорово.

Мы ходили с Федоровым по заводу и повсюду: в цехах, на ТЭЦ, в зале управления установками — встречали группки людей. Они что-то горячо обсуждали и сыпали вперемешку русскими и болгарскими словами.

— Вот это и называется передавать опыт,— пояснил Федоров.— Наши ребята — все бывалые нефтяники, хоть и комсомольского возраста.

Возле установок, в которых башкирская и татарская нефть превращалась в бензин с октаном-восемьдесят, Тончев темпераментно растолковывал товарищам какую-то нарисованную прямо на земле схему. Увидев нас, засмеялся:

— Институт на свежем воздухе! Каждую минуту жалко — отсюда потом народ пойдет других учить: скоро под Плевеном завод будет, нефть там нашли отличную. Ну как, Викторыч, испытаем продукт?

— Можно,— согласился Федоров.

Испытание проходило практическим способом: залили бензин в бак автомашины и погнали ее по крутым петлям горной дороги. Мотор тянул отлично!

Пока комбинат осваивает переработку нефти, уже закладываются на его территории новые заводы. Они дадут стране синтетический каучук, бензол, полиэтилен и многие другие продукты химии, столь необходимые всякой индустриальной державе.

В Софии я присутствовал на просмотре материала документального фильма «Новые горизонты». Повествует он об успехах молодой республики, о болгарских выставках за рубежом, о помощи болгарского народа молодым африканским странам. Помнится, в прошлом году в Сокольниках на выставке «Болгария строит социализм» демонстрировались мощные насосы. На экране я увидел их в действии: они перекачивали воду в оросительных системах, построенных в Сирии по проектам и под руководством болгарских специалистов. В Тунисе болгарские архитекторы строили жилые дома и общественные здания, с удивительным вкусом соединяя современные строительные формы с национальными традициями. В Алжире — поликлиники и больницы. А в лечебницах работали болгарские медики.

Это не просто помощь одного государства другому. Это уверенная поступь новой Болгарии, возродившейся с помощью надежных друзей.

КРЕМИКОВСКИЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ ДАЕТ МЕТАЛЛ И КОКС БОЛГАРСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. КРАНОВЩИК КРУМ МАРИНОВ.

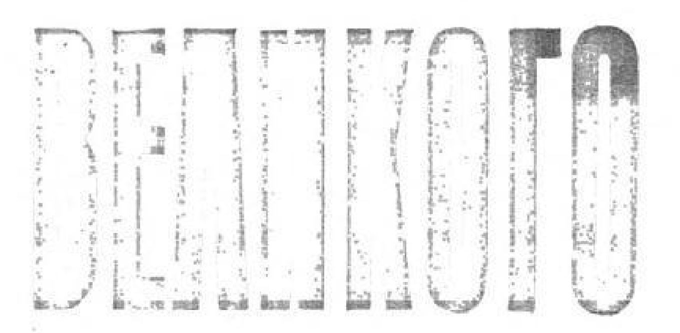
КУРОРТНЫЙ КОМПЛЕКС СОЛНЕЧНЫЙ БЕРЕГ — ЭТО МОРЕ, ДЮНЫ И ЛЕГКИЕ, АЖУРНЫЕ ОТЕЛИ.

ЭТИМ МАЛЫШАМ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕЕ.

«ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ ОТДЫХАТЬ!» — ГОВОРЯТ ПРИВЕТЛИВЫЕ ОГНИ «БАЛКАНТУРИСТА».

А. КОЖИН,
К. ОРЛОВА

ПОДВИГ



БРАТСТВА



Тодор Ярославский (второй слева) и Ценко Варадинов (крайний справа) в гостях у родителей Ц. Варадинова.



Бабушка Дуна помогала советским военнопленным укрываться от фашистов.



Федор Борейко, шофер из Чугуева, помнит сражения на болгарской земле.



Павел Колев около кошары, где он прятал Григория и Ваню.



Владимир Кацаров: «Было огромной радостью видеть советских людей в одном строю с нашими партизанами».



Иван Фонарев, бывший партизан, живет сейчас в городе Урюпинске.

Сентябрь 1943 года. Местечко Княжево, близ Софии. Туманный рассвет еле видимыми штрихами очерчивает контуры леса. Немецкие фашисты готовятся расстрелять здесь советского военнопленного Ивана Фонарева. Ему было приказано чинить моторы предназначенных для фронта автомашин. А он выводил их окончательно из строя. Фашистам удалось установить, кто это делал.

Ветви с глянцевой от росы листвой настороженно застыли в тишине, словно ожидая залпа. Но вместо выстрелов лес услышал лай собак, пущенных по следу бежавшего смертника. Поздно хватились палачи. Оглушенный ударом тяжелого башмака, часовой лежал у вышибленной двери.

А несколько дней спустя поздним вечером у порога недостроенного деревянного дома в софийском квартале Хаджи Димитр послышался условный стук. Вспыхнул неяркий огонек керосиновой лампы. Порог переступили двое. Одним из них был коммунист-подпольщик Петко Грынчев. Второго хозяин, Христо Синигеров, тоже коммунист-подпольщик, видел впервые. Высокий, светловолосый, очень худой. Потертый пиджак с чужого плеча, полинявшие военные брюки.

— Знакомьтесь, — сказал негромко Петко Грынчев. — Советский воин Иван Фонарев. Бежал из плена. Встретился нашим людям в окрестностях Княжева. Партия поручает тебе, товарищ Христо, укрыть его. Когда будет возможность, переправим к партизанам.

Несколько секунд Христо не мог от волнения вымолвить ни слова. Потом крепко обнял Фонарева.

Лампа поставлена подальше от окна, занавешенного черной бумагой. На столе появилась снедь — кусок влажной брынзы, луканка, душистая, пахучая чубрица и, разумеется, перец, обжигающий рот.

Петко Грынчев вскоре ушел. А Христо Синигеров принялся устраивать убежище для Фонарева. Конечно, самое надежное место для него на чердаке, где размещается и столярная мастерская. Отсюда в маленькое окошечко хорошо просматривается двор. Прямо перед окном палисадник и калитка. Если появится полиция, оба примут бой. Фонареву Христо вручил гранату и пистолет.

Так и жили много дней и ночей, настороженно прислушиваясь к шагам за палисадником, к каждому шороху.

Однажды, как бы между прочим, зашли двое в синих мундирах. Полицейские. Один из них — присматривавший за кварталом Сандо. Спросил, небрежно поправляя новенький пояс, скосив внимательный взгляд на хозяина:

— Достраиваешь дом, значит?

Тот ответил как можно спокойнее:

— Стараюсь помаленьку. Надо бы закончить к зиме.

— И что же, один управляешься?

Мозг мгновенно пронизала мысль: а может быть, как-то заприметили, дознались, что в доме он не один (семья Христо жила в ту пору в деревне)? Сказать, что в доме больше нет никого,— усилить подозрение.

Чует Христо: замер на чердаке Фонарев, готовый разрядить пистолет. Хозяин призвал на помощь всю свою волю.

— Нет, не один. Помогает мне тут горемыка, глухонемой. Малость соображает в столярном деле.

Через минуту на чердаке зачиркал рубанок. А еще несколько минут спустя сверху спустился по лестнице «глухонемой». Подпоясан фартуком. Стружка в волосах. В руке недоструганная оконная рама. Словно не замечая полицейских, жестом показал, что просит у хозяина совета, как стругать дальше. Христо показал. Полицейские ушли, кажется, поверили.

И вот опять у порога послышались торопливые шаги. Условный стук в дверь. На пороге Петко Грынчев. Пора! Ивана Фонарева ждут в партизанском отряде.

Больше двадцати лет прошло с тех пор...

— Иван Фонарев,— говорит нам бывший партизан отряда «Чавдар», ныне работник ЦК партии Желязко Колев,— был в моем отделении, участвовал во многих операциях и всегда держался в бою великолепно. Однажды у села Джурово небольшая группа партизан оказалась в окружении. Несколько товарищей погибли в неравной схватке. Исключительная выдержка и находчивость Ивана Фонарева помогли остальным прорвать кольцо окружения.

И вот мы в Софии, в гостях у Христо Синигерова, старого коммуниста и бойца, чей подвиг стал ярким выражением нашего братства. Хозяин подводит нас к чердачной лестнице, показывает чердак, где укрывался Иван Фонарев, его «амбразуру», вспоминает мельчайшие подробности тех незабываемых дней и ночей, а потом приглашает к столу отведать домашней сливовой.

К нам пододвигают блюдце с ароматной чубрицей.

— Попробуйте, ее очень любит Ванюша. Недавно он гостил у нас. Мы приготовили ему целый мешочек.

Иван Фонарев был не единственным советским воином, бежавшим из фашистского плена на болгарской земле и вступившим в ряды партизан.

Гитлеровцы, хорошо знавшие о глубоких дружественных чувствах болгар к советскому народу, не решались размещать здесь лагеря. Пленные бежали из эшелонов, следовавших через страну, или из рабочих команд, где советских людей заставляли под дулами ав-

томатов обслуживать немецкие тылы.

Русским помогали коммунисты-подпольщики и ремсисты, как называли тогда комсомольцев.

«Я советский, бежал из плена» — эти слова открывали сердца болгар. Их не останавливало то, что за это, как и за помощь партизанам, коммунистам, грозила смертная казнь.

Знал об этом и Павел Колев из села Сливница. Теперь он трудится на кооперативной ферме. Рядом, на каменистой возвышенности, кошара, где раньше хозяйствовал Колев, вокруг располагались его поля.

Хозяйство у Колева было крепкое, доходное. Жандармы и офицер, который квартировал в его доме, не подозревали, что такой человек может помогать беглецам из фашистского плена. Может быть, поэтому они обошли стороной его кошару во время облавы.

Кто-то из болгарских солдат, охранявших эшелон, открыл засов товарного вагона и шепнул: «Братцы, на подъеме, на тихом ходу, уходите, у кого есть силы». Выскочить успели многие, но не многие смогли уйти от фашистских пуль.

Павел Колев видел оранжевые вспышки выстрелов, слышал, как хлестали воздух автоматные очереди. Потом все стихло.

Лай сторожевого пса у кошары заставил Павла Колева оглянуться. Две тени медленно и неслышно надвигались на него.

— Отец, если можешь, укрой от погони. Мы советские, из плена ушли.

Болгарин скорее догадался, чем понял смысл еле слышных слов.

Раздумывать времени не было. Тревога охватила его уже потом, когда он торопливо проводил беглецов внутрь кошары, в самый дальний закуток, уложил под яслями, укрыл сеном, а сам остался снаружи, зорко вглядываясь в темноту.

Остаток ночи Павел Колев не смыкал глаз. На рассвете он взял каравай хлеба, круг овечьего сыра, ведерко воды, домотканую подстилку, разбудил беглецов и повел в кукурузное поле.

— Вон за тем ручьем, у яблони,— говорит нам Павел Колев, с которым мы стоим у старой кошары, — днем и укрывались они. Ночью возвращались в кошару.

Квартировал тогда у Павла Колева друг сына, гимназист-старшеклассник из города Брезник. В Брезнике его выгнали из гимназии «за вольнодумство». Стал учиться в Сливнице. Нет-нет да и обронит недоброе слово про фашистские порядки. Звали его Владимир Кацаров. Павел Колев решил открыть ему свою тайну и попросил: можешь помочь переправить беглецов к партизанам — помоги, не можешь — не выдай.

У Влади даже слезы обиды блеснули на глазах: да разве может болгарин выдать своих братьев! Взялся помочь. Темной ночью он ушел вместе с советскими солдатами Григорием Лапиным и Ваней — фамилия его не запомнилась. Павел Колев долго стоял у кошары, согретый теплом прощальных объятий.

Узнал потом: добрались к партизанам, в Брезникский отряд.

И вот мы в Брезнике. Небольшой, утопающий в зелени город, застроенный новыми домами. На окраине — старинные казармы. После разгрома турок здесь русские офицеры обучали болгарских солдат.

С пригорка легкой походкой спускается молодцеватый, подтянутый подполковник и улыбается нам, как старым знакомым. Это Владимир Кацаров. Предупрежденный о нашем приезде, он, что называется, с ходу начинает свой рассказ:

— Да вы и представить себе не можете, что значило для меня, для всех наших в ту суровую пору увидеть впервые советских людей!

Он начинает вспоминать, как они шли к партизанам, и тут же перебивает себя:

— Давайте-ка лучше проедем по тем местам.

И мы трогаемся в путь. Перед нами одна за другой открываются картины Трынского края.

Мелькают обелиски, памятники на горных склонах, у дорог, у оврагов, на местах тяжких боев и зверских расправ фашистов над болгарскими патриотами.

— Когда мы пробирались тут с Григорием Лапиным и Ваней, — рассказывает Владимир Кацаров,— я один заходил в деревни. В окрестностях Брезника у меня было много знакомых. Тем, кого знал особенно хорошо, открывал свою тайну. Беглецов кормили, прятали на сеновалах и в кошарах.

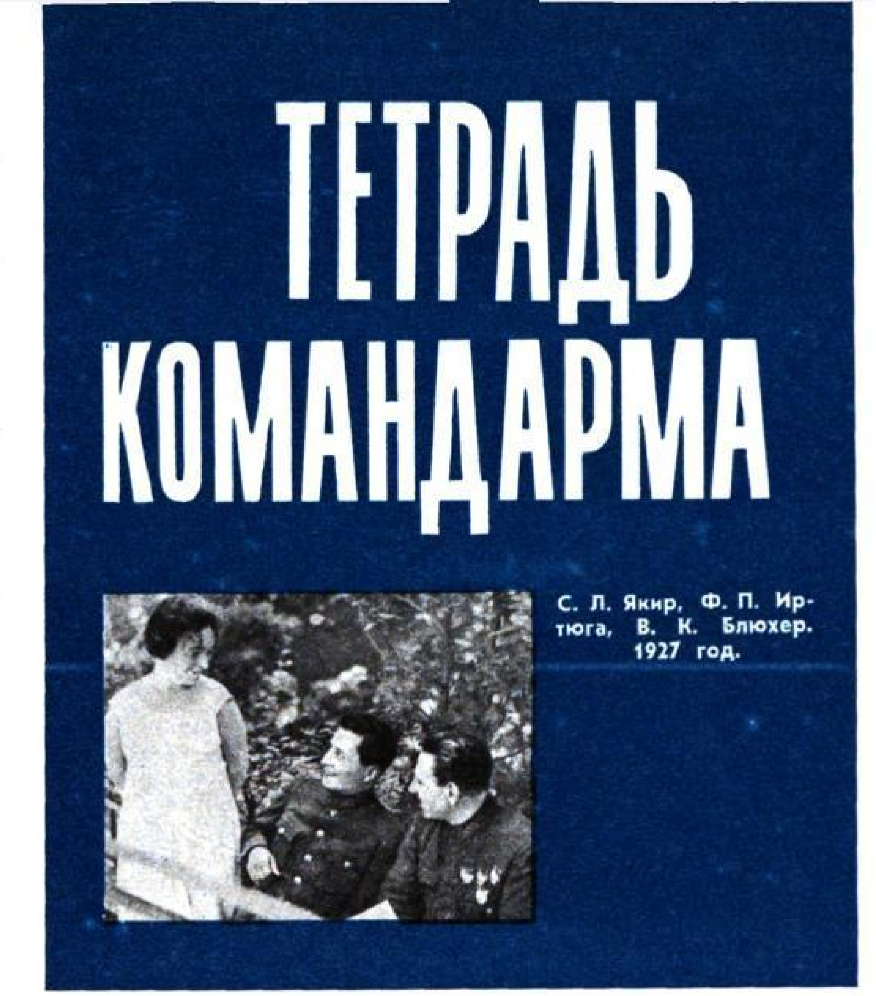
Заезжаем в деревню Бабица. Небольшой беленький, как украинская хата, домик под черепичной крышей. Стучимся. На каменный порог выходит старая полная женщина в темном фартуке. Строгие черты ее смягчаются, когда видит Кацарова, знакомится с нами, узнает, зачем мы пришли.

— Да хозяйна-то, Евстатко, нету дома. В город уехал по кооперативным делам. Что же вы стоите, заходите, гостями будете.

Евстатко Крыстева нет в деревне. Его жена Вера тоже многое может рассказать.

— А помните, мамо,— ласково обращается к ней Кацаров,— как вы пробирались за околицу, на кукурузное поле, чтобы Григория и Ваню накормить?

Легко сказать: пробиралась за околицу. В Бабице, как и в других окрестных деревнях, стояли жандармы. Выход за околицу до уборки урожая без особого пропуска был строжайше запрещен. Кацаров проникал туда и выходил поздней ночью, тайком. А Евстатко и его жена прибегали к такой уловке: поморят голодом поросят, потом подстегнут. Те со двора, за околицу, на поле. Евстатко или Вера за ними. Жандарм наперерез. «Да разве не видишь, ваша милость, последняя живность со двора ушла, разбегутся, вас же потчевать нечем будет». Смилостивится: «Загоняй, да поживей, а не то...» Захолонет сердце от



ТЕТРАДЬ КОМАНДАРМА

С. Л. Якир, Ф. П. Иртюга, В. К. Блюхер. 1927 год.



Намечалась командировка в Саратов и Астрахань. Незадолго до поездки я встретился с Петром Ионовичем Якиром, аспирантом академика И. И. Минца, и он рассказал мне об Астрахани много интересного. После трагической гибели Ионы Эммануиловича Якира в июне 1937 года его жена и сын были высланы в этот волжский город. Сюда же были высланы и семьи М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, Я. Б. Гамарника и других. Через месяц жен осужденных арестовали, а чуть позже арестовали и детей. Петру было тогда четырнадцать лет.

Цепкая мальчишеская память сохранила все, чем поразила Астрахань более двадцати пяти лет назад: белый кремль, гордость города, звучные названия: Большие Исады, Кутум, Казачий Ерик. И еще: «17-я пристань»... Здесь была тюрьма. Не помнил он только названия улицы, где жил, но знал, что за домом была консервная фабрика, а рядом — стадион «Рыбник юга». На всякий случай мне был начерчен подробный план.

Казалась невероятной сама мысль о том, что в частном астраханском домике, где наверняка не раз сменились хозяева, может что-нибудь сохраниться,— имелись в виду фотографии, письма. Но соблазн был велик: а вдруг? Словом, приехав в Астрахань, я сразу же отправился на поиски.

Мне помогали все, к кому обращался. На третий или на четвертый день я уже стоял во дворе дома, где когда-то жила семья И. Э. Якира. Первые поиски ни к чему не привели, но все огорчения были забыты, когда хозяин дома Семен Иванович Смуров передал мне по-



ЧЕЛОВЕК И ОБЕЗЬЯНА

Наука располагает достаточно вескими аргументами в пользу родства человека и обезьяны. Об этом написаны десятки книг по антропологии и палеонтологии.

Новое подтверждение пришло неожиданно со стороны химиков. Используя новейшие методы исследования, они установили, что молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), носителя наследственности в клетках организма человека, по некоторым характеристикам похожи на соответствующие молекулы ДНК обезьян.

Это открытие, по мнению биохимиков, является неопровержимым доказательством общего предка у человека и обезьяны.

«ЧУДОВИЩЕ» ИЗ КРАСНОГО МОРЯ

Рыбаки, промышляющие в заливе Акаба возле города Элат (Израиль), в последнее время начали сталкиваться с неприятностями: кто-то рвал их сети, переворачивал лодки на спокойной воде. Спустя некоторое время установили, что причиной всех этих несчастий является огромная рыба неизвестной породы, заплывшая в залив из Красного моря. По свидетельству очевидцев, рыба эта длиной около восьми метров. Рыба таких размеров в небольшом заливе представляла для местных рыбаков сущее несчастье, и они решили избавиться от чудовища. С помощью крепких сетей и устойчивого баркаса, после многочасовой, упорной борьбы им удалось поймать рыбу-гиганта и вытащить на берег. Разгневанные жители окрестных селений, собравшиеся посмотреть на чудовище, убили рыбу и выбросили в море, к большому огорчению запоздавших зоологов, желавших переправить морского гиганта в аквариум.



И. Э. Якир — командующий Киевским военным округом.

желтевшую, ссохшуюся тетрадь, которую сохранили владельцы дома. Меж истлевших страниц лежало 27 фотографий. Часть из них приводится здесь. Все они публикуются впервые.

Самая первая фотография относится к 1918 году. Ионе Эммануиловичу было тогда двадцать два, его жене — двадцать. Фотография была сделана в Одессе, где они встретились после недолгой разлуки, чтобы затем вместе пройти рядом всю гражданскую войну. В Одессе И. Э. Якир формировал знаменитую 45-ю стрелковую дивизию. К этому времени он уже получил орден Красного Знамени — орден № 2! Награжден Якир был за руководство боевыми операциями у Лисок и Коротояка и большую организационную работу члена РВС 8-й армии.

На следующем снимке, 1927 года, самого Якира нет. Первым справа мы видим Василия Константиновича Блюхера, в то время заместителя Якира, командовавшего войсками Украины и Крыма. Рядом — адъютант командующего Ф. П. Иртюга и жена Якира.

К началу 30-х годов относится снимок Петра Ионовича Баранова, ближайшего друга Ионы Эммануиловича, члена партии с 1912 года, политкаторжанина. Он был одним из организаторов Военно-Воздушного Флота и авиационной промышленности СССР, погиб в сентябре 1933 года в авиационной катастрофе. Сына своего — Петра — Иона Эммануилович назвал в честь друга.

В Харькове, очевидно, в то же время, был сделан снимок И. Э. Якира на учении. Талантливый военачальник, он был и замечательным воспитателем, мастером организации и проведения войсковых учений, крупных маневров.

— Якир,— вспоминает Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян,— умел вносить в учения накал и динамичность подлинных боевых действий.

Учения проводились в полосе укрепрайонов Киевского округа. Много сил, труда и организаторского таланта вложил Иона Эммануилович в подготовку партизанских баз и отрядов в прифронтовой полосе, которые смогли бы сразу начать действия в тылу врага, если бы ему удалось выйти к первой полосе наших укреплений или обойти их с фланга. Трагическая гибель наших лучших полководцев, демонтаж укрепленных районов, арест многих людей, готовившихся к партизанской войне,— весь этот произвол дорого обошелся нашей Родине, народу.

Маленькая непривычная фотография И. Э. Якира в штатском — это фото для дипломатического паспорта. За границу Якир ездил несколько раз. И по делам службы и лечиться. В 1928—1929 годах он учился в Германии в высшей военной академии. Он блеснул там такими способностями, что удивил даже президента Германии, старого фельдмаршала Гинденбурга. В знак уважения к «красному генералу» Гинденбург подарил Якиру на память знаменитый труд Шлиффена «Канны», на котором сделал надпись: «На память господину Якиру — одному из талантливых военачальников современности». Тогда же руководство рейхсвера попросило Якира прочитать германскому генералитету курс лекций о гражданской войне в России. Эти лекции вызвали у столь необычных слушателей огромный интерес.

В 1936 году Якир выезжал за границу дважды. В начале года — на военно-воздушные маневры во Францию и чуть позже — в Карловы Вары, где он побывал с семьей.

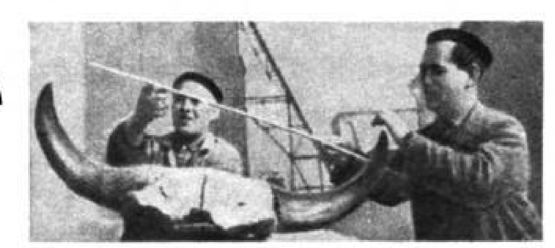
Скромный до застенчивости, Иона Эммануилович никогда не разрешал писать о своих подвигах, никогда не рассказывал о них. Любой рассказ о нем превращался в рассказ о людях, окружавших его, об их делах и судьбах...

А. НЕНАРОКОВ,
кандидат исторических наук



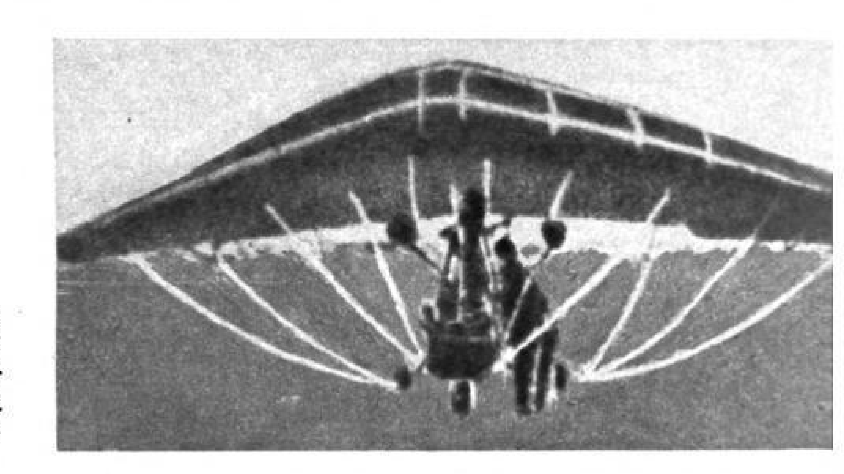
И. Э. Якир на маневрах.

ЦЕННАЯ НАХОДКА



Недавно вблизи города Магдебурга (ГДР) рабочие народного предприятия строительных материалов нашли рога бизона доисторического периода. Они достигают 103 сантиметров, являясь третьей по величине находкой такого рода в бассейне реки Эльбы. Не удивительно, что этим заинтересовались многие музеи.

САМОЛЕТ С НАДУВНЫМИ КРЫЛЬЯМИ



В Англии сконструирован самолет, чьи крылья наполняются воздухом. Для взлета такого самолета нужна дорожка длиной 90 метров. После окончания полета воздух из крыльев выпускается, и они сворачиваются.

страха, а все равно в кукурузу нырнут, где притаились те двое: «Нате, ешьте, родимые!»

У самой дороги на Брезник стоит старая, заброшенная теперь кошара. Рядом след высохшего, полузасыпанного колодца. По дороге разъезжали тогда жандармы, поили здесь коней. Кому из фашистов могло прийти в голову обшарить кошару! А здесь несколько суток скрывал Григория и Ваню дядя Владимира — Александр Тинков. Владимир попросил его об этом, еще не зная, что его родственник, человек, казалось, тихий, неприметный, занятый только своим хозяйством, и есть один из ятаков, непосредственно связанный с Брезникским отрядом.

Командир Брезникского отряда Тодор Ярославский темной ночью сам вышел к условленному месту, чтобы увести с собой новых бойцов. Тодор Ярославский, невысокий, плотный человек, с густой вьющейся шевелюрой, и его бывший связной Ценко Варадинов показали нам то место — овраг в сливовом саду за околицей села Вискер. Они вспомнили, как с волнением вглядывались в еле видимые силуэты Григория и Вани, шепотом спели вместе «Катюшу», и незатейливая, близкая песня прозвучала клятвой их братства, как Ценко Варадинов попросил у Григория что-нибудь на память и потом крепко зажал в руке металлическую пуговицу от его обесцвеченной солнцем и потом гимнастерки. Что еще мог подарить тогда советский солдат?

Рассказал Ценко Варадинов и о том, как в 1959 году он вместе с женой побывал в гостях у жителя Сочи коммуниста Григория Лапина и они, сидя рядком, глядя друг на друга влажными глазами, вновь пережили встречу в сливовом саду, тихо спели «Катюшу». С жадностью расспрашивал Григорий о друзьях-товарищах, с кем шагал он партизанскими тропами.

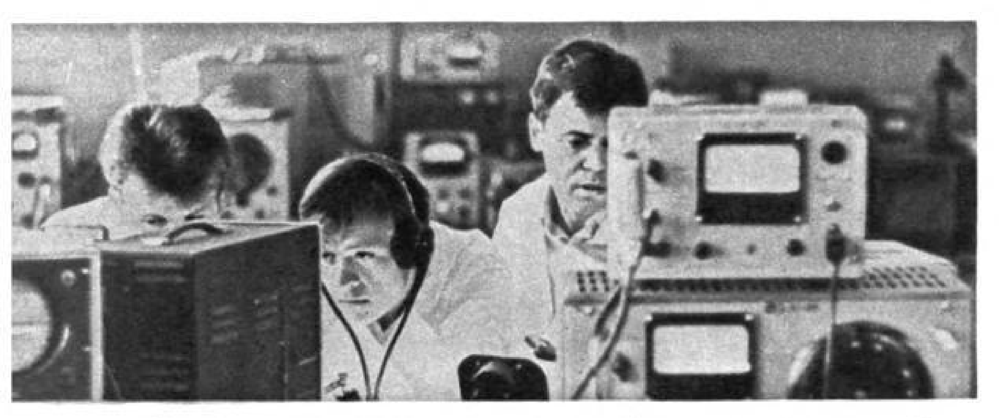
Кем они стали теперь? Тодор Ярославский сейчас — на государственной, Ценко Варадинов — на партийной работе. Оба еще сравнительно молоды. Ведь партизанскому связному и вожаку комсомольцев-подпольщиков в селе Вискер тогда было восемнадцать, а секретарю подпольного райкома партии командиру отряда — двадцать четыре года.

Запевала партизанского отряда Марин Джарманов ныне строит электростанции. Знаменосец отряда Магда Харизанова — работник ЦК партии. Ее подруга Станка, вышивавшая вместе с Магдой на куске парашютного шелка, ставшем знаменем, слова «Смерть немецким фашистам!», трудится в городском Совете Брезника. Бывшие партизаны хорошо помнят отважного советского солдата Григория Лапина и подростка Ваню, следы которого затерялись; помнят, как учил Григорий партизан владеть трофейным оружием, как одним из первых шел на самые опасные дела. За подвиги свои Григорий награжден болгарским орденом Народной свободы.

«Они были для нас подлинным олицетворением советского человека, нашего друга и брата, примером беззаветного служения родине и верности интернациональному долгу»,— писала недавно газета «Работническо дело» о Григории Лапине и Иване Фонареве, о Николае Ткаче и Федоре Борейко, о Владимире Дудареве и Николае Матвиенко, о Павле Фролове и Иване Вальчуке, о других наших людях, сражавшихся вместе с болгарскими патриотами против общего врага.



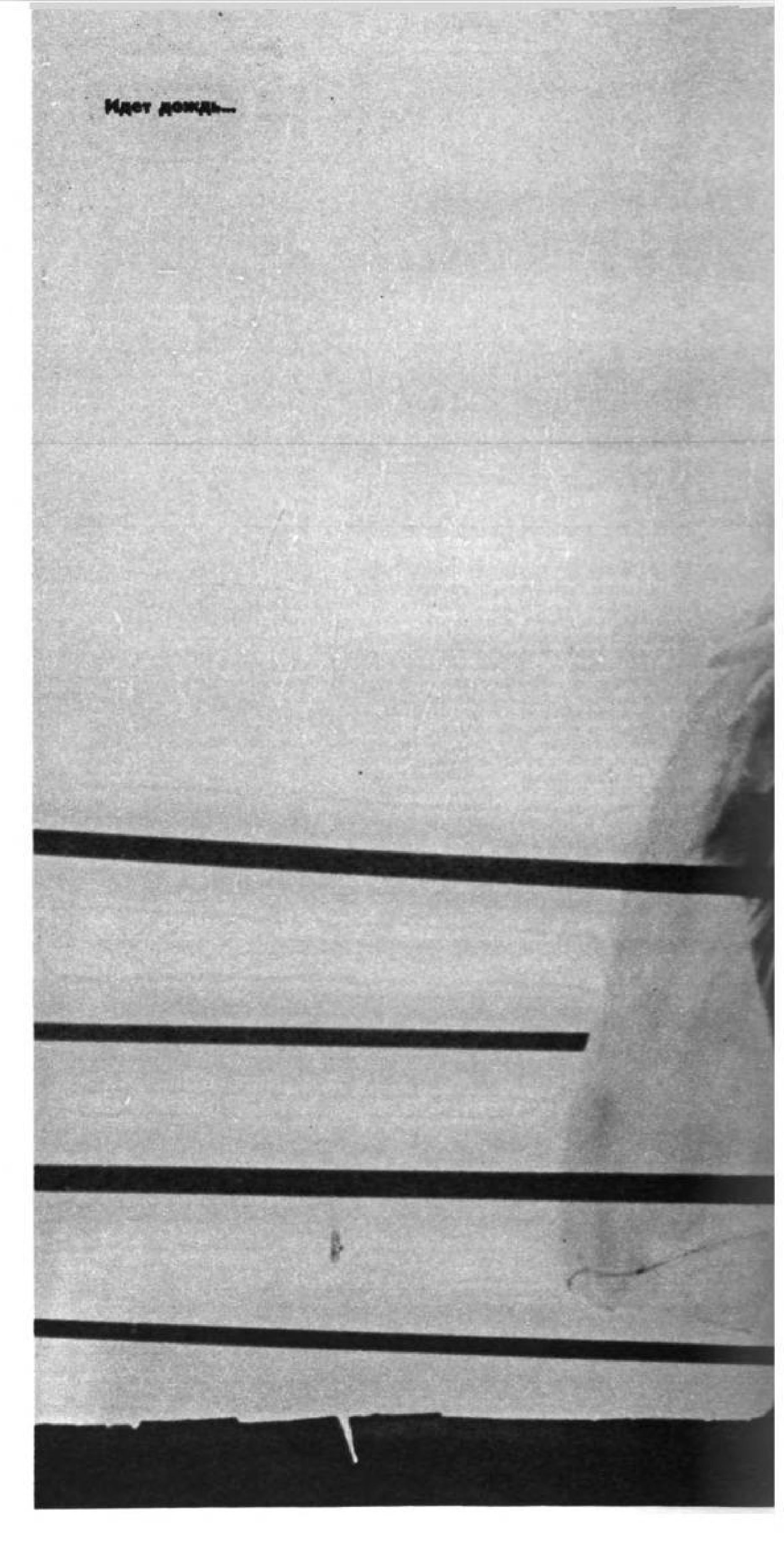
— Знаете, как я готовилась к своему первому уроку! — волнуясь, рассказывает Тамара Глебкина.— Все продумала, все предусмотрела. И платье какое надену, и как улыбаться буду, когда войду в класс, и даже в какой руке журнал буду держать. А вошла в класс, все позабыла. Села, молчу. Дети на меня смотрят, я на них. Называют меня Тамара Константиновна. И вот к этому я никак не могу привыкнуть.



Инженеры с радиозавода Вячеслав Сафронов и два Валерия — Кузнецов и Безруков — увлечены до самозабвения проблемой микромодульного проектирования.
— Это все резко изменит: и габариты и технологию,— но пока ничего не выходит. Спорим, ищем,— говорят они наперебой,— и сидим в лаборатории до поздней ночи.

— Ока наша, конечно, не Иртыш и не Енисей, но тоже свою прелесть имеет. И все-таки вот окончу институт — заочник я — и уйду в море. Может, все это мечты,— говорит капитан речного теплохода Валерий Минеев.





Идет дождь...

ФОТОРЕПОРТАЖ ВЕДЕТ АЛЕКСАНДР УЗЛЯН

ТЫ ЖИ

Вечереет. Иду по улицам города, в котором никогда не был. Маленький городок на Оке, его тихие улочки уже присыпало осенним листом. Я ищу улицу Павла Лаврентьева. Найти ее нелегко, так как появилась эта улица в Муроме совсем недавно.

Наконец, вот она. Тихо, редкие прохожие торопятся домой; прошуршит грузовик, расплескивая осенние лужи; в окнах загораются огоньки.

В такие вечера, когда моросит дождь и немножко зябко, хорошо сидеть дома. Но если ты молод, никакая погода тебе нипочем. Тянет на улицу: там, на углу, кто-то ждет...

Павел Лаврентьев тоже был молодым, и его кто-то ждал на осенних улицах Мурома. Он мечтал о сынишке, которого обязательно назовет Васяткой.

Его нет, Павла Лаврентьева. Есть улица его имени. Герой Советского Союза ефрейтор Павел Лаврентьев осенью сорок третьего пал смертью храбрых на берегу Днепра.

— Какой он был? — спрашиваю у его близких.

— Паша? Он был совестливый. Что любил? Ну как тут сказать? Все любил. Учиться хотел, да както не выходило: семья большая. Мать хворала. Он помощником бухгалтера работал. Всю получку матери всегда приносил...

Я вышел на улицу навстречу землякам Павла.

ВОЙ





О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ УЛИЦЫ

Решение исполкома Муромского городского Совета депутатов трудящихся от 6 августа 1964 года

В целях увековечения памяти Героя Советского Союза Павла Григорьевича Лаврентьева, геройски погибшего в Великой Отечественной войне, исполком городского Совета РЕШИЛ:

1. Переименовать улицу Песчаную в улицу имени Героя Советского Союза Павла Лаврентьева.

Фото Б. Ершова.



Рассказал я здесь не о всех моих новых знакомых, но и те, о которых вы прочитали, тоже чем-то похожи на Павла Лаврентьева: то ли застенчивой улыбкой, то ли цветом глаз. Их можно полюбить с первого взгляда.

Платон ВОРОНЬКО

ИЗ КНИГИ «ДОБРОТА»



С ПЕРЕВАЛА

Гора поднимается поступью сонной
По гроздьям светящимся,
Дальше — по травам.
Над ними, как страж на границе зеленой,
Вцепился в расселины корнем корявым
Старик карагач.
Запетлявшая тропка
Шуршанием влажного гравия смята,—
И ты, как на облако, мягко и робко
Ступаешь оттуда на лед синеватый.
Шагай, береги по возможности силы:
На льду по ночам с непривычки не спится!
От сини, от света в висках заломило.
А путь еще долог...
Вот столбик,
Таблица,
Прибитая чьей-то рукою упрямой:
«Над уровнем моря —5 017».
Внезапно стемнело вокруг —
И у самой
Твоей головы вдруг пошли зажигаться
До странности мелкие, скучные звезды.
А лезть уже, кажется, некуда выше —
Так близко тут небо, так редок тут воздух.
Остались внизу, под холодною крышей,
Орлиные гнезда.
«Ну, что в этих высях?!—
Как маятник, мысль ударяет мне в темя.—
С чего и зачем штурмовать мы взялись их,
Губя в восхожденьях бесценное время?!..»
Я в царстве зимы. Я сквозь тьму еле-еле
Тащу сам себя, на ходу леденею.
Но вот уж провалы долин забелели.
Земля пробудилась,
И где-то за нею
Веселое солнце лучи раскидало,
Скользнуло по склону на лед полутемный —
И он засверкал на краю перевала.
Весь мир — подо мной, на ладони огромной.





— Как похорошела Москва, как много в ней стало зелени и цветов! — говорим мы.

Кажется, все происходит само собой. Но на самом деле бесконечно много труда вкладывают в это люди. Такие, например, как Павел Иванович Травников — в прошлом полковник пограничных войск, теперь пенсионер.

Зайдите во двор дома № 8 по Фрунзенской набережной, где живет Травников, и вы не поверите собственным глазам! Неужели в центре города может существовать такой райский уголок? Щедро плодоносят яблони, груши, сливы, пышно цветут флоксы. Благоухают розы — пятьсот кустов. Пышными розовато-бело-зелеными соцветиями красуется метельчатая гортензия. На других клумбах ее сестры — гортензии садовая, японская, Бретшнейдера. Почему-то еще цветет жасмин, хотя везде он уже давно растерял свои ароматные лепестки. А вот этот кустарник, что только еще набирает бутоны, как он называется?. Вы уже исчерпали весь запас своих ботанических знаний, а не перечислили даже третьей части того, что растет на небольшом участке земли. На помощь приходит Павел Иванович:

— Это калина бульденеж, что значит снежный шар. А это — спирея аргута, или пена мая. Во время цветения у нее за белыми цветами не увидишь листвы. Это жимолость. Вот вейгелия, буддлея...

Настоящий маленький ботанический сад! Здесь рябина, береза и ель растут в двух-трех шагах от каштанов, белой акации, катальпы, туи...

О маленьком дворе-саде, где вместе с П. И. Травниковым трудятся еще сотни энтузиастов — жильцы ближайших домов,— знает весь Ленинский район столицы. Из небольшого питомника-лаборатории рассаду весной увозят во многие концы Москвы. За черенками метельчатой гортензии приезжают из Ботанического сада Академии наук СССР и даже из Тимирязевской академии. За саженцами приходят домохозяйки. Отказа нет никому. Павел Иванович радуется: множатся цветы, приносят людям радость; стоит жить ради этого и самозабвенно трудиться, вставать затемно и до темноты не уходить из сада...

На ВДНХ — выставка цветов. В ней участвуют цветоводы Москвы и Московской области — специалисты и энтузиасты-любители, общественники. Показывают свои достижения селекционеры-оригинаторы, выводящие новые сорта. Но главная гордость московских цветоводов — дворы, где цветы украшают даже стены и заборы. Это им Ленинский и Свердловский районы столицы обязаны своими аттестационными «пятерками», полученными на выставке у экспертов-ценителей.

Если в ваших дворах, где бы они ни находились — в Алма-Ате или Пензе, Магадане или Житомире, Целинограде или Баку и даже в Норильске,— еще нет цветов,— приезжайте, посмотрите московские дворы, получившие «пятерки», и вам захочется получить за свой двор такую же высокую оценку!

Эльвира ПОПОВА
Фото Я. Рюмкина.

Алексей МАРКОВ

Кварта

Четверостишия

СНЕГ

Снег как будто не в новинку:
Каждый год одно и то же,
Только не найти снежинки,
На соседнюю похожей...

БИОТОКИ

Ночь, не слышно городского гула.
На душе тоски не стало вдруг.
Ты, наверно, в этот час уснула,
Мое сердце выронив из рук!..

СЕКРЕТ

Верней публикации нету,
Чем на ухо взять да шепнуть:
«Мол, только тебе... По секрету...
Смотри, не сболтни как-нибудь!..»

ОШИБКИ

Ошибок не боюсь, ребята:
В ошибках молодость видна.
В запасе дней вот маловато,
Чтобы исправить их сполна!

КРИТИК

На солнышке заметив пятна,
Состряпал критик гневный том.
Приятель, не пора ли внятно
Сказать о солнышке самом!

ВСТРЕЧА

Чужой перрон. Курит порошею.
Темно. Куда идти — невесть!
Но улыбнулась мне прохожая,
И город осветился весь.

ПРИВЫЧКА

Редактор, почесав в затылке,
Изрек: «Не видывал таких!..»
Как нестандартные бутылки,
Он отклонил мой новый стих...

ЛЮБИМОЙ

Не начну расспросов пошлых:
Был ли, не был кто любим.
Собираюсь жить не с прошлым —
Мне с грядущим жить твоим...

СХОДСТВО

Отец, что век нелегкий прожил,
Хлебнул обид и горя лишку,
Вдруг улыбнулся и похожим
Стал на вихрастого сынишку...

ЗВЕЗДОПАД

Иль печаля кого-то, иль радуя,
Прочертив золотистую нить,
Звезды падают, звезды падают
Оттого, что устали светить...

УЛЫБКА

Сказала ты не без улыбки:
«На миг бы молодою стать!»
Сверши все прежние ошибки —
И юность обретешь опять!

УЗОРЫ

На стеклах жизнь веков отражена,
Узоры от заката пламенеют...
Быть может, это предков письмена,
Но жаль — читать никто их не умеет.

ДОРОГИ

Я прямо шел, как только мог,
Вступая в спор и перепалку.
Боялся я кривых дорог:
Они всегда ведут на свалку!

ВЕРЬТЕ

Ждите, верьте пути моему,
Что бы там ни мололи невежды!
Звезды вспыхивают потому,
Что влюбленные ждут их с надеждой.

И в ракурсе этом земные красоты
В лицо полыхнули красой неземною.
Листва поднималась из волн позолоты —
И каждый листок мне казался весною.
И реки, на камни летящие с криком,
Стремились друг к другу и пенились яро,
И с плачущим радостно Янги-Арыком
Сливались, ликуя, потоки Сингара.
И ветви свои распрямляли урюки —
Цвели, у меня на глазах молодея,
Ко мне простирали цветущие руки.
Такого величья не видел нигде я!
И ласково льнули друг к другу дувалы,
Кишлак с кишлаком обнимались, как братья.
Как ясно видны с высоты перевала
Горячие эти порывы, объятья!..
Пусть сердце взорвут восхожденья и годы —
Я жить буду в гроздьях, что ярче опала.
Не землю —
Открытую душу природы
Впервые увидел я с гор, с перевала.

ЛЕБЕДИНЫЙ ЛЁТ

Александру Корнейчуку

Говорят, что только перед смертью
Лебедь-птица песнь свою поет...
Погодите,
Тем словам не верьте,
В лебединый вслушайтесь полет!
Скрипом крыльев — белоснежных весел —
Будто озарило синеву,
И к бровям ладонь охотник взбросил,
И уткнулся ствол ружья в траву.
Скрип да скрип...
Но вслед за скрипом этим
Скрипки верб и арфы камыша
Тронет над рекою легкий ветер —
И Чайковским полнится душа.
А в глазах
Четверкой невесомой
Лебедята сказочной красы...
И взлетает, как запев знакомый,
Юность ваша из огня росы.
В сердце эхом — нежность, грусть,
влюбленность,
Поцелуя первого ожог,
Вдохновенья жаркая бессонность
С голосами пройденных дорог.
Скрип да скрип...
В лицо дыша весною,
Возрождая светлые мечты,
Реют песней, блещут белизною
Два крыла — знамена чистоты.
И надолго, не на миг единый,
Входит отзвук их в дневную тишь,
Словно сам ты
Песней лебединой
На крыле у времени летишь.

Перевел с украинского
Валентин Корчагин.

Капля в море

ОТС действует...

Что вы делаете с кинескопом телевизора, когда он выходит из строя? Лихорадочно ищете новый? И как только он водворен в приемник, стараетесь как-нибудь избавиться от старого, не зная или забывая, что даже в таком испорченном виде его стеклянная или металло-стеклянная оболочка — колба — представляет собой большую ценность? Если сменить в ней электронно-оптическую систему, то реставрированная трубка сможет служить еще долго. А заплатит за нее телезритель почти в два раза меньше, чем за новую. Выгодно и ему и государству. Так и обстоит дело во многих странах. В США, например, в 1962 году из тринадцати миллионов выпущенных кинескопов десять миллионов были регенерированными. Занимается их восстановлением множество мастерских и небольших заводов. А у нас?

Этому вопросу и было посвящено очередное заседание Общественного телевизионного совета при редакции журнала «Огонек».

Начальник отдела по приемно-телевизионной технике Министерства связи СССР В. Д. Кладовщиков ввел собравшихся в историю вопроса. Восстановление кинескопов поручалось наладить на некоторых заводах электровакуумных приборов и в специально созданных мастерских. На предприятия Министерства связи — телеателье — возлагался сбор кинескопов и их отправка.

Сейчас в стране имеется всего 25 мастерских. Только половина из них освоила технологию работ. В прошлом году было собрано около 200 тысяч кинескопов.

— А сколько выходит из строя ежегодно?

— Точных сведений нет,— отвечает тов. Кладовщиков,— но принято считать, что семнадцать процентов от существующего телепарка — а сейчас в нем около двенадцати миллионов — требуют замены кинескопов.

Значит, до двух миллионов кинескопов выходит из строя, и только 200 тысяч из них было, вероятно, восстановлено на заводах и в мастерских. Капля в море! А сколько колб идет на свалку? Какие это составляет потери!

Когда тов. Жданов, представитель Совнархоза РСФСР, говорит, что промышленность с освоением производства новых унифицированных телевизоров и новых кинескопов к ним постепенно должна будет прекратить выпуск старых, всем становится ясно, насколько возрастет роль регенерации.

Заместитель начальника телетреста РСФСР тов. Беседин и начальник отдела Главного управления бытового обслуживания при Совете Министров РСФСР тов. Борятин, точно сговорившись, слово в слово повторили друг друга, хотя функции у них разные. Телетрест собирает кинескопы, управление их восстанавливает. Оба назвали одни и те же цифры, и оба не сказали, почему все же вместо пятнадцати мастерских работают на полную мощность только... девять. И оба тихо, бочком обходили... Москву. Как будто она вовсе и не в Российской Федерации, а в какой-то другой республике. Между тем в Москве сосредоточена львиная доля всех телевизоров страны — полтора миллиона. А кинескопы на регенерацию посылают из Москвы за тридевять земель, например, во Львов.

— Почему нет мастерской в Москве? Не к лицу столице!...

— За мастерскую отвечает Московский совнархоз. План Москве спущен — одиннадцать тысяч на 1964 год.

Начальник Украинского телетреста Ю. М. Захаров говорит о поучительном опыте Украины:

— У нас телевизионное обслуживание населения построено в иной форме, чем в РСФСР. Мы не только собираем кинескопы, но и сами восстанавливаем их. Мастерские существуют при дирекциях приемно- и радиотелевизионной сети. Только в этом году они восстановили пятьдесят пять тысяч кинескопов, сберегли населению более одного миллиона рублей. Немалая выгода и государству: сэкономлено двести тысяч рублей.

Тов. Кладовщикову задается прямой вопрос: «Изучало ли Министерство связи опыт Украины? Намерено ли оно его распространять?» Ответ звучит уклончиво: «Сейчас Министерство связи является буфером между промышленностью и потребителем... С моей точки зрения, дело не в системе...» А напрасно! Министерству следовало бы учесть опыт Украины. Тов. Захарова дополняют представители Львова, Донецка и Минска — тт. Лакомский, Панасенко и Куцер. Два года на хозрасчете существует мастерская по регенерации кинескопов в Донецке. За это время здесь восстановили 13 тысяч электронно-лучевых трубок. Если бы их отправляли во Львов, на завод, то одна только перевозка обошлась бы в 5 500 рублей. В этом году цех выпустит 10 тысяч трубок, почти столько же, сколько планируется для пока еще не существующей мастерской в Москве. Затраты на оборудование цеха окупились в течение одного только года!

Слова просит тов. Давыдов.

— В 1960 году я работал директором телеателье № 2 в Москве. Кинескопов тогда не хватало, и везде говорили о первой в стране бакинской мастерской по их восстановлению. Я решил во время отпуска съездить в Баку. Представил начальнику телетреста тов. Кручкову докладную записку. Мне ответили, что это не наше дело. Добился приема к министру связи РСФСР — тогда еще существовало такое министерство. По заданию министра ездил на электроламповый завод к главному инженеру тов. Нелендеру. Он обещал всяческую помощь: оборудование, обучить людей и т. д. Оставалось разработать проект, сделать расчеты. Но на совещании, специально созванном у министра, тт. Кручков и Кладовщиков встретили меня в штыки. А ведь и деньги были и Ленинградский райком партии обещал найти помещение! Тем не менее проект был завален...

Тов. Давыдова энергично поддерживает тов. Нелендер.

— Сегодня мы наблюдаем явление, которое называется «спихотехникой»: одно ведомство сваливает свои заботы на другое. Министерство связи Федерации спихнуло мастерские управлениям бытового обслуживания. А в Москве — совнархозу. Но помещения для мастерской в таком городе, как наш, не нашлось до сих пор. А странно! Всем ясно, что опыт Украины необходимо распространить на весь Советский Союз. Возьмите на себя эту обязанность, товарищ Кладовщиков!

Представитель Московского совнархоза тов. Сегал дает справку: «Санинспекция не разрешает открывать мастерскую там, где намечалось...» Может быть, и в совнархозе подумывают о том, как бы поизящнее использовать «спихотехнику»?

Академику Н. Г. Бруевичу, закрывая совещание, не понадобилось даже подводить итоги, столь они очевидны. Надеемся, что Министерство связи СССР прислушается к критике, которой оно подверглось.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Недавно на одном из международных медицинских конгрессов, проходившем в Италии, профессор Марио Тринкас сказал:

«В последнее время мы наблюдаем непонятное явление, противоречащее здравому смыслу. Несмотря на улучшение гигиенических, санитарных, экономических и социальных условий, число ряда заболеваний, особенно сердечно-сосудистых, непрерывно повышается. Неуклонно возрастает кривая рака...

Медицина на данном этапе не может самостоятельно решить эту сложную проблему, так как не в состоянии охватить своими силами все ветви биологической науки.

Только творческое содружество представителей различных научных дисциплин может найти решение этого непонятного явления».

Об одном таком необычном содружестве очень далеких друг от друга наук мы и хотим рассказать.

Солнце, сердце и кровь

Н. ШУЛЬЦ,
член Международного научного общества биологических ритмов

Говорит дежурная метеостанции. Магнитограф зарегистрировал мощные вспышки на Солнце. Объявите тревогу!

Через несколько минут во все здравницы Сочи полетели телефонограммы:

«Тревога! На Солнце мощные вспышки. Наступает клинически опасная погода № 4. Отменить у ряда больных назначения сильнодействующих процедур, а также занятия лечебной физкультурой.

Для отдельных больных установить полупостельный и постельный режим. Установить систематический контроль за общим состоянием и функциональной деятельностью сердца у всех больных с повышенной метеочувствительностью. Увеличить отпуск соответствующих лекарственных препаратов».

Это что, фантастика? Недалекое будущее? Нет, это уже реальность, и такие сообщения в Сочи не редкость.

В 1960 году в Ленинграде на Всесоюзном междуведомственном совещании Астросовета Академии наук СССР я сделал доклад «О влиянии активной радиации Солнца на систему крови». Вот тогда-то профессор В. А. Крат, возглавляющий службу Солнца Главной астрономической обсерватории Академии наук, и предложил использовать астрономический прибор — магнитограф — в лечебных учреждениях.

Сочинское курортное управление сразу оценило, какую помощь врачам может оказать этот высокочувствительный прибор. Он был установлен в специальном павильоне, на глубоко врытом в землю постаменте, чтобы оградить магнитограф от малейших сотрясений, возникающих даже при шагах дежурного наблюдателя.

Так астрономический прибор впервые переступил порог лечебных учреждений и стал служить интересам охраны здоровья. Случай беспрецедентный в истории медицины. Ни одно самое первоклассное зарубежное медицинское учреждение не может похвалиться этим.

Но зачем врачам понадобился магнитограф?

Вокруг Земли существует постоянное магнитное поле, простирающееся на многие десятки тысяч километров. Влияние его на процессы, развивающиеся в окрестностях нашей планеты, чрезвычайно велико.

Не будь магнитного поля, Земля лишилась бы защиты от заряженных частиц, испускаемых Солнцем. Земной шар подвергался бы бомбардировке космическими частицами огромных энергий, в тысячи и даже миллионы раз превышающих энергии радиоактивного распада и расщепления атомных ядер.

Магнитограф непрерывно вычерчивает линию, характеризующую состояние магнитного поля Земли. Эта плавно изменяющаяся кривая неожиданно сменяется резкими скачками, острыми пиками. Тогда говорят: бушует магнитная буря. Эти кривые представляют для врачей большую ценность. Ведь магнитные бури связаны с вспышками на Солнце, сопровождаемыми выбросом потоков частиц, несущих заряды высоких энергий. Ослабленный организм человека, особенно пораженный сердечно-сосудистыми заболеваниями, очень остро реагирует на мощные солнечные вспышки. А значит, врачи, стоящие начеку и ожидающие неприятностей, смогут своевременно вмешаться и спасти больного.

Согласно данным главного терапевта Сочинского курортного управления Н. В. Роменского, число сердечно-сосудистых кризов после установки магнитографа снизилось более чем на 60 процентов.

Интересны в этой связи работы молодого советского ученого из Томска В. П. Десятова. Его исследования основаны не на клинических, нередко предположительных, заключениях, а на материале, где никаких ошибок и предположений быть не может.

«Для сомнений,— говорит В. П. Десятов,— в решающей роли активности Солнца при скоропостижной смерти не может быть места. Это неоспоримый факт, так как наблюдаемое явление повторяется незамедлительно и неукоснительно на протяжении двухсот месяцев моих наблюдений. Невозможно представить себе, что здесь имеют место случайные совпадения. Каждый взрыв на Солнце больно, а часто и смертельно бьет по изношенным организмам».

Солнечные вспышки сами по себе не служат причиной смерти человека — здоровый организм переносит их без вреда. Они являются лишь фактором, способствующим наступлению смерти, наравне с такими, как физическое переутомление, психоэмоциональный шок, перегревание, переохлаждение...

Надо сказать, что вопросы влияния активной радиации Солнца на организм человека стали предметом глубокого изучения с начала тридцатых годов нашего века.

Первые исследования были проведены советским ученым профессором А. Л. Чижевским, имя которого упоминается во всех капитальных исследованиях по данной проблеме как у нас, так и за рубежом.

Итоги Международного геофизического года позволили уточнить наши знания о солнечной активности и решить ряд спорных вопросов о воздействии ее на организм, но, несмотря на ценные открытия, сделанные гелиофизиками за последнее время, многое еще остается неразгаданным.

Мои исследования показали, что особенно чувствительны к колебаниям солнечной активности белые кровяные тельца. Колебания их численности вне патологии, у здоровых людей, полностью совпадают с катастрофическими процессами, происходящими на Солнце. И — что интересно — врач, следящий за составом крови, может теперь так же уверенно отмечать повышения или понижения солнечной активности, как и астроном у солнечного телескопа.

Был такой случай. Однажды я заметил в картине крови большой группы обследуемых лиц неожиданные резкие изменения, характерные для очень высокого повышения солнечной активности. А вскоре я получил срочный запрос из Главной астрономической обсерватории: «Сообщите картину крови — через центральный меридиан Солнца проходит большая активная область».

Прочтя телеграмму, я не удивился: творческие связи врачей и астрономов крепнут с каждым днем.

«Влияние Солнца на нашу жизнь,— говорит ученый ГДР Г. Е. Шульце,— гораздо значительнее, чем мы думаем, и, поскольку жизненные процессы человеческого организма управляются Солнцем, загадку Солнца наряду с астрономами теперь решает врач».

На X Международном медицинском конгрессе, проходившем в 1963 году в Италии, слушался мой доклад «Биологическая характеристика активной радиации Солнца», в котором была подчеркнута значимость биологических процессов, чувствительных к переменности солнечной радиации. Круг физических индикаторов солнечной деятельности, ранее единственно использовавшихся в науке, дополнился индикаторами биологическими. Врачи помогли физикам и астрономам.

А совсем недавно, на XI Международном медицинском конгрессе в Ферраре, итальянский ученый профессор М. Тринкас в своем докладе «Корпускулярное происхождение некоторых заболеваний» продолжил и углубил те положения, которые были высказаны советскими учеными на X конгрессе.

Так осуществляется творческое содружество ученых не только различных специальностей, но и различных стран мира. Наступление на тайны природы продолжается.

Фоторепортаж ведет
Л. ШЕРСТЕННИКОВ

ЧАЙКИ САДЯТСЯ НА ВОДУ

Пятые сутки не унимается ветер. На «Александре Обухове» затишье. Остановились конвейеры, покрылись соленым налетом аккуратно разобранные, просохшие сети.

Александр Федорович Зырянов, капитан-директор плавучего завода, молчалив, угрюм.

Штормуем, значит, цеха стоят, люди бездействуют — семьсот один человек не при деле, да к тому же и прямой убыток от неуемного норова Охотского моря — порванные сети.

Я ворошу свой блокнот: 701 человек, 116 специальностей. Это же целый плавучий город! Люди, оторванные большую часть года от берега, от дома, должны получить на корабле замену ему. И нынешние суда уже ничем не напоминают замызганные и тесные коробки с душными кубриками. На отлично сработанном ленинградцами плавучем заводе чистые, уютные каюты. Магазины, фотолаборатория, сушилки, душевые с пресной водой. Кстати, и вода теперь перестала быть проблемой. Мощные опреснители дают ее в избытке.

Сложным хозяйством командуют образованные люди, специалисты.

Через сколько рук пройдет краб, прежде чем оказаться на праздничном столе! Сначала я пытался считать. Ловцы, извлекшие краба на поверхность. Срывщики, принявшие его на борт и направившие в обработку. Затем отделение конечностей от панциря и разделка мяса. Потом сортировка, промывка, опять сортировка, точнее, контроль, и не последнее дело — укладка. Загнув на руках все пальцы, я бросил счет. Уже на механическом участке, где укладывают в ящики сверкающие банки, я увидел девушку, отбиравшую образцы из новой партии. Ирина Шишкина — техник-аналитик химической лаборатории. Здесь, в лаборатории, последняя проверка. А контрольные образцы партии будут храниться до ее полной реализации.

Миллионы консервных банок в год — вклад обуховцев в бюджет страны, в ее золотой фонд. И не только крабы, но и рыба — сайра, сельдь...

У старых моряков есть примета: «Села чайка в воду — жди хорошую погоду». Услышал я ее в первый раз не от продубленного ветрами морского волка, а от Вити Шергина, инженера, мастера добычи, вышедшего всего лишь на вторую путину. И, наверное, у молодого мастера есть научно обоснованные новейшие прогнозы. Но выдержка, воля, злость к работе у Виктора и его сверстников — это от тех, кто оставил примету.

Камчатка — Москва.

ВЛАДИМИР ГЕРЕБЕЛЬ — ЛОВЕЦ КРАБОВ.

КРАБЫ НА РАЗГРУЗОЧНОЙ ПЛОЩАДКЕ. ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСА ОНИ ПРЕВРАТЯТСЯ В ГОТОВУЮ ПРОДУКЦИЮ — КОНСЕРВЫ.



ВОЗВРАЩЕНИЕ С ЛОВА.



Короткие рассказы

Юрий СБИТНЕВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

СЫН

Хаустов шел полевой дорогой. Был февраль. Солнце, развалив дальний лес надвое, падало длинно и покато. Дорогу примело, и одинокий утрешний след розвальней терялся в белых гривашках сугробов. В городские ботинки набивался снег, и Хаустов выковыривал его пальцем, смешно поднимая то одну, то другую ногу.

Мело, но ветер уже пах таянием.

Деревня, в которую шел Хаустов, начиналась сразу за неглубокой лощиной. Избы вытянулись вдоль нее в одну долгую линию. Были избы похожи друг на друга той похожестью, которая свойственна деревням, выстроившимся сразу же после большой беды. Эта строилась после прошедшего здесь фронта.

Почти у каждой избы — крыльцо, собранное из старых автомашинных дверец, кусков правленой жести с нерусскими буквами, в венцах чернели обуглившиеся, но все еще годные наострой бревна, и на печных трубах вместо старых чугунов с выбитыми донцами дырявые армейские каски.

У старика, что кормил голенастых с грязными хвостами кур, Хаустов спросил, где живут Строговы. Старик глянул на городского человека, покашлял, спросил для верности:

— Строговы-то? — И, не дожидаясь ответа, сказал: — Третья от моей хоромины...

В сенцах у Строгова вихлясто ходили под шагом половицы, и дверь была обита веретьем. Хаустов не сразу нашел железную скобу, вежливо стукнул в нее согнутыми пальцами.

— Можно? — И потянул дверь на себя.

От печи к порогу подалась невысокая женщина. Всплеснула руками и остановилась, пораженная незнакомостью хаустовского лица.

— Здравствуйте, мамаша,— раскланиваясь, сказал Хаустов и, припоминая забытый строй речи, выдохнул: — Дружок я вашего Петра, весточку от него привез и поклоны вам, Анастасия Петровна, и Николаю Гаврилычу.

Он не сомневался, что перед ним мать друга, так было похоже никогда им не виданное лицо на лицо Петра. Имена он для верности записал в блокнот и повторял дорогой, чтобы не сбиться при встрече.

— Ой ли! — радостно охнула мать и засуетилась, заприглашала: — Да что же вы у порога, в горницу, в горницу проходите! Ну как он там? Здоров ли? Гаврилыч, отец, вставай! Гость к нам из городу, от Петюши! Вы уж извиняйте, старик прихворнул малость, с сердцем у него.

Николай Гаврилыч, сутулый, с белой головой, степенно вышел из горницы, искренне улыбнулся гостю:

— Рады... рады, проходите. Как величать вас?

— Александр.

— Так... А по-полному?

— Иванович. Только ни к чему по-полному, я вашего Петра ровесник.

— Рады... очень рады, Александр Иванович... Готовь, старая, самоварчик.

В горнице было чисто, светло. Вся она уставлена цветами — в горшках и бочонках, на малых и высоких скамейках. По стенам висели фотографии в крашеных рамках. Отовсюду улыбался, хмурился, смеялся и просто смотрел Петр. Был он тут и стриженым мальчишкой, и солдатиком в погонах, и студентом над чертежной доской, и выпускником университета, среди других, только отмеченный едва заметным красным овалом.

— Курите? — для начала разговора спросил Николай Гаврилыч.

— Курю,— ответил Хаустов и смутился, вспомнив, что последнюю сигарету выкурил в дороге.

Хозяин заметил смущение.

— Дорога длинная, запастись запамятовали. У меня есть.— Улыбнулся: — Модные!..

Прошел к комоду, выдвинул ящик, откинув кружевную скатерку.

— Пожалуйста, дымите.— Положил на стол пачку «Памира».

Хаустов закурил. Достал из бокового кармана вчетверо сложенный лист бумаги — письмо Петра, подал его Николаю Гаврилычу. Тот взял, открыто поблагодарил, улыбнулся хозяйке.

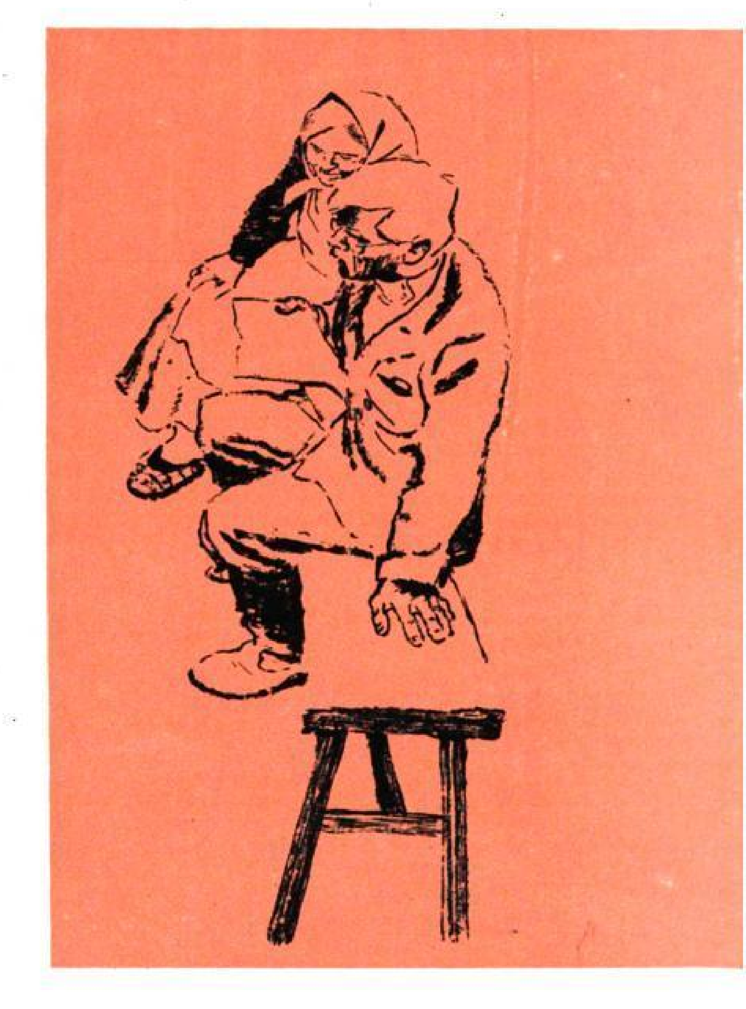
— Мы его, Петровна, потом прочитаем. А сейчас приготовь чего-нибудь. За столом беседа куда как красна!

Хаустов знал Петра давно, и ему было легко рассказывать, как занят на работе Петр, как часто ездит в дальние командировки и заграничные поездки, как уважаем он на работе и люб в гостях. Он даже немного гордился втайне своей осведомленностью о жизни Строгова. Родители слушали тихо, неумело скрывая на лицах радость.

Весело пыхтел семейный самовар, отражая присутствующих, цветы, фотографии на стенах и белую скатерть на столе. Звенели ложечки в стаканах, и Анастасия Петровна подсыпала побольше сахара в чашку гостя.

Потом Хаустов дремал на кровати, в полусне слышал шепот стариков (они читали на кухне письмо сына) и отдыхал от поезда, от снежной дороги, от долгого рассказа. Был он человеком в общем-то неразговорчивым.

Поздним вечером они сидели вдвоем с Анастасией Петровной (Николай Гаврилыч ушел в соседнюю деревню в сельпо) и снова говорили о Петре.



— Я вот что вам скажу,— говорила Анастасия Петровна,— вы Петру-то как-нибудь шепните потихоньку, приехал бы он к нам. Мне понятно, занят он. Как не понять, мы, бабы русские, ждать привыкли. Своего-то я, поди, всю жизнь прождала: война была — ждала, колхозы строили — ждала, все он по району мотался, а потом — стыдно и припомнить — из тюрьмы ждала. По навету, а все же стыдно. Только вернулся, опять война. Жданки да жданки, мы, бабы, к ним привычные, такая уж доля наша. А потом сына Петюшу ждать стала, война, ниверситет, работа. Мне что, я привычная.

Анастасия Петровна извиняюще улыбнулась.

— Старика мне жалко, он ведь ух как заждался! Не курит, здоровьем хворый стал, а загляните в комод — ящик сигарет. Под книжки Петюшины прячет, чтобы я не видела, а я ведь

ПЯТЫЕ СУТКИ НЕ УНИМАЕТСЯ ВЕТЕР.

все вижу. Вы уж не обидно так, по-хорошему шепните: дескать, отец его очень ждет.

Вернулся из сельпо Николай Гаврилыч, долго откашливался за занавеской на кухне, стучал умывальником. Поставил на стол в горнице запотевшую с мороза бутылку.

— За встречу, это уж как водится. Ты бы, мать, огурчиков достала.

И когда хлопотала с ужином Анастасия Петровна, поведал гостю шепотом.

— Вы, Александр Иванович, Петру бы потихоньку сказали: мать больно скучает, ждет его. Мне что, я солдат, сам понимаю, каково нынче да и ранее людям занятым. Большая работа, она все время да время требует, мне это в понятие, я привычный, а вот ее-то,— он совсем понизил голос,— ее больно жалко. Четвертый год от меня в утайку ужин для него готовит, целую ночь в печи теплым держит, а я вижу, все вижу, только молчу. По ночам от каждого скрипа просыпается: «Петюша приехал!» Жалко ее, женщина ведь. Вы уж ему потихоньку, так да так, от себя. Мы ему в работе нужной мешать не хотим, скажите так: мать, дескать, очень скучает, ждет...



КНУТ

1

Немцы ушли с вешней водою.

— С вешней водой ушли — не вернутся,— решили на деревне.

И хотя за дальним лесом всего в двадцати верстах грохотало и ухало, и ночами было багрово от зарева, и каждый знал, что немцы остановили наступление наших и заняли оборону, но люди вдруг поняли, что надо жить. Потому что они давно уже не жили, а спасались от смерти.

Земля, которая казалась им последнее время только землей, способной принять и успокоить всех умерших от голода и убитых, вдруг напомнила им, что она мать, истосковалась и может еще рожать, принося людям хлеб и радость.

Вечерами с полей, заросших чернобылом, сурепой и полынью, ветер приносил запах устоявшегося под солнцем чернозема и едва уловимые шорохи и почмокивания.

Земля пила влагу.

Это было похоже на почмокивание ребенка, сосущего материнскую грудь, почмокивание, которое почти забылось, но не могло быть забыто вовсе.

Бабы вечерами выходили к околице и слушали землю. Ничто не объединяет так русского человека, как общее горе. Поэтому бабы, собравшись вместе, тянули одну песню, плакали одними слезами и думали одну думу, миром, тоскуя о люльках, мокрых пеленках, о сытой доле и своих мужиках. Мужиков в деревне не было, кроме дедушки Ивана, что залег на печи еще до прихода немцев.

— Пахать, бабоньки, надо, пахать,— говорили они друг другу, слушая зов земли и томясь этим зовом: — Созрела земля.

По горсти, по кружке, по тряпице снесли бабы на двор бригадирши Авдотьихи припасенное и свято хранимое на черный день. Зерна ржи и гороха, пшеницы и вики, овса и ячменя легли на старенькое веретье.

Надо жить, а значит, сеять.

Запахать решили самый жирный клин, за Поповой рощей.

— Не дóбро бабе первую борозду класть,— сказала старуха Акимовна.— Мужик ее должон тронуть, иначе не уродит.

И все согласились, потому что в горе человек ревнив к старым приметам и обычаям.

— А коли дедушка Иван сподобит? — предложил кто-то.

— Плох он.

— Хоть бы за чепы подержится, а мы его миром в борозде удержим,— предложила Акимовна.

2

Дедушка Иван лежал на печи и слушал скворца. Скворцы прилетели в деревню и, не найдя скворечен, кричали под окнами, взывая к людям.

Дедушка был стар, но смерть не торопилась прибрать его, о чем он искренне жалел, потому что считал, что живет чужое. А чужого дедушка не хотел.

Его старуха, с которой он прожил более шестидесяти лет, померла еще на зимнего Николу и теперь каждую ночь звала его к себе, являясь в коротких снах, которых он не видел вот уже полвека.

«Скоро, уж скоро»,— думал и подолгу беседовал со старухой так, как будто она лежала рядом.

Люди не оставляли дедушку Ивана, и он принимал их заботу так же, как отдавал в свою долгую жизнь все, чем был богат. Он не удивился предложению Авдотьихи и принял его степенно.

— Подняться бы только,— сказал дедушка и не заметил слез Авдотьихи, потому что глаза его выцвели от долгого света и бессонных ночей.— Рубаху, слышь-ко, чистую сготовь мне да порты...

Авдотьиха принесла ему чистую мужнину рубаху и тиковые порты, которые вот уже третий год хранила пуще глаза.

Условились, что дедушка придет завтра на зорьке за Попову рощу сам.

Авдотьиха ушла, а старик сполз с печи. Шаркал по кухне и думал: «Сгодился, сгодился нашо Иван людям, не обойтиться им, не, не обойтиться». И оттого, что он поверил в это, прихлынули к деду силы, приободрился он и даже заворчал, как прежде, на свою старуху:

— Старая, а старая, куда кнут запропастила, слышь, завтра на пашню, а где кнут, спрашиваю, куда ты его, курослепиха, засунула?

Старуха не отвечала, а дед уже сердился не на шутку:

— Найду-от, поучу етим самым кнутом! Как, спрашиваю, на пашню мужику без кнута иттить, разбаловалась...

Кнут он нашел не скоро. Был он заброшен давным-давно за хоры и лежал там вот уже многие годы.

— Добрая погонялка,— сказал дедушка Иван и полез на печь.

Кнут он положил в головах и впервые за долгие лета заснул сразу и спокойно. Старуха не приходила к нему этой ночью.

3

Проснулся дедушка Иван до свету, сошел на пол, расчесал деревянным гребнем редкие, позеленевшие, как мох, волосы, натянул чистую одежду. Она была велика и висела на нем, не распрямляя складок и вмятин. Он еще немного пошастал по избе, взял кнут и, сказав в пустой угол: «Пошел я, старая»,— вышел на волю.

На улице было знобко, и зипунишко, наброшенный поверх чистой рубахи, плохо грел сухие кости.

На востоке небо начинало чуть-чуть ржаветь, тогда как запад пламенел широко и багряно. Оттуда глухо и неторопливо докатывался гул и оседал в глубокой лощине, сливаясь с шумом полой воды. Ветра не было, и небо над деревушкой стояло лиловое и мягкое. Опираясь на палку и помахивая кнутом, дедушка Иван поплелся к Поповой роще. И чем дальше шел он, тем радостнее становилось утро. И вся жизнь его представилась легкой. Он не помнил плохого, и, вероятно, оттого, что хорошего было мало, виделись ему одни и те же картины. Вот он мальцом ведет лошадь, и пашня перед ним лежит в зыбкой испарине, звенит в небе жаворонок, точит косу кузнечик в меже, и долго кричат перепела в сытых травах. Он увидел старуху в девичьем сарафане, но с лицом морщинистым и старым. Молодого лица он уже не помнил. Потом снова пашню, крутые мускулы коняги, ее спину, взопревшую от работы, и черный земляной срез под лемехом. Это представляется настолько явно, что он ощущает на ладонях шершавое тепло чепов и взмахивает кнутом не для удара — для острастки...

Развиднелось. В небе начинает булькать жаворонок. От Поповой рощи летит крик птиц-пересмешников, и старик прибавляет шагу, не дивясь тому, что ноги его идут молодо и легко.

— Надо бы старухе сказать, чтобы квасу принесла, не догадается сама-то, а денек славный будет, к полудню упрею,— ворчит дедушка Иван. «Кого впрягли-то? Надо б Лыску. Лыска — коняга добрая»,— думает дедушка Иван, забыв про то, что Лыску впрягали еще тогда, когда было ему всего лишь тринадцать.

Он сейчас живет воспоминаниями, не просто живет — они ведут его, дают силы, отодвигают куда-то за предел действительное. Все, чем жил долгие годы, ради чего и родился на свет, ведет его на последнюю пашню. Об этом он знает, но не хочет думать об этом.

Как молодой, махом прошел он по лавицам через широкий ручей и зашагал в гору, прямо и быстро.

Роща встретила дедушку добрым шумом, птичьим пересвистом и первым в листве лучиком взошедшего солнца.

— Ахти, напасти, — сокрушался дедушка,— припозднился! — И еще резвее заторопился тропинкой.

Сердце, которого он давно не слышал, вдруг встрепенулось, легонько клюнуло в ребра и заходило в груди ровно, словно бы маятник.

Кнут заиграл, запел в руках дедушки Ивана, а из души, из горла, из черного провала рта вырвалось что-то похожее на песню.

Земля, лежащая за рощей, пахнула на него запахами всей его жизни, всеми радостями.

— Но, но, милая! — И кнут уже вскрикнул, свистнул, срезая тонкие веточки жимолости вдоль тропинки.— Пошла, пошла, милая!..

На опушке за кустами дедушка Иван различил бабий говор.

— Ждут. То-то-ся!..

Он приосанился, скинул на одно плечо зипун, оправил рубаху, подобрал низко сползшие порты. Шагнул за кусты лихо, как ему казалось, помахивая кнутом, и вдруг застыл, пораженный...

В меже, заросшей чернобылом, сурепой и полынью, подоткнув ноги под старые, латаные юбки, сидели худые, с серыми лицами бабы, впряженные в старую соху, что лежала лет сорок у него на усадьбе, за погребом...

ЛЕНУШКА

Ленушке исполнилось пять, когда ее увезли к бабушке. Приехала тетка Клавдя, покидала в чемодан платьица, штанишки, сунула сверху куклу Катьку, объяснила:

— У нас жить будешь.

Ленушка спросила:

— Гостить, да?

— Совсем. Дядя Коля тебе кнут сделает, телка пасти будешь.

Бабушка жила в деревне, от города на электричке три остановки, а там лесом за речку Меч. Гостила Ленушка в деревне часто, но «совсем» не жила ни разу.

— А мама где?— спросила.

— Мама тоже с нами жить будет.

— А папка?

— Папка нет. Он тут останется.

— А я так, теть, не хочу. Я тут хочу совсем жить. С папкой и мамой...

Ленушка решила заплакать, но тетка стала рассказывать про телка Тишку, про речку Меч, про кнут, про оладушки. Оладушки девочка любила. Они маленькие, с ее ладошку, с розовой корочкой и смешно пыхтят на сковородке.

— Ты Катьку не бери,— сказала Ленушка,—



пусть она с папкой живет. Все не один. А я «не совсем», поживу и приеду.

Тетка согласилась. Девочка посадила куклу на стол, вздохнула, ей было немного жалко Катьку: папа приедет с работы поздно, а каково одной в комнате — скучно, и часы громко стучат...

На станцию они шли улицей, к ней Ленушка привыкла. Даже по сторонам не глядела: не интересно. Глядела на теткину спину, всю в цветочках от ситцевой кофты, и на мокрые пятнышки на лопатках от пота. Когда выходили на шоссе, оглянулась. Их дома с палисадником и тесовой калиткой не видать. Мальчишки на улице бросали «бомбы»— бумажные кульки с пылью.

«Глупые какие,— подумала Ленушка.— Самим же дышать придется».

И ей тут же самой захотелось бросить «бомбу».

— Теть Клавдя, а у вас пыль есть?

— Нет, у нас травушка. Кувыркаться на ней будешь,— откликнулась тетка, и цветочки на ее спине смешно заплясали.

— Ага,— согласилась Ленушка и добавила:— Ты бы папке пива купила, он его любит.

— Сам купит,— скучно сказала тетка.

В вагоне Ленушка смотрела в окно. На переезде, у будки, стоял старик с желтым флажком и улыбался.

«Хорошо ему»,— подумала девочка. И почувствовала, что ей тоже хорошо, потому что смеются колеса, кружится и приседает далекий лес и солнце щекочет реснички и морщит нос. Потом электричка стояла у платформы, и Ленушка видела, как мальчишки из большой кружки пили квас. Кружка одна, а их много. Толстая тетка в белом халате стояла у бочки и смотрела на мальчишек.

«Жадная,— решила Ленушка,— дала бы им всем по кружке. Ну не по полной, хотя бы по половине...»

А когда шли лесом в деревню, девочка снова вспомнила про мальчишек и квас. Ей захотелось пить.

— Теть Клавдя, давай в Мече искупаемся? Мне папа разрешает.

Тетка сомлела от жары, цветы на кофточке повяли, а мокрые пятна на лопатках стали больше. Она промолчала, но с дороги свернула. Они прошли густым ольховником. В ольховнике пахло садом, и в листве возились птицы. Одна маленькая, с белой грудкой и черным хвостиком, выпорхнула из-под ног и закачалась на тонкой ветке.

— Кто тут, кто тут?—закричала птичка.

Ленушка рассмеялась, а птица, напугавшись, снова юркнула в кусты, и ветка быстро-быстро закачалась, будто загрозила: «Тише, тише...».

За ольховником была река, песок на берегу был горячий и жег пятки (сандалии Ленушка сняла еще на станции).

— Вот тут не глыбко. Тут купаться будем...— сказала Клавдя и долго подозрительно оглядывалась на ольховник, на «тот берег», заросший осокой и сон-травою.

— Ты что?— шепотом спросила Ленушка.

— Не подглядел бы кто,— сказала тетка и стала стягивать кофточку.

Девочка сбросила платьице, стянула трусишки и, тронув ногой воду, радостно завизжала.

— Тише ты, накличешь...— глухо сказала Клавдя, снимая черную юбку.

— А зачем ты рубашку носишь, жарко ведь?— спросила Ленушка, оглянувшись.

— Надо...

Они недолго поплескались в реке. Ленушка — весело, быстро, с брызгами и смехом. Тетка Клавдя — медленно, с глухими стонами, тяжелыми всплесками. Тело у тетки было белое, только шея, лицо и руки по локти черные.

Ленушка подумала, что Клавдя похожа на картинку из толстой папиной книжки, но не сказала об этом.

— Вылазь, ознобишься...— приказала тетка.

— Нет, еще немножко,— воспротивилась девочка.

— Тогда потри-ка мне спинку,— протянула пучок травы, присела на дно, обняв грудь руками. Ленушка принялась водить травой вдоль теткиной спины и удивлялась: спина была мягкая, совсем не такая, как у куклы Катьки.

«Как подушка»,— подумала Ленушка, а тетка охала и смешно подвывала...

...Сначала в деревне было весело, девочка ни о чем не думала, гоняла на луг телка Тишку, глядела, как гуси щиплют траву, бегала с соседскими ребятишками на Меч и радовалась жизни.

— Ты дачница?— спросила ее как-то сверстница Сонька Казучиха.

Ленушка знала, что такое дачница, и сказала:

— Ага...

— Вона,— вступил в разговор Миша Кузякин, задира и плакса.— Ты «насовсем» тут живешь. Я знаю, тетка твоя говорила моей мамке.

— А вот и нет,— возразила Ленушка.— У меня в городе папка живет, там наш дом, и Катька моя там.

— А вот и да!— сказал Мишка.— Мамка от твоего папки ушла. И тут жить будет.

— Нет!— закричала Ленушка, обидевшись, и еще громче:— Нет!

Мишка не любил, когда на него кричат, и дал Ленушке подзатыльник. Она заплакала и ушла на зады. Там, за сараем, в густых лопухах, она долго-долго плакала. Не от подзатыльника, а от обиды и жалости, какой, она еще не понимала. По лопухам ползали букашки, их тоже было жалко Ленушке, и телка Тишку, которого ударила вчера хворостиной Клавдя, и Тузика, потому что ему отдавили мальчишки лапу. Тузик понял, что его жалеют, и приковылял в лопухи, она обняла его и заплакала еще горше, потому что пес стал жалобно повизгивать.

Вечером у Ленушки болела голова, и было очень скучно. На кухне собрались гости и шумели. Пиликала гармошка, дядя Николай получил получку (он работал в городе), и его друзья, тетка Клавдя и мать Мишки Кузякина пили вино. Они шумели, а Ленушка слышала, как в избе громко и страшно стучат часы-ходики. Она дождалась маму и спросила:

— Мама, я насовсем жить тут буду?

— Ты почему не спишь!— рассердилась мать и пригрозила:— В угол поставлю!..

— Мама, насовсем, да?— прошептала Ленушка.

Мать присела на постель, обняла девочку за плечи и сказала:

— Да, дочка, насовсем...

— А папа?— тихо-тихо спросила она.

— Он уехал...

— Приедет?

Мать молчала. Потом сказала:

— Спи.— И ушла.

Ленушка не спала, она не плакала, она слушала, как стучат часы, они всегда стучат так, когда нет кругом никого, никого, кроме куклы Катьки.

Наутро девочка выгнала на луг телка, подарила Мишке кнут (у нее не было на него обиды), поцеловала в холодный, мокрый нос Тузика и ушла по дороге из деревни. Она не взяла с собой ничего, кроме двух холодных оладушек. Один съела за мостом через Меч, другой спрятала в карман платья для отца. Не остановили девочку ни на станции, ни в вагоне. Она села к окну и стала смотреть на мир невесело и задумчиво. На одной остановке она узнала бочку, но тетки в белом халате не было. На переезде, у будки,— старика, только он не улыбался, и на родной улице — мальчишек.

Калитка палисадника была закрыта, и Ленушка долго стучала в нее кулаками. Потом из ямы за палисадом она носила кирпичи и строила из них лесенку к загородке. Два раза она больно ушибла руку, один раз упала (лесенка развалилась). Было очень страшно, когда забралась на изгородь и спрыгнула в густую садовую траву. Платьишком зацепилась за кол и порвала его. Но не пожалела. Знакомое крыльцо было рядом. Ленушка засмеялась и вбежала на него, застучала в дверь. Никто не ответил. Потом она увидела замок, он был белый с рыжими пятнами ржавчины.

— Катька, не слышишь, что ли?!— закричала девочка.

Села на приступки крыльца и долго плакала.





А. Л. Птушко



Кадр из фильма «Сказка о потерянном времени»

Старейший режиссер советской кинематографии Александр Лукич Птушко бессменно трудится на киностудии «Мосфильм» в жанре сказки, былины, народного эпоса... «Новый Гулливер», «Золотой ключик», «Каменный цветок», «Садко», «Илья Муромец», «Сампо», «Алые паруса» — все это картины, созданные Птушко.

Сейчас лето подошло к концу, ребята возвратились в школы. К новому учебному году режиссер Птушко приготовил школьникам хороший подарок. В сентябре детвора увидит в кинотеатрах новый художественный цветной фильм «Сказка о потерянном времени». В постановке А. Л. Птушко фильм снят в редком жанре современной сказки. Сценарий по мотивам одноименного произведения Евгения Шварца написан Владимиром Лифшицем.

В основу киносказки положена поэтическая и значительная мысль о цене каждой минуты, о высоком назначении человеческой жизни. Дети встретятся в новой картине с хорошо знакомыми комедийными актерами: О. Анофриев исполняет заглавную роль Пети Зубова; в роли злых волшебников и волшебниц выступают С. Мартинсон, Г. Вицин, И. Мурзаева и В. Телегина.

Н. ЖЕЛЕЗНЯКОВА

Посылк авиапоч

Петр ЧУМАК

После опубликования в девятнадцатом номере журнала «Огонек» очерка под заголовком «Разговор через океан» о состоявшейся переписке с известным американским писателем Эптоном Синклером и присланных им писем Джека Лондона и Джона Рида в редакцию пришло много дружеских откликов. Одним из первых отозвался сам маститый писатель. Он прислал очень доброе письмо: «У меня нет слов выразить Вам своё удовольствие от рассказа в «Огоньке». Что может быть больше! Отправляю авиапочтой посылку с материалами, которые Вы можете использовать, как Вам угодно. Вскоре дети Советского Союза будут восторгаться картиной, которую делает Дисней по «Гномобилю». С братским приветом Эптон Синклер».

Обещанная посылка прибыла. Мы продолжаем печатать впервые на русском языке новые интересные письма, предоставленные нам из эпистолярного собрания писателя.

Из других зарубежных откликов особенно приятно нам было увидеть сердечную статью польской газеты «Жыце Варшавы», которая с удовлетворением отмечает публикацию материала об Эптоне Синклере. «Таким образом,— говорит газета,— молодому советскому поколению возвращено творчество Синклера».

Многие читатели попросили редакцию журнала «Огонек» рассказать, как живет в наши дни Эптон Синклер. Писатель в свои восемьдесят шесть лет здоров, бодр и деятелен. Он по-прежнему занимается литературным трудом, читает лекции, внимательно следит за политическими событиями, получает много писем, журналов и газет со всех концов света. Недавно на вопрос американского журналиста, как он рассматривает происходящую в настоящее время борьбу американских негров за равноправие, Эптон Синклер решительно заявил: «Негры получат свои права, и нация должна будет стать лицом перед этой необходимостью».

Синклер по-прежнему верит в то, что «естественные богатства должны принадлежать всему народу». По его словам, «Америка живет в условиях анархизма, который называют капитализмом». Писатель крайне озабочен тем, что «пятая часть американцев живет в бедности», тогда как «склады забиты товарами, которые мы не можем покупать». Такие несправедливые отношения между людьми в Америке Эптон Синклер называет «системой диких зверей».

На вопрос, какую из своих многочисленных книг писатель считает самой любимой, он ответил почти тем же вопросом: «А может ли мать сказать, кого из всех своих детей она больше всего любит?»

За свою долгую творческую жизнь Синклер, как романист, драматург, памфлетист и журналист, написал девяносто больших томов. Не считая стран, говорящих на английском языке, его книги изданы в пятидесяти пяти странах. «Чем объяснить такой громадный успех творчества писателя? Чем характерно его творчество?» — спрашивают наши читатели. Именно тем, что книги его — большей частью изумительные образцы художественной публицистики. В упорной борьбе за общественную справедливость писатель десятки лет шел буквально на гребне наиболее крупных политических событий. Достаточно привести его же слова о том, почему он, например, создал знаменитый роман «Бостон». В предисловии к книге Синклер взволнованно заявил: «Решение написать этот роман было принято в половине десятого вечера (время тихоокеанского побережья) 23 августа 1927 года после телефонного сообщения, полученного мною из газеты, о том, что Сакко и Ванцетти казнены. Автор подумал, что мир пожелает, может быть, узнать истину об этом деле, и его предположение оказалось верным: с пяти континентов посыпались каблограммы и письма, требовавшие, чтобы автор сделал именно то, что он решил сделать». И вот в самый кратчайший срок боевая книга Эптона Синклера «Бостон» вышла в свет и своей правдой обожгла человечество, обнажив перед читателями американское террористическое правосудие, казнившее двух невинных революционеров-рабочих. Их имена присвоены советским предприятиям и пароходам.

Книга «Гномобиль», о которой Эптон Синклер упоминает в ответном письме,— его единственная сказка, которую он сочинил для своей внучки. Сказка посвящена «всем, кто любит и бережет наши леса». В ней звучит тревога о варварском уничтожении природных богатств при капитализме. Ее герои-гномы отправляются на «гномобиле» в далекое путешествие, чтобы найти леса, в которых они, возможно, встретят уцелевшее племя других гномов и тогда уже не будут так одиноки. По этой сказке написан сценарий, американский режиссер Уолт Дисней готовит теперь большой красочный фильм для детей, перенося их в волшебный мир, полный чудес.

Однажды Эптон Синклер сказал в шутку, что он собирается прожить так же долго, как и Бернард Шоу, то есть не менее девяноста четырех лет. На мою просьбу ответить, в чем же заключается его секрет долголетия, Синклер любезно прислал довольно обстоятельную статью с веселыми картинками. Она будет со временем опубликована.

■

Лютер Бербанк — Эптону Синклеру.
10 ноября 1918 года.

Дорогой г-н Синклер,

Ваше письмо от 8 ноября я получил. Хотя у меня ежегодно бывает до восьми тысяч посетителей, а поговорить лично я могу только с одним человеком из каждых пятидесяти, я все же буду очень рад видеть Вас у себя, когда Вы сочтете для себя удобным, и я могу заверить Вас, что Вы будете встречены с должным вниманием, которого Вы, безусловно, заслуживаете. **Приезжайте в любое время**, но если хотите видеть мои участки в наилучшую пору работ, то июль — самое удачное время; однако это уж слишком далеко.

Ваш сын кажется мне тоже очень одаренным. Полной характеристики нового необходимого дерева все же составлено не было. Я бы лично вообразил превосходное белое фиговое дерево, плодоносящее круглый год и дающее, кроме того, в соответствующие времена года немного апельсинов, бананов и сливочного мороженого. Как и Ваш сын, **я люблю фиги** и считаю их, пожалуй, самыми лучшими фруктами, какие когда-либо росли. Едва ли будет практично добиваться увеличения фиг до размеров кокосовых орехов, так как, падая с дерева, они превращались бы, наверное, в кашу.

Преданный Вам
Лютер Бербанк.

Артур Конан Дойль — Эптону Синклеру.
Уиндлесхем,
Кроуборо, Суссекс.
1920 год.

Мой дорогой сэр,

я прочитал Вашу книгу с интересом и симпатией. Я прямо снимаю перед Вами шляпу за Вашу самоотверженную борьбу, которую Вы вели во имя своих убеждений. То, что Вы говорите о своей литературной репутации, меня удивляет, так как нет американского писателя, который ценился бы выше Вас в США.

...С самыми наилучшими пожеланиями
Артур Конан Дойль.

Речь идет о книге «Медная марка» *.

Бартоломео Ванцетти — Эптону Синклеру.
Чарлстоунская тюрьма (Массачусетс).
20 мая 1922 года.

Я очень благодарен Вам за Ваш визит.

Нужно посидеть в тюрьме, чтобы понять, что значит «добрый визит». И, право же, ни Вы, ни добрый Дана не в состоянии представить себе, какую радость я получил; я желаю Вам, чтобы Вы не очутились в таком же положении и Вам не пришлось познать эту радость.

Вашу книгу мне не передали. Я не знаю, что сказал Вам надзиратель, но если он отказался передать книгу, то я скажу Вам, в чем дело. После того как Вы ушли, он пошел к священнику Мерфи, начальнику тюрьмы штата Массачусетс, и накрутил его насчет книги. Что потом фактически последовало, Вы знаете лучше меня.

Итак, я должен с сожалением посоветовать Вам избегать бесполезных расходов и хлопот, посылая Ваши книги,— их все равно задержат.

Я сожалею, что Ваш визит был кратким, хотелось бы побольше поговорить о многих интересных вещах. Но я в тюрьме, а у Вас свои дела. Тем не менее я все же надеюсь, что солидарность пролетариата и многих великодушных сердец даст мне возможность иметь с Вами более продолжительные беседы.

Сердечно Ваш
Бартоломео Ванцетти.

Ванцетти — итальянец, рабочий; он был обвинен как наемный убийца и казнен в 1927 году. Это всемирно известное дело послужило сюжетом для моего романа «Бостон».

«Добрый Дана» — это Генри Уодсуорт Лонгфелло Дана, внук поэта Лонгфелло, неутомимый друг гражданской свободы.

Я не помню, о какой книге сообщал Ванцетти.

* Здесь и дальше пояснения Эптона Синклера.— П. Ч.

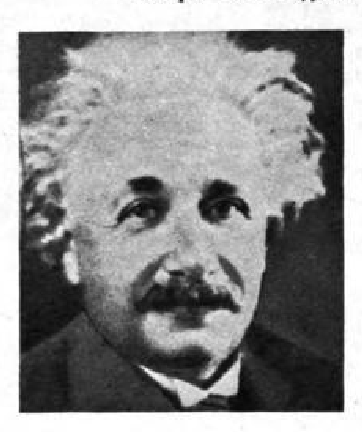
а той



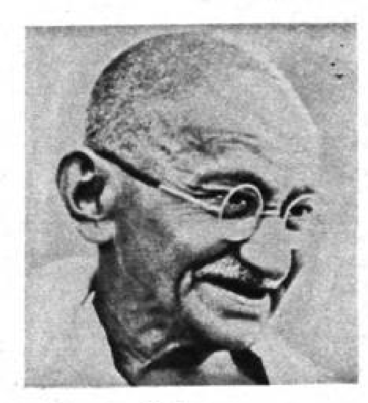
Эптон Синклер.



Фотография Бернарда Шоу, посланная Э. Синклеру с надписью: «Это я в 1948 году. Д. Б. Ш. Эптону Синклеру. Эйот Сент-Лоуренс. 6 января 1949 года».



Альберт Эйнштейн.

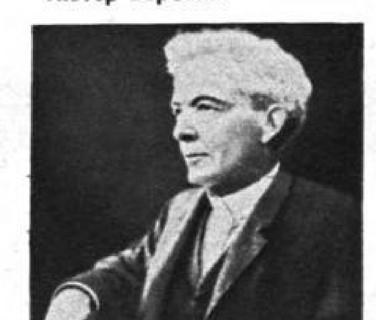


Мохандас К. Ганди.



Бартоломео Ванцетти.

Лютер Бербанк.



Бартоломео Ванцетти — Эптону Синклеру.
Тюрьма штата Массачусетс.
4 октября 1923 года.

Я знаю, что Вам понятны чувства и мысли, которые Ваша солидарность и дружба вызывают в человеке моих убеждений и принципов; поэтому не буду пытаться изложить их, а только засвидетельствую, что они есть.

Я никогда не забуду ни Вашего визита, ни Вашего золотого пера, которое встало на мою защиту и мужественно провело так много добрых битв ради правды и свободы.

То, что Вы сказали о моей невиновности,— это сущая истина.

Я понимаю и ценю причины, побудившие Вас поднять меня выше, чем я того стою. Если и есть хоть немножко хорошего во мне — чему я очень рад,— то, право же, я не заслужил таких Ваших похвал.

Я думаю, что в этих же самых четырех стенах, изолирующих меня от общества, есть узники, которые гораздо лучше меня.

Я закончил краткую повесть, которая вскоре будет опубликована,— по крайней мере так было сказано мне,— и я пришлю Вам один экземпляр. Пожалуйста, не думайте, что я тщеславен,— я знаю свою незначительность. Скромный, я сам писал для таких же скромных, которые должны завоевать мир ради мира и свободы; и я стараюсь разъяснить истины скромные, но не всем известные.

Ваш от всего сердца
Бартоломео Ванцетти.

Повесть, насколько я знаю, не была опубликована.

Рабиндранат Тагор — Эптону Синклеру.
Вишвабхарати,
Калькуттское отделение.
4 сентября 1923 года.

Дорогой г-н Синклер,

ящик с книгами прибыл вместе с Вашими любезными, дружескими надписями на каждой книге. Право, это любезно с Вашей стороны — столь великодушно откликнуться на мою просьбу. Я рад такому проявлению Вашего внимания и буду рад также передать Ваши идеи студентам моего Вишвабхарати.

Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших книгах. Я еще не имел возможности прочитать их все, но «Медная марка», прочитанная мною в первом же издании, возбудила во мне желание познакомиться как с автором, так и с его произведениями. Ваша бесстрашная защита правды, всего, что справедливо, взгляд на то унижение, к которому приводит людей преклонение перед деньгами, на то отравляющее влияние денег, которые возбуждают пустое высокомерие, лишают человека собственного достоинства, обесценивают его,— словом, на все те проклятия, которые возникают, когда доллар владеет человеком,— эти идеи, которые Вы воплощаете в своей книге, вызвали во мне симпатию к Вам. Годами я думал об этих явлениях, об этой особой фазе нашей современной цивилизации; всего лишь несколько недель назад я сам закончил драму на эту тему. Вскоре она будет напечатана на английском языке, и я надеюсь иметь удовольствие послать ее Вам.

Я позабочусь о переводе некоторых Ваших книг и сообщу Вам.

С самой искренней благодарностью за Вашу любезность и с надеждой, что мы когда-нибудь сумеем лично побеседовать о людях и книгах, а также о других предметах, в особенности тех, которые представляют интерес для нас обоих, остаюсь

искренне Ваш
Рабиндранат Тагор.

Мохандас Кармчанд Ганди — Эптону Синклеру.
Центральная тюрьма в Йеравде,
Пуна.
5 июля 1932 года.

Дорогой друг,

благодарю за Ваше письмо и газету «Америкен аутпост», а также за брошюру о Нобелевских премиях. Значение этих премий непонятно мне, и я не могу также представить себе, за что присуждают премии. Я уверен, что Вашу автобиографию прочитаю с большим интересом. Я вспоминаю, что после того, как отправил Вам открытку, я сообщил Вам, что книги, о которых Вы упоминаете в своем письме, прибыли в Ашрам в прошлом году. Я надеюсь, что Вы не послали их вторично. Но если Вы послали их снова, то я прослежу, чтобы их использовали целесообразно. Мой младший сын, который тоже в тюрьме, начал читать Ваши книги. Я переслал ему свой экземпляр Вашей книги «Мокрый парад», а другие книги будут посланы ему из Ашрама.

Искренне Ваш
М. К. Ганди.

Альберт Эйнштейн — Эптону Синклеру.
Принстон, Нью-Джерси.
23 октября 1941 года.

Мой дорогой Эптон Синклер,

Вы знаете, как я высоко ценю Ваше оригинальное искусство, а также мужественную и честную борьбу, которую Вы вели в течение всей Вашей жизни. Я глубоко благодарен Вам за то, что Вы послали мне свои книги. С другой стороны, Вы должны понять, что я живу в состоянии постоянного напряжения, стремясь найти решение моих проблем, и я очень редко обретаю спокойствие ума, чтобы читать художественные произведения. Это объясняется не столько недостатком времени, сколько трудностью сосредоточиться на беллетристике.

У меня сложилось чувство, что большинство людей в США не понимает, насколько опасно наше нынешнее положение. Я также должен признаться, что чувствую всю трагичность положения России. Бессмысленное уничтожение такого огромного драгоценного труда, накопленного в условиях наивысших затруднений всего лишь за двадцать лет! Воистину трудно сохранить веру в то, что в человеческой истории заложен глубокий смысл.

С добрыми приветами и пожеланиями
сердечно ваш
А. Эйнштейн.

Джордж Бернард Шоу — Эптону Синклеру.
Эйот Сент-Лоуренс,
Велвайн, Хертс.
6 января 1949 года.

Дорогой Э. С.,

...не проходит недели, чтобы ко мне не поступали письма, поучающие меня, как жить вечно или достичь хотя бы тысячелетия. Отсюда моя первая необходимость — это порожняя корзина для бумаг.

Я уже перевалил за половину своего 93-го года и все еще считаю Вас особо близким другом; и хотя минуло уже много лет с той поры, как мы встретились, я все еще вижу Вас молодым человеком.

Это все, что могу сказать Вам,— то, что Вам, вероятно, хочется знать. Примите это как самый приветливый взмах руки издалека.

Вкладываю фотографию того, что от меня осталось.

Д. Бернард Шоу.

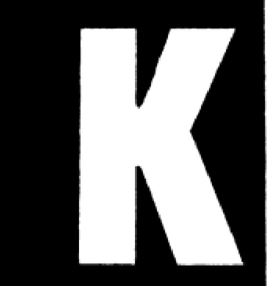
Это печальное прощальное письмо и фотографию моя жена и я получили со слезами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Лютер Бербанк (1849—1926) — американский селекционер-дарвинист, создавший большое количество новых сортов плодовых, овощных, полевых и декоративных культур.

Мохандас Кармчанд Ганди (1869—1948) — видный деятель индийского национально-освободительного движения, лидер партии Национального конгресса. Ему принадлежит заслуга превращения Конгресса в массовую партию, объединявшую во время подъемов национально-освободительной борьбы миллионы человек. Английские власти неоднократно подвергали Ганди арестам.

Г. ЕЛИЗАВЕТИН,
инструктор Парткомиссии при ЦК КПСС



каждому война пришла по-своему, много было начал: вспорола воздух сирена, напряженно задребезжала телефонная мембрана или диффузор репродуктора, воспроизводя слова оглушительного смысла... К другим война пришла непосредственно: холодным сиянием осветительных ракет, разрывами снарядов и бомб, обвалом танковой атаки, автоматными очередями...

Костромину[1] она явилась ранним утром. Сквозь полусон он слышал: что-то тупое било в землю, удары отдавались в ней глубоко и глухо. Он проснулся, приподнялся на локте. Откуда-то сверху лилось натужное завывание. Через окно комната полнилась непонятным ярким светом. Временами он медленно гаснул, будто выключаемый реостатом, потом вспыхивал вновь. Раздавались одиночные выстрелы артиллерии, и каждому, как эхо, вторил негромкий, округлый звук разрыва.

«Зенитки бьют»,— определил Костромин, и тотчас мысль о войне, постоянно дежурившая в глубинах сознания, подобно пузырьку воздуха, дремавшему в жидкости, вынеслась на поверхность.

Костромин встал. Будильник показывал четыре часа. Нужно было немедля добираться до аэродрома.

У другой стены спала и не просыпалась жена. «Умаял Петька»,— подумал Костромин и решил не будить. Заглянул в кровать сына. Мальчик тоже спал, закинув назад руки. Одеяло сбилось к ногам, рубашонка задралась, из-под нее матово блестел животишко.

Костромин торопливо оделся, вышел на улицу. Дверной замок резко лязгнул за ним.

А спустя час с километровой высоты Костромин увидел то, что мало кому дано видеть,— шаги войны.

С самолета казалось: там, внизу, ступает по планете сама смерть.

А потом был бой, в котором забываешь все, в котором одна цель, подчиняющая себе и мысли, и ток крови, и движение мускулов.

Он вышел с честью из этого боя, первого в его жизни. На своем «ястребке», изрешеченном пулями немецких истребителей, он сумел дотянуть до аэродрома, но уже не того, откуда поднимался, а другого, на добрую сотню километров восточнее, куда перебазировалась эскадрилья.

Все дальше и дальше он удалялся от дома, оставленного в неизвестности. Комиссар успокаивал: семья эвакуирована, скоро получишь письмо.

Действительно, неведомо где проблуждав, оно пришло из небольшого городка средней России. Лида писала, что поселилась у одинокой пожилой женщины, очень доброй, сердечной, и хоть ей с сыном бывает трудно, но они все перетерпят, лишь бы скорее кончилась война и возвратился он, Костя.

Это письмо Костромин носил в кармане гимнастерки и перечитывал до тех пор, пока бумага не истерлась в легкие, пушистые волокна, а новое не приходило.

Потом он узнал, что город, откуда писала жена, занят врагом, и вновь стала давить неизвестность.

Шел месяц за месяцем. Он, не переставая, ждал. Порой казалось, что ждет напрасно, что давно нет в живых ни жены, ни сына. Тогда кровь начинала бить в затылок, вздувала на шее мешавшие дышать жгуты. Ему бы в такие минуты в машину, в воздух, но он уже не летал: его послали учить других.

Встреча состоялась нежданно. В конце третьего года войны его вызвал начальник школы. В кабинете сидела Лида. Костромин задохнулся от радости, глядел и не мог наглядеться на милое, похудевшее лицо.

Он так долго приучал себя к мысли о потере обоих, что стойко выслушал рассказ о смерти сына.

С тех пор они не расставались. Безропотно, преданно она следовала за ним всюду: из города в город, из части в часть. Он хотел неразлучностью наверстать долгие годы одиночества.

Но неразлучности не получалось, и последние дни Костромин с тревогой стал замечать в жене признаки усталости и раздражения.

* * *

Костромин с маху пхнул дверь: опаздывал на занятия. На улице на скамье сидела старуха. Пальцы цепко держат за рукав парнишку — серая кепчонка, под ней лоб — две шишки в созвездиях веснушек.

— Погоди, Петя, потерпи еще чуток... Вот он, твой отец, Петя!

Сообразив, что это относится к нему, Костромин удивился.

— Сын? Какой сын? Врешь ты, старая. Сын!

Серая кепчонка слетела на землю. Рыжая голова в чаше широких ладоней. Шишковатый лоб уперся в ремень портупеи — дышит мальчонка запахом мужского тела, запахом отца, неведомым, впервые познанным, но таким притягательным, дышит и боится дышать, боится поверить.

— Да как же это? Иди сюда, бабушка, ну, иди, расскажи все, как было. Кто ты? Умер ведь сын, говорила Лида.

Костромин даже задохнулся. Сел рядом со старухой на скамейку.

— Рассказывай.

— Уж и не знаю, как тебе рассказать. Думала, умру — никому поведать не доведется: кому попало про такое не скажешь, а тебя не чаяла найти, да и не искала. Где искать-то?

Не смотри на меня, не узнаешь, впервой мы с тобой видимся, через жену я тебя определила да по Пете. Вон вы какие оба — одной масти.

Что война наделала, сколько жизней перевернула!

Хорошо мы жили перед войной, всего мне хватало: и питья, и еды, и сыновней любви. Сын у меня модельщиком был. Красавец. Многие девушки на него заглядывались. Только ни одна ему женой не стала. Как войну объявили, сам пошел он в Красную Армию поступать. Я плачу: один ведь он у меня. А он свое: «Пойду! Это, мама, ненадолго, разобьем фашистов — и вернусь. Вон сила у нас какая».

Я ему говорю: «Молодой ты, Алеша, не зовут еще». А он мне: «Отец в семнадцать лет против генерала Миллера воевал — знаешь такого? — а я к тому же еще и комсомолец». И ушел. И осталась я совсем одна, как тычок.

А тут вскоре пошли-повалили к нам беженцы. Туча народу. Все женщины — одни и с ребятишками, старики старые. Страсть что творилось! Город заполонили. Продукты иссякли. Но всех приняли, как родных, деток приголубили.

Вот у меня и поселилась твоя жена Лидия Андреевна с Петей. Полтора годика ему тогда исполнилось. Слабеньким выглядел мальчиком. Помню, взяла я его первый раз на руки — легонький такой.

Зажили мы втроем. Несладко нам пришлось: Лида совсем налегке приехала — ни денег, ни вещичек, чтоб продать-поменять. Все, говорила, бросить пришлось. Еле-еле в больницу санитаркой пристроилась. А я кондуктором на автобусах ездила. Кое-как сводили концы с концами. Днем Лида работает — я дома, вечером я на автобус — она дома. Приноравливались. Стирали по ночам, в очередях за пайком то сами отстоим, то соседей попросим. Всякий кусочек, что послаще, Пете несли. Рос он хилым, но не болел. слава богу.

Нелегко нам, женщинам, без мужской поддержки. Находились, правда, помощники, подъезжали к Лиде. Только она — ничего не скажу — строго себя держала.

Так бы и перетерпели до твоего возвращения, да немец все наступал, наступал и к нашему городу подошел.

Стал народ спасаться: у кого машина—на машине, другие поездами, а то и пешком.

Нам говорят: эвакуироваться надо. Лида порывалась уехать, а я все раздумывала: может, еще не пустят немца. Да и куда с маленьким подадимся? Всем троим гибель. Опять же домишко, скарб разный — бросить жалко. Тридцать лет на одном месте прожито — не шутка!

А тут еще слухи. Одни рассказывают — лютуют фашисты, давят наших. Другие листки ихние показывают, с аэропланов брошенные; пишется там, чтоб, мол, мирное население не беспокоилось, все будет хорошо, никого не тронем, оставайтесь на месте.

Тянули-тянули и дождались: податься некуда — обошел немец город, все пути-дороги закрыл, а потом и к нам пожаловал.

Помню, ночью лежим в кроватях одетые, не спим, смерти ждем, слушаем, как земля содрогается.

А потом все стихло. Еще жутче стало, будто всей жизни конец.

Не знаю, долго ли мы так лежали, нет ли, только слышим, машина заурчала и у нашего дома остановилась. Стучат в дверь. Обмерла я, а все ж пошла. Спрашиваю: кто там? А из-за двери незнакомый голос отвечает:

— Откройте, патруль.

Я дверь открыла. Входят человек шесть, кто с ружьями, кто так просто. Одежда все чужая, и лица нерусские. Поняла я — немцы. Один только в наше одет. Те, что с ружьями, по дому разбежались, все искали что-то — под кровати заглянули, в гардероб, под столы, постели переворошили. Потом опять все к порогу сбежались. Один, в каске, вытянулся, что-то быстро военному в фуражке говорит-говорит. Тот кивнул, и все вышли. А тот, что в русской одежде, остался и объясняет мне:

— У вас поселится немецкий офицер. Приберите эту комнату,— на горницу показывает,— поставьте кровать, и чтоб чистота была. И чтоб ребенок господину офицеру не докучал.

Повернулся уйти, а потом добавил:

— Вам повезло, с немецким офицером в доме вы будете в безопасности.

Давно уж я слово «господин» не слышала, чудно мне показалось — будто в старое время. А за Петеньку тут же обиделась: кому ребенок может помешать? Только недоброму человеку.

Делать, однако ж, нечего, принялись мы с Лидой горницу убирать, кровать мою поставили. Мне на полу спать выходило. Лида сама хотела, да я не согласилась — мне привычней. Она с Петенькой в Алешиной комнате осталась, я — в своей.

В тот день никто не пришел. Город будто вымер, на улицах ни души, только машины разные разъезжают да солдаты с оружием расхаживают, каждый угол обнюхивают. Объявлений разных понавешали — все приказы: то запрещается и то запрещается. И почти на каждом черными буквами одно слово — «расстрел».

А потом и пошло: то одного, слышно, забрали, то другого. У вокзала двоих повесили.

А на другое утро подъезжает к дому мотоциклетка. Открываю дверь, входит человек в немецком мундире, высокий, за ним солдат с чемоданом. Только я открыла — высокий взял чемодан у солдата, снял фуражку, кланяется мне и спрашивает:

— Вы позволите?

Я уж поняла, что это наш постоялец. Говорю: входите.

Вошел он, разделся, шинель, фуражку на вешалку повесил и опять кланяется. А я смотрю на него и не верю, что он немец: до чего же красив! Думаю, русским бы ему быть или там украинцем. Рослый, осанистый, волосы — что сажа печная, лицо чистое, с румянцем, глаза большие и вроде как задумчивые.

Он так учтиво обошел меня — и к Лиде. Шагнул к ней, каблуками щелкнул и смешно выговаривает:

— Я есть капитан Пауль Брок.

Однако ж чисто по-русски произнес.

Так и поселился у нас тот немец. День прожил, два прошло, неделя, и стали мы к нему привыкать. Знала я, что он Гитлеру служит, видела, как его товарищи наших людей обирали, вешали, в Германию силком увозили, а все казалось, будто он тут ни при чем. Думалось, есть же и немцы хорошие, может, этот поневоле свою службу несет. А все потому так казалось, что уж очень обходительным Пауль был: без стука в комнату не войдет, без разреше-

[1] По понятным причинам здесь не названы подлинные имена.

ОСТАЛОСЬ СЕМЬ МИНУТ...

ния ничего не тронет. Больше ж всего вниманием к Петеньке расположил: никогда с пустыми руками не явится, лакомства разные носил. Посмотрю, как Петя к нему ручонки протягивает, и думаю: должно быть, свои дети в Германии остались.

Пожил он с месяц и уехал. Три дня не возвращался. Где был, что делал — не знаю. Приезжает, в руках цветы живые — где только раздобыл! Подает Лиде и говорит:

— Мадам, я очень-очень соскучился по вас.

Ну не так сказал, а как-то красиво, не могу я вспомнить.

Лида вначале сердито на него посмотрела, а когда заметила, что он опечалился и руку с цветами убирает, приняла букет.

Как он тут повеселел! Чемодан свой открыл и принялся всякие кушанья на стол ставить. Чего там только не было: коробки разные, банки, шоколады. Вина бутылку достал. У меня просит:

— Мама, тарелки.

Забыла сказать: мамой он меня называл. Вот уж слово само по себе, что ли, такое: чужой назовет — и тот ближе становится.

Накрыли стол, сели. Он все за Лидино здоровье выпивал. Пьет и на нее смотрит. Ну, и она будто оттаяла: улыбается ему.

И стало мне вдруг страшно, точно опомнилась я. Думаю, что ж мы делаем: русские люди за окном гибнут, Алеша мой и Лидин муж, может быть, уже голову сложили, государство разорено, а мы тут пируем! И с кем? С врагом нашим. Да еще улыбаемся.

А они долго еще сидели, разговаривали. Видно мне было, как Пауль руки Лиде целовал. Почтительно так, и большего себе не позволял.

Однако ж возникла у них с тех пор любовь. Он-то, видать, с первых дней к Лиде потянулся, а она, по-моему, с того вечера подобрела к нему.

Пробовала я ее остановить, говорю:

— Лидуша, не забывай — муж у тебя.

А она побледнеет, помолчит — задумается — и спросит тихо:

— Где он, нянька?

Нянькой она меня за Петю называла.

— Сын еще,— говорю.

А она:

— Пауль Петю любит.

И что ни день, то крепче промеж ними любовь разгоралась. Меня уж стесняться перестали: как придет, все сидят, за руки держатся.

Не знаю, чем бы это кончилось, кабы не наша Красная Армия. Начала она фашистов гнать. Повеселели люди. Неведомо какими путями приходили к нам хорошие вести: тот город отбили, другой — пошла русская земля очищаться.

Постоялец наш надолго пропадать стал, по нескольку дней. И, по всему видать, помрачнел. Но как приедет, так еще больше к Лиде льнет и все с ней о чем-то шепотом разговаривает. Пить стали больше, то и дело бутылки с вином открывают, будто что наверстать торопятся.

А наши все ближе да ближе... Опять выстрелы загремели, самолеты залетали, немцы задвигались, ракеты, прожекторы...

Тревожно стало, вот-вот что-то свершиться должно. Как-то вечером приезжает Пауль на машине, торопится — и сразу к Лиде. Не расслышала я, что он сказал, а только оцепенела она вдруг и со страхом на него поглядела. А он ее увещевает, по волосам гладит. Сели они ужинать. На столе, как всегда, несколько бутылок. Лида не ест, все пьет, глаза широкие сделались, смотрит в одно место. А он ей все что-то внушает. Вначале я из другой комнаты не разбирала, а когда опьянел, громче стал говорить.

— Решайся,— говорит и на часы смотрит, помолчит, руки ей поцелует, про любовь про свою скажет, а потом опять на часы и опять:— Решайся, осталось пятнадцать минут... Решайся, осталось десять минут...

Не пойму я, а всю меня страх заполонил, как шинцовая стала.

А он все громче:

— Решайся, осталось семь минут...— И вытаскивает револьвер, на стол кладет.— Мы будем свободны и навсегда вместе.

Наконец она отвечает:

— Не могу. Я же мать!

А он махнул рукой и с досадой возражает:

— Это один миг, он не почувствует, и ты не услышишь — заведем музыку. У нас будет другой ребенок, сын фон Брока, немец.

И идет к патефону. Завел не глядя.

Взял револьвер в руку и опять к Лиде.

— Ну?

Поняла я наконец, страшное поняла. Какая-то сила меня подбросила. Схватила я Петеньку, одеяло и, каким был — в рубашонке,— прижала к себе и, крадучись, через черный ход вышла в ночь. Глянула, а там бог весть что творится: рвется свет на куски, горит все небо... Я и побежала.

В небе всполохи, огни мечутся, пушки грохочут. А мне не страшно, и ни о чем этом я не думаю, а думаю: только бы уйти подальше. Откуда силы взялись: кажись, попади мне на пути стена каменная — прошла бы стену насквозь!

И вот, скажи, ни одна пуля, ни один осколок меня не задел. Должно, господь меня хранил с младенцем.

Сколько я так шла и куда — не помню, безумная я в ту ночь была, только вдруг чувствую — чьи-то руки меня схватили, табачищем дохнуло, и по матушке:

— ...Стой! Куда прешь, дура очумелая!

Смотрю — наш красноармеец передо мною. Шинелишка грязная, каска железная, а из-под нее глаза голубые, русские, и борода небритая.

— Как ты, — говорит, — тетка, здесь очутилась?

А я и слова вымолвить не могу.

Потом все как во сне было: куда-то меня привели в землянку, и наши советские командиры меня расспрашивали, откуда я да как сюда попала. Слушали и все дивились, как это я невредимой разные ихние огни и заграждения прошла. Послушают-послушают — и в смех. Головами трясут: не бабка, а вездеход. Потом уж я им и про главное сказала — отчего бежала.

А как расспросили, посадили нас с Петенькой на машину, надавали хлеба, консервов и повезли. И вот сюда, в Воронеж, доставили.

А здесь разорение тогда было полное и все заново строилось. Строители мне и говорят:

— Живи, бабка, в нашем бараке, убирать будешь. Когда и постираешь, за отдельную плату.

Я спрашиваю:

— А как же дите? Вы люди рабочие, вам спать-отдыхать нужно, а он, неразумный, и расплачется и раскапризничается, приставать будет.

А они мне:

— Э, бабка, мы коли заснем, так нас и бомба не разбудит.

Поначалу мы так и жили — с мужчинами вместе. Барак длиннущий, об одну комнату, на четырнадцать коек. Наша крайняя была, у стены. Занавеску повесили. И ничего, тепло нам жилось. Петеньку все любили.

Комендант Иван Ильич сперва сердился: не годится, говорил, в холостяцком общежитии женщине с ребенком проживать. Однако ж не выгнал. А через год велел наш угол фанерой отгородить. Получилась комната. В ней Петенька и вырос и в школу из нее пошел.

— Как же ты, бабушка, меня нашла?

— Так вот, не искала, а нашла. Иду неделю назад по базару, смотрю — знакомая женщина. Екнуло у меня сердце, верю и не верю. Сносила, значит, ее земля, не расступилась. Хотела спрятаться, никогда на глаза не показываться, а потом подумала: а отец как? Мать я кое-как заменяла, а отца кто заменит? Да и какое я право имею от него укрывать, если жив он? Принялась следить за Лидой, расспрашивать потихоньку, вот и узнала.

А твоей жене ты сам судья.

* * *

Костромин с сыном уезжал из Воронежа. Она стояла на платформе, уже не пробуя уговаривать.

Встрепенулся поезд, сбросил с себя цепенящие силы, покатился быстрее и быстрее. Замелькали перед Лидией Андреевной окна вагонов — одно, другое, третье... И в каждом чье-то лицо — то плачет, то смеется, то говорит беззвучно. Но все не ей. И только в одном — полузабытое, но родное — пронеслось и исчезло — расплющенный о стекло нос и глаза, жадно перебегающие с предмета на предмет, но минувшие ее самое. Протянула руку — задержать бы,— но тут же уронила: разве остановишь бег поезда?

Через год она подала в партийную организацию, где состоял на учете Костромин, заявление с жалобой на него.

...Такой предстала передо мной история семьи Костромина, когда лист за листом я читал дело, слушал людей, причастных к ней,— всех, кого удалось разыскать.

Я знаю, мне никогда не воссоздать полностью то, что произошло: многие детали безвозвратно утрачены, и никому не дано раскрывать затаенное,— но я еще долго буду раздумывать над узнанным, стараться постигнуть сложное переплетение интимнейших отношений, чтобы решить — сперва для себя,— виновен ли Костромин. «...Самовольно увез сына, разлучив с матерью... бросил жену после многих лет совместной жизни...» — читаю я в решении местного партийного органа. Нет, все гораздо сложнее!

НЕВЕДОМЫМИ ТРОПАМИ

Манящие дали и неведомые тропы привлекают на Кавказ множество туристов. Но можно пройти по этим тропам и ничего не увидеть, не узнать. А можно — под руководством доброго гида — постичь такие тайны природы и истории, которые оставят в памяти неизгладимый след.

Недавно по инициативе партийных, советских и профсоюзных организаций Абхазии в Сухуми впервые создан научно-исследовательский институт туризма. Работа института ведется исключительно на общественных началах. Координирует эту работу ученый совет. В него входят историки, искусствоведы, этнографы, инженеры. А его председатель — ученый и знаток края, первый секретарь Абхазского обкома партии М. Т. Бгажба.

Республика наша богата памятниками старины. В наш солнечный край ежегодно устремляются тысячи людей, жаждущих не только отдохнуть, но и познакомиться с прошлым Абхазии и с ее настоящим. Они спускаются в гроты и пещеры, путешествуют по едва заметным тропам, любуются сказочной красотой горных озер, голубизной морских просторов, посещают колхозы и совхозы, чайные и мандариновые плантации. Их путь лежит вдоль 160-километровой Абхазской стены, построенной нашими предками около пятнадцати веков назад. Аквалангисты-любители спускаются на дно Сухумского каньона, где под толщей морской воды сохранились остатки Диоскурии и Севастополиса — древних городов.

Альпинисты и спелеологи штурмуют вершины и глубины горы Арабюк, Анакопийской пещеры, устанавливая новые рекорды восхождения и спусков.

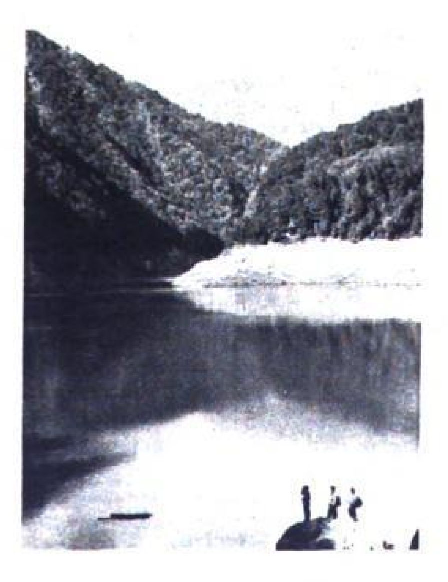
Для наших гостей строятся новые гостиницы в Сухуми и на Пицунде, прокладываются новые маршруты вдоль Бзыбского ущелья. К озеру Рица пройдет монорельсовая подвесная дорога. В окрестностях Сухуми, в начале Военно-Сухумской дороги, сооружается туристский комплекс с гостиницами в абхазском народном стиле, с искусственным озером. На главных трассах предполагается сооружение легких туристских деревень.

Мы провели экспедиции по разработке новых туристских маршрутов.

Уже теперь наши сотрудники продумывают организацию фестиваля «Аргонавты на берегу моря». Мы думаем, что такой фестиваль можно устраивать ежегодно в определенное время и проводить его в крупных городах Кавказского побережья. Театрализованные представления на открытых площадках и в море расскажут туристам об истории нашей республики, о далеких аргонавтах, которые когда-то посещали древнюю Колхиду и бросали свои якоря у наших берегов.

В. ПАЧУЛИА

Озеро Амткел.
Фото А. Шагина.



ГОРОДУ ШЕСТЬ ЛЕТ

НОВАЯ ТОЧКА НА КАРТЕ



Вл. КРУПИН
Фото автора.

Города — как люди. Они похожи и разнолики. И внешним видом, и судьбами, и происхождением.

Старые разнятся сильнее.

У молодых больше общего. Рождаются они в тайге или на целине, начинаются с палаток или бараков, вызывают их к жизни нефть или руда...

Навои совсем еще молод. И потому он так похож на своих многочисленных собратьев. И детскими колясками, и нетронутой чистотой неба над крышами, и обилием строительных кранов.

Навои — город химиков, энергетиков и геологов — своим рождением более всего обязан бухарскому газу. Он вырос со сказочной быстротой — сегодня в нем семьдесят тысяч жителей — на окраине Кзылкумов. Естественно, что новичку не терпится увидеть рядом с четырехэтажными зданиями песчаные барханы. Но с одной стороны тянется хлопковое поле, с другой — волнуется бронзовое море пшеницы, с севера город прикрыт зеленым щитом леса и, наконец, густым частоколом электромачт Навоинской ГРЭС. А там и гладь «Навоинского моря» и опять хлопковые поля. Между прочим, года два назад хлопка здесь почти не было: посевам не хватало влаги. Но вот Зеравшан перегородила плотина водохранилища, предназначенного для питания котлов электростанции,— и серую, сухую степь усеяли изумрудные квадраты. Не пропадать же зря воде!

Лицо города определяется многими обстоятельствами. Его профессией, его географией, его созидателями, его людьми.

Главная профессия Навои — Большая химия. Комбинат, который встает чуть поодаль жилых кварталов,— тоже детище бухарского газа. Это предприятие будет, пожалуй, самым экономичным в стране. Главный инженер его Евгений Тимофеевич Ларин привел мне такие цифры:

— На Чирчикском электрохимкомбинате из тысячи кубометров газа получают продукции на 180 рублей. Мы будем делать из того же сырья на 485 рублей разного добра. Благодаря чему? Благодаря комплексной переработке газа.

Цифры и формулы, как правило, плохо уживаются рядом с эмоциями. Но арифметика навоинской химии захватывает. Первая очередь комбината вступит в строй в 1965 году. Весной потянутся отсюда на благодатные земли Средней Азии эшелоны с азотными удобрениями. А осенью — цианамид, вещество малоизвестное, но многообещающее. Оно ускорит созревание хлопковых коробочек и проложит на поля дорогу уборочным комбайнам.

Сердце нового города — Навоинская ГРЭС. Газовая река, что пришла сюда из пустыни, уже привела в действие половину мощностей этого теплового Днепрогэса. Станция будет служить двум хозяевам — химии и ирригации. Газовая река превратится здесь в электрическую, потечет из Навои к Аму-Дарье и вернется оттуда опять в новом облике — двух оросительных каналов, Аму-Бухарского и Каршинского. Они поднимутся с помощью мощных насосов в долину Зеравшана и Каршинскую степь, чтобы вызвать к жизни сотни тысяч гектаров плодоноснейшей целины.

...Олег Бедняков, секретарь исполкома горсовета и по совместительству местный летописец, обронил при мне такую фразу:

— Навои — это значит все новое.

Навои — новое. Пусть случайно созвучие этих слов, но не случайно их ставишь рядом. Город современен в самом настоящем смысле этого слова. И дело совсем не в том, что магазин называется «Космос», а кинотеатр «Спутник». И не в том, что в домах есть газ и горячая вода, что на крышах, словно аисты, выстроились телевизионные антенны. Так и должно быть в наше время и в молодых и в старых городах.

Новь Навои проявляется в большом и малом. Вот на химкомбинате ставится стометровая труба для вывода в атмосферу газов, ставится, между прочим, новым методом самомонтажа,— делается это с таким расчетом, чтобы небо над городом осталось чистым.

Вот строится электростанция. Впрочем, «строится» — не то слово. Точнее сказать: монтируется. Кирпич выходит в отставку — ГРЭС сооружается из железобетонных конструкций.

Шоссе тоже сделано не по старинке. Не асфальт, а бетонные плиты. Такая дорога прослужит не один десяток лет. Она и приводит нас в город, где многое делается так же всерьез и надолго, с большим загадом.

Вот новый микрорайон. Его возраст — всего два года. Но во дворах уже шелестит листвой, радует глаз юная зелень. Деревца посажены тогда же, когда были заложены фундаменты домов. А если вы пройдете на улицу постарше, скажем, имени Титова, то там в палящий полдень вполне можно укрыться в тени чинар, абрикосов или виноградных беседок.

ТАМ, ЗА ДОМАМИ, ПУСТЫНЯ. ЧТОБЫ СМЯГЧИТЬ ЕЕ ПАЛЯЩЕЕ ДЫХАНИЕ, ПОЧТИ В КАЖДОМ ДВОРЕ СООРУЖЕН ПЛЕСКАТЕЛЬНЫЙ БАССЕЙН.

НАВОИ — ГОРОД СПОРТИВНЫЙ.

САДЫК САЯБУРАНОВ, СТРОИТЕЛЬ ХИМИЧЕСКОГО КОМБИНАТА.

НАВОИНСКАЯ ГРЭС — ДЕТИЩЕ БУХАРСКОГО ГАЗА.

Навои проектируют северяне — ленинградские архитекторы и художники. Но требования юга ими тщательно учтены. Айваны — длинные балконы вдоль каждого этажа — это и лишние кубометры воздуха в душный день и своеобразные защитные козырьки от палящего солнца. Плескательные бассейны во дворах — раздолье для ребятишек.

Не забыты и взрослые любители спорта. Поначалу кажется даже, что во дворах слишком много баскетбольных, волейбольных и иных площадок: население в городе не так велико. Да и как заниматься физкультурой при такой жаре.

Садык Сайбуранов, прораб на строительстве химкомбината, развеял мои сомнения. Мы познакомились днем во время совещания передовиков, где Сайбуранов, между прочим, сидел в президиуме. Садык предложил встретиться на стадионе и назначил неожиданно раннее время — семь часов.

На стадионе, которому может позавидовать любой большой город, уже кипела своя жизнь. На отличном травянистом поле тренировались футболисты команды «Зеравшан». Метатели, прыгуны и бегуны отрабатывали технику движений. А в крытом павильоне десятка два велосипедистов под руководством своего тренера Славы Кузнецова готовились к 50-километровому пробегу в горы. Появился и Сайбуранов. Он был в тренировочном костюме. Садык улыбнулся:

— Навои — город спортивный. Нельзя же отставать от других.

И Садык, действительно, в отстающих не числится. Первый разряд по борьбе и по штанге дается немногим!

Бродили мы по городу и говорили долго. О многом и, конечно, о Навои. Сайбуранов советовал мне не смотреть на все сквозь розовые очки: город растет очень быстро и страдает обычными болезнями роста: не хватает и жилья и детских учреждений. Дыхание пустыни тоже дает себя знать то жарой, то пыльной бурей. Но все равно: Навои — это город, где хочется жить.

Навои назвали именем великого Алишера — поэта и просветителя узбекского народа. Точнее говоря, псевдонимом, который он себе избрал. «Навои» означает «мелодичный», «певучий». Таким был поэт. Таков и его юный тезка.

— Этот город — как песня,— сказал Садык.— Его надо услышать.

Да, его надо услышать. Днем, когда все звуки — человеческие шаги и птичье разноголосье, урчание автобусов и детские крики — сливаются в сплошной и неясный уличный шум, этот голос почти не слышен. Но если вы подъедете к Навои за полночь, когда город с его огнями кажется то ли бриллиантовым замком, то ли океанским лайнером, плывущим в далекую гавань, вы услышите бесхитростную, но удивительную музыку: песнь соловья и ласковый лепет влюбленных, тихий говор арыков и задумчивый шепот чинар.

Дождитесь рассвета, той минуты, когда солнце высветит первым лучом серебряные мачты электропередач. И вы увидите, как город плывет на север, развернув навстречу ветру цветные паруса своих домов.

Счастливого плавания тебе, Навои!



Французская киноактриса Мишель Морган — наши зрители знакомы с ней по фильму «Дьявол и десять заповедей» — отпраздновала своеобразный юбилей, сыграв пятидесятую роль в кино. Это — героиня картины «Констанция из преисподней». Мишель Морган дебютировала в 1936 году. За 28 лет ей довелось работать с крупнейшими мастерами французского кино. На кадре — Мишель Морган из «Констанции».





Раф Валоне, итальянский актер, которого мы знаем по картине «Тереза Ракэн» и другим лентам, получил недавно специальную премию за исполнение главной роли в фильме «Вид с моста» по пьесе американского драматурга Артура Миллера. Он будет теперь сниматься вместе с известной Сильваной Пампанини в фильме молодого итальянского режиссера Эрманно Ольми «Поездка».

●

Как привлечь публику в кино? Над этим вопросом ломают голову многие зарубежные режиссеры. Французский режиссер Жак Баратье решил создать пародию на все виды и жанры современного кино: «Пилюли с перцем».

Для участия в этом фильме приглашены крупнейшие звезды французского кинематографа: Марина Влади, Моника Витти, Симона Синьоре и другие.

●

Картина «Развод по-итальянски» у нас широко известна. Ее создал режиссер Пьетро Джерми. А режиссер Витторио де Сика свой новый фильм назвал «Замужество по-итальянски». На роль героя приглашен Марчелло Мастроянни — артист, блестяще сыгравший роль барона Чефалу в фильме «Развод по-итальянски».

«Замужество по-итальянски» — экранизация пьесы Эдуардо де Филиппо «Филумена Мартурано». Роль героини в новой картине играет популярнейшая итальянская актриса Софи Лорен. Вы видите ее на снимке в роли Филумены.





РУССКИЙ ТЕАТР НА АФИНСКОЙ СЦЕНЕ



Главный режиссер театра имени Е. Вахтангова Рубен Николаевич Симонов.

В афинских газетах уже появились сообщения о предстоящих гастролях Государственного Академического театра имени Е. Вахтангова.

Мы беседовали с главным режиссером театра Р. Н. Симоновым перед отъездом в Грецию.

— Это не совсем обычные гастроли,— сказал Рубен Николаевич.— Несколько лет назад мы с успехом выдержали экзамен на театральных фестивалях в Париже и Венеции. Но в Греции наш коллектив будет первым представлять театральное искусство России. До нас там не бывал ни один из русских драматических театров. Это, конечно, обязывает коллектив ко многому.

Мы везем «Иркутскую историю» Арбузова, «Живой труп» Л. Толстого, «Идиот» Достоевского и пьесу, которая в свое время помогла родиться театру,— «Принцессу Турандот» К. Гоцци. Все 15 спектаклей мы дадим в помещении частного театра «Рекс».

Сейчас уже в Одессе грузят на теплоход «Латвия» декорации и реквизит, а актеры театра в эти напряженные часы заняты... изучением греческого языка! Это наш сюрприз зрителям Афин. В «Иркутской истории» хор будет звучать на греческом языке, так же как отдельные шутки масок в «Принцессе Турандот». Мы заранее договорились о том, что в прологе наших артистов будет представлять известный греческий актер театра и кино — Александракис. Это друг советского театра. С успехом исполнял он роль Сергея в «Иркутской истории» на сцене одного из афинских театров.

Мы радуемся близкой встрече с режиссером театра Греческой трагедии города Пирей Д. Рондирисом и актрисой Аспасией Папатанасну. Гастролируя в Советском Союзе, они бывали у нас в театре и даже посещали наши репетиции.

ГРУЗИНСКАЯ СВЯТЫНЯ

По древнему преданию, когда-то жил на горе в Кахетии богатырь Заден, воин великой силы и отваги. Он пал на поле брани за правду и справедливость. В память о славном богатыре царь повелел воздвигнуть на вершине горы скульптуру, которую нарекли именем героя — «Заден». Со всех уголков Грузии, тогда еще языческой, стекались сюда люди. По горным тропинкам они поднимались на вершину — поклониться, как божеству, образу героя. Со временем выражение: «Подняться на вершину Заден» превратилось в название горы Зедазени, ставшей национальной святыней.

До наших дней на горе Зедазени сохранились развалины крепости, возведенной в 109 году до нашей эры. Здесь же церковь типа базилики, ограда, кельи и другие подсобные помещения. Монастырь Иоанна Зедазенского с трех сторон окружен каменной крепостной стеной; с четвертой — западной стороны — естественной защитой служили крутые склоны скалы.

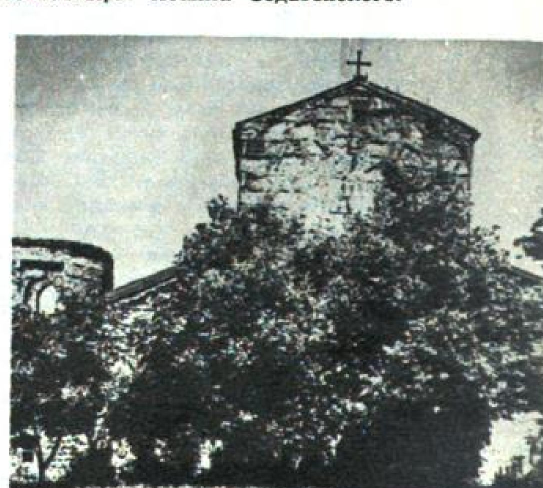
Храм представляет собой трехнефную базилику квадратной формы с высоким потолком; узким средним нефом завершается полукруг алтаря. Сохранился и фрагмент алтаря X века. А на северной стене церкви видна древняя роспись: «Бой святого Георгия с драконом»,— относящаяся примерно к VIII веку.

Б. КАНДЕЛАКИ

Колокольня на горе Зедазени.



Монастырь Иоанна Зедазенского.



ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

НА ОКРОВАВЛЕННОМ ОСТРОВЕ

позволяет заглянуть за кулисы творящихся на острове страшных событий.

То, что уже выяснено и подтверждено ходом судебного следствия, рисует такую картину. В предпраздничный день по дороге из Ксероса в Морфу несся автомобиль. За рулем сидел вот этот симпатичный молодой человек, с обреченным видом что-то бормочущий сейчас на экране, и его жена, держащая на руках грудного младенца. Машину задержал полицейский пост. Молодой человек сообщил, что его фамилия Марей, что он англичанин, военнослужащий, с английской авиабазы, получил увольнительную и прогуливается с женой и ребенком. Машину все-таки обыскали, и в багажнике и под сиденьями нашли мелкокалиберные минометы, мины, два водолазных костюма и военную форму британских военно-воздушных сил. Миссис Марей плакала, прижимала к груди младенца, взывала к совести полицейских, уверяя, будто это чужая машина и они не знали, что в ней, но когда подоспели женщины-полицейские и обыскали миссис, на груди у которой мирно спал младенец, то у нее оказались письменные инструкции никозийского штаба ТМТ[1] местным турецким экстремистам. План. Программа диверсий.

И вот теперь, на суде, эта чета в присутствии публики и прессы разматывает клубок отвратительной интриги, скверного детективного фильма. Так! Более чем ясно. Сюжет не очень сложен. Но как же обмельчала английская Интеллидженс сервис, если ее агентам приходится прикрывать страшные бумаги телами несмышленых младенцев! А тут, на суде, эти агенты ведут себя, как воришки, уличенные в карманной краже. Дела остались прежними — бессовестными, страшными, кровавыми. А вот персонаж обмельчал — труба пониже и дым пожиже, и очень все это скверно. Начинаешь понимать этих горячих южан, которые слово «англезе» произносят сейчас как ругательство...

Но все-таки речь идет о британском унтер-офицере Марее, а не о майоре Эдварде Масси. А именно эта фамилия снова и снова звучит в разговорах наших, так сказать, соотечественников. Так кто же этот Масси, и почему его фамилия склоняется во всех падежах?

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Любопытный был сегодня денек. В зале кинотеатра «Диана», одном из крупнейших в столице, сегодня состоялся конгресс Общества кипро-советской дружбы. Мне не раз приходилось принимать участие в подобных собраниях. И всюду это чудесное ощущение дружбы согревало, взбадривало, но такого мне, пожалуй, еще не доводилось видеть.

Мы приехали за полчаса, но просторный зал и фойе были уже битком набиты. Девушки в национальных костюмах продают в дверях бумажные значки конгресса. В их кружки летят медяки, серебряные монеты, а то и бумажки порою солидного достоинства. Жертвуют, кто что сможет и, видимо, не жалея. Ведь деньги пойдут на расходы по проведению конгресса. По рядам ходят добровольные книгоноши, продают книжечку М. Шолохова «Судьба человека» с рисунками Ореста Верейского. И опять платят по достатку. Книжечка книжечкой, а расходы по конгрессу надо оплатить.

В зале, как и на улице, жара. Установки для кондиционирования воздуха не то маломощны, не то повыбывали из строя, но понизить температуру они не в силах, тем более что в зал набилось столько народу, сколько, по заявлению владельца зала, никогда не приходило сюда и на самый шумный кинобоевик.

— Это весь наш остров в лице своих представителей,— говорит президент общества Андреас Паюрос, рослый человек, представляющий нам делегатов, среди которых немало рабочих, крестьян, видных общественных деятелей.

Конгресс начинается. Секретарь, известный поэт, отчитывается о работе общества. Представители крупных городов рассказывают о деятельности местных филиалов. Обычные дела: столько-то лекций, столько-то выставок, такие-то киносеансы. Как говорится, делятся опытом. Но в обычных этих рассказах и необычное. Это аудитория. Как она слушает! Как живо, чутко реагирует на все, о чем идет речь! И когда говорят о внешней политике Советского Союза, о дружбе советских людей, о выступлениях Н. С. Хрущева в защиту прав и суверенитета Кипра, вспыхивающие в зале аплодисменты приостанавливают течение конгресса.

Владимир Петрович — опытный оратор. Чтобы облегчить перевод, он свою речь написал, строго рассчитав время. Куда там! Аплодисменты то и дело выбивали его из графика. А когда он стал излагать традиционную для Советского Союза политику помощи молодым государствам, освобождающимся от колониальной зависимости, аплодисменты достигли такого накала, что оратору ничего не оставалось, как, стоя на трибуне, застенчиво улыбаться, жалобно показывая на часы.

— Хрущева на Кипр! Хрущева на Кипр! — скандировал зал. В этих дружных восклицаниях звучало такое уважение к нашему народу, к государству, к справедливой его политике, что, ей-богу, слезы выступали на глазах.

Конгресс отлично организован. Он прошел деловито и закончился в тот же день. Под крики «зито», что соответствует нашему «да здравствует», принимаются приветствия президенту архиепископу Макариосу и послание нашему премьер-министру. В маленьком симпатичном загородном ресторанчике руководители общества устраивают в честь советских представителей дружеский обед, на который приезжает и наш посол П. К. Ермошин. Еда простая, народная, но очень вкусная. Вина, хотя и носят поэтическое название «Афродита», «Нимфа», даже «Отелло», тоже простые, будто крестьянские, и великолепные в этой своей простоте. Но, помня строгий наказ туристского справочника, мы отведываем всего понемногу и, таким образом, победителями проходим сквозь длинный строй разнообразных блюд.

На балконе ресторана гуляет свадьба, простецкая, южная, веселая свадьба. Черноокая молодая и ее смуглый стройный муж, занятые друг другом, скованы торжественностью брачных нарядов. Но родители и гости, по ходу действия, все чаще и чаще посматривают в нашу сторону. Прислушиваются. О чем-то спорят. Наконец высокий благообразный старик, не выдержав, подходит к нашему столу и тихо осведомляется:

— Росси?

— Росси.

— О, росси!

Теперь вся свадьба, добродушно улыбаясь, смотрит на нас. Но люди деликатны, не хотят мешать нашей трапезе. Зато когда мы поднимаемся, участники свадебного пиршества тоже встают из-за стола, чтобы пожать руки совершенно незнакомым им «росси». Нет, это очень приятно — быть на этом далеком жарком острове русским, а точнее говоря, советским человеком! В этом мы признаемся друзьям, которые отвозят нас в Никозию. Те кивают: да, конечно. Особенно теперь. В газетах разных направлений печатают сейчас много читательских писем, в которых разные люди, часто полуграмотные, выражают свое восхищение советской политикой в отношении Кипра, считая ее честной, прямой и единственно правильной.

Вечером нас везут в театр. Нет, театра в нашем понимании здесь еще нет. В колониальные годы здесь никто и не помышлял о театре. Были лишь полулюбительские группы актеров. Сейчас здесь все, в том числе и искусство, быстро растет, наливается соками. Из этих вот любительских коллективов сейчас образовалась труппа. Она создала и поставила ревю со странным названием «Базука». Базука — это ручная ракетная пушечка, нечто вроде печальной памяти немецких фауст-патронов. Но нам все говорят, что представление веселое, задорное, пользующееся успехом. Мы в этом легко убеждаемся по самому красноречивому показателю: нет билетов ни на дневное, ни на вечернее представление. Впрочем, директор и создатель труппы господин Филия, человек, изучавший русский язык, чтобы в подлиннике читать Станиславского, добывает приставные места.

Мы сидим у него в маленьком дощатом кабинетике, пристроенном к ангароподобному деревянному зданию, и под взрывы смеха и аплодисменты, то и дело доносящиеся из зала, ведем беседу.

— В сущности, театра еще нет. Есть труппа. Помещение, где сейчас играют, предоставила богатая женщина — мадам Зина. Он так и называется — Театр Зины. Ну ничего, играть можно. Русские все — театралы. У вас в Москве великолепнейшие театры, но ведь вы, как никто, умеете ценить и искусство других народов! А киприоты талантливы. Какие песни, какие танцы! Самая наша заветная мечта — пригласить сюда из Советского Союза хормейстера и балетмейстера, чтобы они помогли нам создать кипрский ансамбль. Как ансамбль Моисеева. Как хор Пятницкого. Ведь у нас есть что показать миру.

Тем временем деревянный театр не в переносном, а в буквальном смысле этого слова сотрясается от аплодисментов, обильных и щедрых как весенний дождь. Они звучат долго. Потом слышится гром стульев, и поток зрителей вытекает на улицу, а с противоположной стороны так же дружно и густо втекает в зал другой поток, в гуще которого вплываем и мы.

«Базука» оказывается веселым, озорным ревю, точно нацеленным в сегодняшний день. Это каскад блестящих сценок, отражающих заботы, боли, тревоги и надежды населения острова, эту необъявленную уличную войну, кощунственную, нелепую, высмеивающих отвратительные попытки империалистических держав решить судьбу молодого государства за спиною и вопреки воле его правительства, происки американцев, англичан, турок. Мы не знаем языка, но игра настолько выразительна, что переводы не нужны. Играют мастерски. Коллектив, еще только пробующий свои силы, чертовски талантлив. Он уже имеет свою аудиторию. В зале ловят каждое слово, каждую остроту, каждый жест.

Особым успехом пользуется сценка в горах, которую с блеском проводят два немолодых комических артиста, игра которых не только блистательна, но и мудра. На посту, на невидимой линии фронта появляется вооруженный грек в каске. Ему скучно, он философствует о войне и мире и, отставив свою базуку в сторону, присаживается закурить, но курить нечего. Сигареты кончились. И вдруг шум. Из-за скалы показывается пожилой турок с дедовской пищалью и ятаганом. Враги друг против друга. Они готовы стрелять, но проливать кровь ни тому, ни другому не хочется. Зачем? Во имя чего? В горах они одни. Никто их не подзуживает, никто их не видит. Присели, чтобы обдумать ситуацию. Турок протягивает свой кисет греку. Курят, беседуют. Два киприота, два пожилых человека. А как хорошо и просто было раньше! Нет, дрянная это вещь — война. Никуда не годится. Как хорошо жилось добрыми соседями, как жили отцы, деды и прадеды! Но что это? Выстрелы? Звуки команд. Оба пришли в себя. Вскочили, схватились за оружие и нацелились друг в друга. И турок вдруг тихо говорит:

— Брат, нет ли у тебя поесть? У нас очень туго с едой.

Грек, оглянувшись по сторонам, протягивает ему свой походный мешок.

[1] Террористическая организация кипрских турок.

Расходятся и, уже не видя друг друга, каждый свирепо кричит:

— Стой, убью! — И оба палят в воздух.

Эта сценка, кстати сказать, великолепно осуществленная, пользуется особым успехом. Успехом не только театральным. Успехом политическим, ибо в своих овациях зритель говорит тем, кто натравливает добрых соседей друг против друга, говорит сердито и страстно: «Уйдите, ради бога. Убирайтесь ко всем чертям с нашего острова. Дайте нам самим разобраться в своих делах. Нам не нужны ни ваша помощь, ни ваша опека».

После спектакля нас ведут за сцену. Актеры еще в гриме, очень усталые. Еще бы, два представления шли общим счетом четыре часа, а перерыв был такой маленький, что едва смахнули пот с лиц.

— Ну как? Учтите, наш театр только что организован. Он еще только поднимается на ноги, а ведь вы, москвичи, все театралы.

Мы с Владимиром Петровичем рады искренне сказать этим милым усталым людям, что их искусство, отразившее самые современные страсти, дошло до нас даже сквозь толщу языкового барьера и что у нас сейчас ладони чешутся — так мы аплодировали.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Вчера мы пошутили, что нас, двух простых советских людей, встречают на трибунах, будто мы Иваны Козловские или Галины Улановы. Друзья отнеслись к этой шутке серьезно. И сегодня мы получили выписки из газет последнего времени, убедительно показавшие нам, что мы служим здесь сейчас, так сказать, лакмусовой бумажкой, определяющей политические симпатии и настроения острова.

Эти выписки из газет столь красноречивы, что я приведу некоторые из них без всяких комментариев. Вот письмо, опубликованное в газете «Кипр»:

«Господин директор! Извини меня за то, что я не могу хорошо писать. Я ведь старая женщина. Мне семьдесят пять лет, а в наши времена не учили грамоте. Я хочу сказать, чтобы передали послу России, а тот передал господину Никите Хрущеву, что, прежде чем меня возьмет смерть, я его благословляю всеми своими двадцатью пальцами. И пусть его сохранит матерь божия за великое добро, которое он сделал для наших детей. То, что сейчас происходит на Кипре, лишь осуществление великих предсказаний о том, что светлорусая нация спасет нас от всякой гибели. Я спокойно уйду в могилу, зная, что дети и внуки мои увидят лучшую жизнь, чем та доля, которая выпала мне. Очень прошу тебя поместить мое письмо в твоей газете. Христолена Константи».

А вот другое письмо, помещенное в той же газете «Кипр»:

«Господин директор! Учитель нашего села сказал мне, что сейчас надо, чтобы все мы говорили, что думаем о происходящих событиях, чтобы все люди знали мнение киприотов. Так вот прошу тебя поместить то, что я напишу. Позавчера, в среду, собрались все мы в кофейне нашего села и слушали, как радио передавало речь советского человека в ООН. Мы слушали эту речь, и сердца наши раскрылись, как лепестки цветка. Он говорил так, как будто родился на Кипре и знает, о чем мы тут думаем. Дай бог, чтобы мы избавились от той беды, что нам грозит, и пусть тогда приедет сюда советский человек из Организации Объединенных Наций. Я его поцелую, как родного сына, зарежу всех своих кур и дам ему и гостям выпить самую лучшую мою ракию, а также дам ему мое благословение. Дай бог, чтобы я дожил до дня, когда восторжествует правда, им провозглашенная, и тогда моя душа уйдет из этого мира на тот свет, спокойная за судьбу моего народа, моих детей и внуков. Благословение ему и тем, кто послал его сказать эти справедливые слова».

А вот совсем свежая заметка, вырезанная из очень популярной на острове газеты «Харавги»: «МИРТУ (От нашего корреспондента). Митрополит Кирении достопочтенный Киприанос позавчера служил обедню в соборе святого Пантелеймона. После службы он обратился к прихожанам с проповедью и, приведя слова священного писания, возблагодарил бога. Касаясь политического положения Кипра, достопочтенный Киприанос осудил политику англо-американцев в отношении нашей святой борьбы за независимость, охарактеризовал председателя Никиту Хрущева как благодетеля кипрского народа и призвал всех киприотов быть бдительными в отношении происков Анкары, Лондона и Вашингтона».

Сейчас я выписываю в дневник эти отрывки, переведенные для нас друзьями, потому что, как мне кажется, бесхитростные письма простых людей и проповедь священника, который, по словам друзей, совсем недавно был известен своим скептическим отношением к коммунистам, раскрывают истинные чувства кипрских патриотов, полных решимости во что бы то ни стало отстоять свой остров и трудно завоеванную свободу от империалистических интриг.

А в общем-то весь сегодняшний день мы посвятили музеям. Смею вас заверить: не очень еще известные в мире музеи эти необыкновенно интересны и великолепно отражают лицо острова, земля которого еще хранит такие культурные сокровища, о которых могут только мечтать лучшие музеи мира. С древних времен Кипр, лежавший на пересечении путей всего античного мореходства, испытывал на себе поочередно воздействие самых передовых культур. Экспозиции музея прекрасно передают смену этих культурных влияний.

По очереди побывали на Кипре египтяне, хетты, ассирийцы, персы, греки, римляне, венецианцы, турки и, наконец, англичане. Поэтому материальная культура коренных жителей острова, культура очень древняя, самобытная, обогащалась за счет культуры пришельцев и обогащала их. Поэтому никозийские коллекции похожи и вместе с тем непохожи на коллекции афинских, лондонских, римских, парижских музеев. И статуя Афродиты, найденная на острове сравнительно недавно, совсем не похожа на Афродит, знакомых нам еще по историческим учебникам. И хотя мы с Владимиром Петровичем люди пожилые и не претендуем на роль ценителей женской красоты, мы все же пришли к глубокомысленному выводу, что именно тут мы видели юнейшую и прекраснейшую из всех Афродит.

Побывали в музее Сопротивления, который еще только развертывается. Если английская колонизация ровно ничего не принесла материальной культуре острова, то в музее Сопротивления деятельности английских колонизаторов отведено немало места. Музей напоминает наши партизанские. Самодельное оружие, охотничьи двустволки, обрезы, гранаты, сделанные из консервных банок и водопроводных труб, пистолеты, изготовленные сельскими кузнецами. Мины в жестянках из-под кофе и какао. Но как все это стреляло и било оккупантов и колонизаторов! Какой наводило на них ужас, если они вынуждены были противопоставлять этому оружию пушки, танки и в бессильной злобе расстреливали, вешали, сжигали живьем вот этих крестьянских и рабочих парней, врачей, учителей, журналистов, лица которых строго смотрят сейчас на нас со стен музея из траурных рамок. Простые, хорошие, честные лица.

Черноволосая девушка со строгим античным профилем, сестра одного из казненных, волнуясь, рассказывала об этих уже давних схватках. Она вовсе не собирается выходить из роли экскурсовода. Но удержаться просто не может, и, помимо ее воли, от прошлого, о котором она рассказывает, все время перебрасываются мостки в сегодняшний беспокойный день.

— Вы слышали, что они взорвали памятник героям Сопротивления? — говорит она.

— Кто они?

Девушка спохватывается. Как-никак перед ней иностранцы. Нет, она не может вносить в этот музей сегодняшнее кипение страстей. И мы снова слышим уже не раз здесь слышанное:

— Те, кому выгодно.— Но девушка молода. Чувства перебарывают профессиональную осторожность.— Многие из тех, кто погубил их...— Она показывает на портреты, строго смотрящие из траурных рамок.— Многие их палачи и сейчас разгуливают по острову в английских мундирах или как офицеры ООН.

— Офицеры ООН? — удивляемся мы как можно искреннее.— Кто же, например?

— Майор Масси. Эдвард Масси. Неужели вы не слышали ничего о Масси? Он был офицером связи штаба войск ООН с вице-президентом Кучуком. Неужели вы не слышали этой истории?

Так вот кто этот человек, имя которого так часто звучит в гостинице «Лидра Палас»! На обратном пути один из друзей, поэт и журналист, рассказывает, что человек этот в современных условиях выполняет роль полковника Лоуренса в кипрском масштабе. Он был среди тех, кто когда-то руководил борьбой с национально-освободительным движением. Потом исчез и внезапно вновь появился на острове уже в голубом берете в качестве офицера ООН. Появился незадолго до начала трагических событий на Кипре. Его видели то в Никозии, то по пути в укрепленные пункты турецких экстремистов. Голубой берет гарантировал ему неприкосновенность, развязывал руки, предохранял от обысков на полицейских постах.

А несколько дней назад Масси снова исчез. Исчез, не оставив ни адреса, ни следа. Вероятно, этой-то его выходкой и вызвано такое внимание к его, в общем-то, по-видимому, малопривлекательной персоне. Новый Лоуренс? Тот, как известно, умел вовремя исчезнуть, чтобы неожиданно появиться в новом месте и в новом облике. Ну, а этот? Во всяком случае, личность занятная. Наш друг обещает мне подобрать материал о действиях этого матерого агента пресловутой Интеллидженс сервис здесь, на острове, окровавленном столь внезапно возникшей междоусобицей.

Ну, а заканчиваем мы вечер на террасе маленького домика на окраине столицы, в гостях у журналиста, который сегодня часа два брал у меня длиннейшее интервью о нашей культуре и проявил при этом отличное знание литературы и искусства. Он женат на юной поэтессе с нежным именем Элли. Они ждут ребенка и так друг в друга влюблены, что и ходят, держась за руки.

И вот мы у них в гостях. Мать Элли, старая гречанка в традиционном темном платке, ставит на стол помидоры, политые оливковым маслом, серый душистый, крупно нарезанный хлеб, изрядный ком овечьего сыра и кувшин красного вина, густого и терпкого. Заводится радиола. Из мерцающей ночи вместе с неистовым благоуханием каких-то неизвестных нам цветов доносятся песни Кипра — мечтательные, грустные и как-то особенно хорошо звучащие в сырой прохладной тьме.

Молодая женщина замерла, положив руку на свой большой округлый живот. Нет, она не дремлет. Она думает. О чем? Может, о том, кто родится — мальчик или девочка. Может, о будущем этого, еще не существующего человечка. Вдруг где-то далеко раздается выстрел. Одинокий выстрел, который наши привычные уши даже как-то не очень фиксируют. Но как сразу меняется лицо молодой женщины! Какая тревога точно бы подбрасывает ее мать, такую степенную, спокойную! У нас столь острая реакция показалась бы странной. Но тут я понимаю их. Сколько уже раз здесь в этом году так вот, внезапно раздавался выстрел, и, не успев удивиться или вскрикнуть, падала на тротуаре женщина, спешившая на базар, крестьянин, грузивший поклажу на ослика, человек, только что весело болтавший в очереди на автобус... Так же мягко светят звезды, так же неистово благоухают цветы, и вино в кружках такое же густое, терпкое, какое далекие предки этих смуглых красивых людей хранили в земле в гигантских кувшинах-пифосах. Но где-то прозвучал выстрел, и покой уже не возвратился на террасу. Не может быть здесь покоя, пока переодетые военные, отправляясь «на пикник», везут в багажнике минометы и мины, когда молодая англичанка прикрывает своим ребенком кровавые инструкции террористического центра, спрятанные на ее груди. Не может милая Элли писать лирические стихи и наслаждаться радостью приближающегося материнства, пока по острову в голубом берете носится, плетя свою паутину, майор британской службы Эдвард Масси.

Продолжение следует.







СХВАТКА СО ЗМЕЯМИ

В небольшом селе индийской провинции Мадрас шесть рабочих начали разрушать старый дом. Неожиданно из расщелины стены стали выползать черные змеи. Рабочие вступили с ними в единоборство. Борьба длилась 16 часов. Было убито 152 змеи.

БОГАТЫЙ УЛОВ

Трое школьников из города Великого Градишта (Югославия) недавно поймали в Дунае сома длиной более 2 метров и весом 80 килограммов.

Сом, видимо, задремал, пригревшись на мелководье. Ребята дружно бросились на него. Сом ожил и начал яростно сопротивляться. После получасовой схватки ребятам удалось вытащить рыбу на берег.

КУРИНЫЙ ЯЗЫК

Недавно в Западной Германии вышла небольшая книжка профессора Эриха Боймера о курином «языке». Изучать этот «язык» Эрих Боймер начал в детстве, когда мать запирала его в курятник, боясь, что сына задавит на улице машина. Будущий ученый научился в точности подражать всем звукам, издаваемым курами, петухами и цыплятами. Согласно 60-летним наблюдениям Э. Боймера, все птицы, принадлежащие к семейству куриных, пользуются одним «языком», состоящим из 30 звуков, с небольшой разницей только в музыкальном тоне. Эти звуки выражают определенное настроение или желание, как, например: «я хочу есть», «оставьте меня в покое». Используя микрофоны и звукозаписывающие аппараты, Э. Боймер продемонстрировал, как куры знакомятся друг с другом, завязывают дружбу, заставляют цыплят клевать зерно и успокаивают их, если они чем-нибудь расстроены.

В. Кочурова-Шандор
г. Вашингтон.

ПЛЕННИК СТАЛ ДРУГОМ

Итальянец из города Удине как-то пошел со своей собакой на охоту. Неожиданно пес исчез и вернулся с дрожащим от страха зайчонком в зубах. Охотник принес зайца домой. С той поры собака и заяц стали неразлучными друзьями: они вместе едят, вместе спят и часто вместе ходят на прогулку.

ОБМАНУТЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Чтобы удовлетворить желание посетителей зоопарка города Штутгарта (ФРГ) — видеть жизнь ночных животных днем,— администрация искусственным способом установила для змей, летучих мышей, ночных птиц новое рабочее время. В их клетки подвесили электрические лампы большой мощности и стали их включать ночью. Обманутые ярким светом животные засыпали, а днем же бодрствовали, так как дневной свет казался им менее ярким по сравнению с искусственным.

В нью-йоркском зоопарке эту проблему решили иным методом: ночных животных поместили в комнаты с красным светом, который включают с 11 часов утра до 11 часов вечера. Благодаря специфике устройства глаз ночных животных красный свет действует на них как ночной мрак, заставляя их бодрствовать днем.

НАДУШЕННАЯ ГАЗЕТА

Стокгольмская газета «Афтонбладет» недавно преподнесла своим читателям оригинальный сюрприз: развернув газету, каждый почувствовал приятный запах ландыша.

На первой странице было напечатано: «Всем своим читателям шлем приятный весенний букет». А ниже стояло объяснение: «К печатным краскам примешан запах ландыша». Такой подарок понравился публике. Не обрадовал он только продавцов газет и работников типографии. Они так нанюхались ландыша, что несколько дней ходили одурманенными.

АНГЛИЙСКАЯ ВОДА

В Париже, в Ламартиновом сквере, у фонтана каждое утро можно увидеть очередь женщин разного возраста. Оказывается, живущие в Париже англичанки обнаружили, что вода из фонтана на этом сквере напоминает английскую воду и только из нее можно приготовить хороший и вкусный чай.

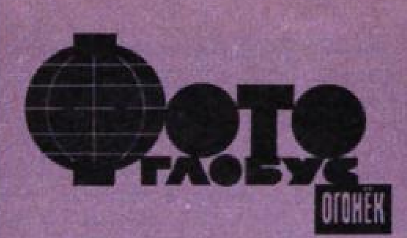
ПОСТОЯННЫЙ ДОЖДЬ

Самое большое количество осадков на земном шаре выпадает в Парагвае, вблизи границы с Бразилией, где река Парана разветвляется на 21 рукав. Там дождь идет постоянно. Никто из живущих в этом районе не помнит, чтобы он когда-нибудь переставал.

ТЕЛЕФОН ДЛЯ ГЛУХОНЕМЫХ

Израильские ученые сейчас работают над конструированием телефона, который позволит переговариваться между собой глухонемым. Аппарат состоит из передатчика, снабженного пятью клавишами, и приемника с мембраной. При манипуляции клавишами получаются колебания различной частоты, которые улавливаются мембраной и передаются на пальцы слушателя.





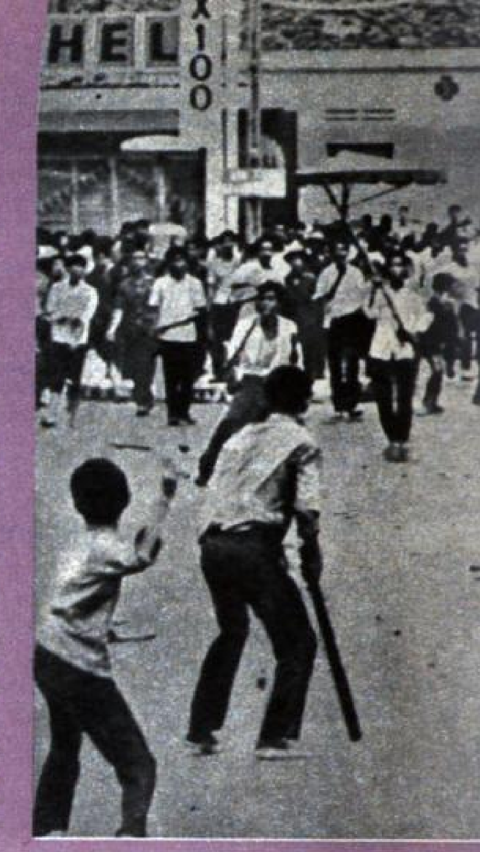


Фото ЮПИ.

Каждому, кто хоть сколько-нибудь внимательно следил за событиями в Южном Вьетнаме, ясно, что с самого начала своего правления американская марионетка Кхань был временщиком. На земле Южного Вьетнама, охваченной освободительным движением, где американские империалисты посеяли и взрастили ненависть к своей политике, им практически невозможно найти надежного ставленника. Недавние события в Сайгоне (см. нашу фотографию), во время которых молодежные и буддистские организации выступили против режима Кханя, обратились в кровавую расправу над демонстрантами. Но и пули не спасли Кханя. Американцы под давлением всеобщего недовольства кхановским режимом снова сменили своих лошадей в Сайгоне. Но у них нет никаких надежд, что новые окажутся надежнее.





Дейву Харперу двадцать лет. По национальности он англичанин, а по профессии наемник. Последние четыре с половиной месяца он обучался этому «искусству» под руководством английских офицеров в Солсбери, административном центре Южной Родезии, где правят расисты. Ученик расистов Дейв Харпер нашел себе достойного хозяина: его завербовали эмиссары Чомбе для борьбы против национально - освободительного движения в Конго. Взгляните на другую фотографию: она запечатлела трогательную сцену напутствия, которое дает наемникам из Южной Родезии специальный представитель Чомбе, некий мистер Алистер Викс. Впрочем, белые наемники-расисты и сами хорошо знают, чего от них ждут. Первый самолет увез из Солсбери семьдесят человек для пополнения рядов армии Чомбе.

Над бассейном Карибского моря пронесся ураган «Клео». На острове Гваделупа он уничтожил все сахарные и банановые плантации, разрушил много домов. 14 человек было убито разбушевавшейся стихией, более 100 ранено. Первая из наших фотографий показывает плоды хозяйничанья урагана на этом острове. Вторая фотография сделана с американского спутника с высоты 558 миль в то время, когда ураган накинулся на территорию Соединенных Штатов Америки. Цифрой 1 обозначены Флорида и Джорджия, цифрой 2 — Алабама, цифрой 3 — Луизиана, цифрой 4 — Техас.

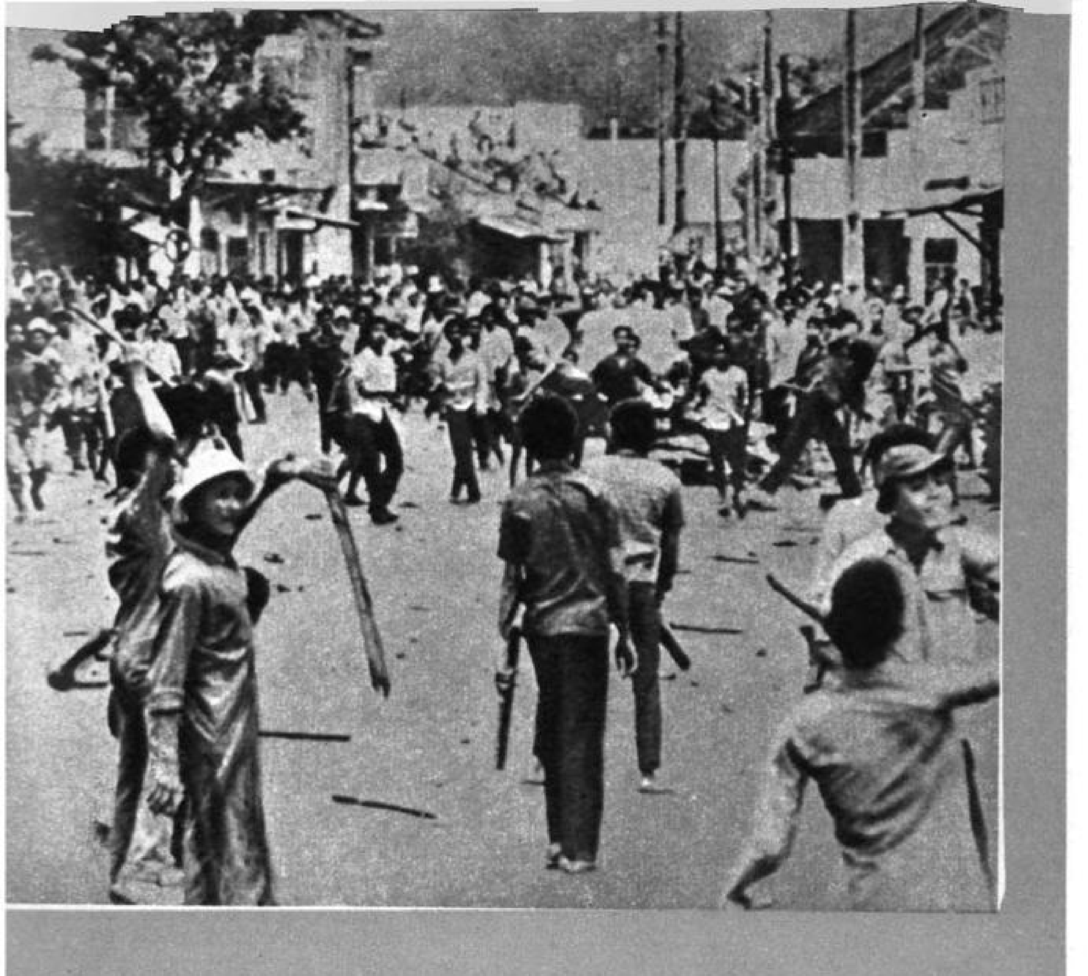
СВЯЗЬ С ПОКУПАТЕЛЕМ

Дьердь МИКЕШ

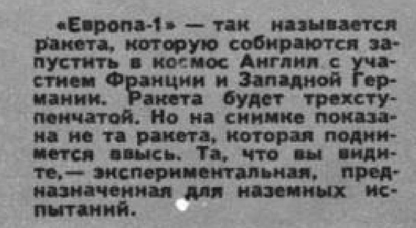
Недавно в показательном магазине на улице Ло я купил остроумный прибор, который по моему желанию мог превращаться то в подставку для яиц, то в курительную трубку, то в водолазный шлем.

Дома я попробовал его — прибор не действовал, хотя в руках продавца работал отлично. Я написал сердитую жалобу предприятию, производящему остроумные приборы. На третий день прибыл ответ:

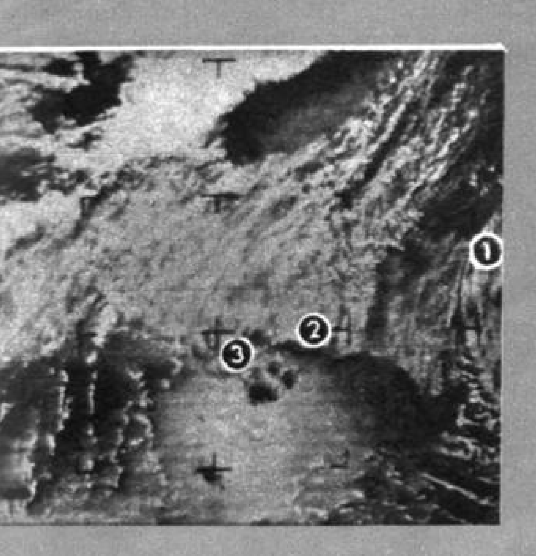
«Сообщаем Вам, что до сих пор мы не получали ни одной жалобы на прибор, о котором идет речь. Вы первый, кто прислал реклама-







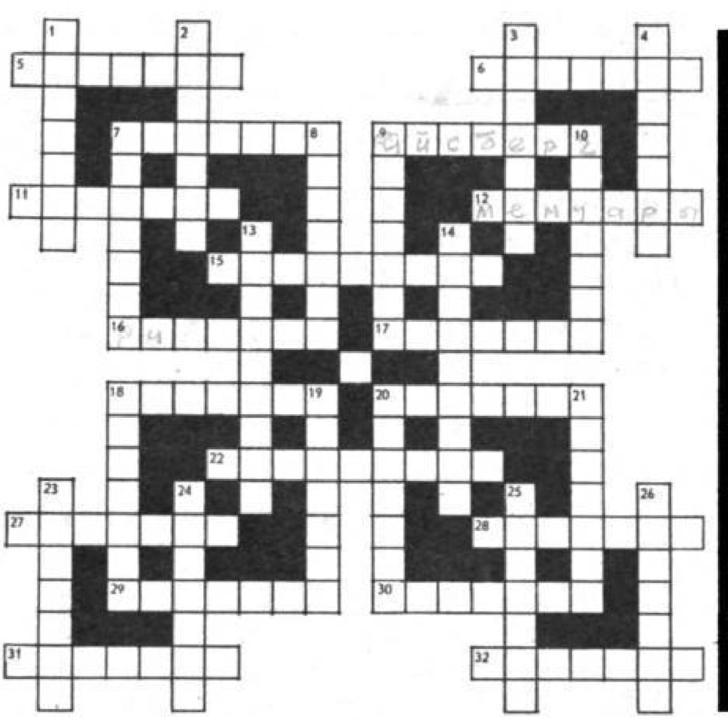
«Европа-1» — так называется ракета, которую собираются запустить в космос Англия с участием Франции и Западной Германии. Ракета будет трехступенчатой. Но на снимке показана не та ракета, которая поднимется ввысь. Та, что вы видите,— экспериментальная, предназначенная для наземных испытаний.







КРОССВОРД



По горизонтали:

5. Русский механик-изобретатель. 6. Приток Аргуни. 7. Автор картины «Переход через Сиваш». 9. Плавучая ледяная гора. 11. Отрезок прямой, ограничивающий геометрическую фигуру. 12. Запись исторических событий. 15. Древнегреческий врач и естествоиспытатель. 16. Озеро в Швеции. 17. Практические занятия студентов. 18. Раздел математики. 20. Государство в Африке. 22. Певчая птица. 27. Перевозка без остановок. 28. Ученическая принадлежность. 29. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 30. Остров в Средиземном море. 31. Высшая точка горы. 32. Органическое удобрение.

По вертикали:

1. Башенные часы. 2. Красящее вещество в организме. 3. Возвышение для лектора, оратора. 4. Теплая вязаная рубашка. 7. Областной центр в РСФСР. 8. Русский певец. 9. Южное дерево. 10. Вознаграждение за труд литераторам, художникам. 13. Деталь стрелочного измерительного прибора. 14. Музыкальный инструмент. 18. Специалист по сельскому хозяйству. 19. Млекопитающее семейства дельфиновых. 20. Небесное тело, движущееся вокруг планеты. 21. Бобовое растение. 23. Украшение. 24. Детский голос. 25. Комедия Н. В. Гоголя. 26. Город в Польше.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

5. Вальдшнеп. 7. Поговорка. 10. Североморск. 13. «Накипь». 14. Окунь. 15. Калина. 18. Терраса. 19. Мотор. 20. Дюрер. 22. Уровень. 24. Корунд. 26. Судан. 28. Абакан. 29. Телевидение. 30. Нонпарель. 31. Клинопись.

По вертикали:

1. «Калевала». 2. Решето. 3. Тополь. 4. Экспонат. 6. Шмель. 8. Отсек. 9. Полупроводник. 11. Симпозиум. 12. Флорестан. 16. Струг. 17. Ладья. 21. Скорпион. 23. Штангист. 25. Днепр. 26. Сверло. 27. Неедлы. 28. «Арион».

●

На первой странице обложки: Народная Республика Болгария. Пенка Гачева учится в техникуме Белославского стекольного комбината. Здесь, на снимке, она со своими друзьями из заводского танцевального ансамбля.

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Розы и химия. Бургасский нефтехимический комбинат в Болгарии.

Фото Ю. Кривоносова.

цию. По Вашему желанию дефектный товар будет тотчас же заменен».

Дефектный товар заменили. Я получил новенький остроумный приборчик. Если я хотел сделать из него подставку для яиц, получалась водолазная подставка, если хотел водолазный шлем, получалась трубка для яиц. Я снова написал жалобу.

Ответ звучал так:

«С удивлением узнали, что Вы снова получили дефектный прибор. Это у нас случается очень редко. Разумеется, по Вашему желанию он будет обменен. А вообще позволь перейти на «ты»! Привет! Пиши, если что!»

Новый прибор тоже не годился. Из него получались подставка для шлема, водолазное яйцо, но только не то, что я хотел. На мою жалобу пришел следующий ответ:

«Привет! До чего ж ты невезучий! Но все же не впадай в отчаяние. Мы всегда с радостью в твоем распоряжении. Привет семье».

После четвертой жалобы, когда остроумный прибор чуть не взорвался в моих руках, почта принесла такой ответ:

«Из твоего письма узнали, что новый прибор тоже не действует. Разумеется, мы поменяем его, когда только хочешь. Не имеет смысла сердиться, сынок. Вся эта дрянь того не стоит! Здоровье важнее. Береги себя! Привет!»

В ответ на мою пятнадцатую жалобу они писали:

«Сообщаем тебе, сынок, что мы все здоровы. Недавно у нас распределяли премии. Наша бухгалтерша Шипеки разводится с мужем. Кати, которая работает на складе, мы выдали замуж. Надеемся, наше письмо застанет тебя в добром здравии.

P. S. Дефектный прибор заменим».

Я послал тридцатую жалобу, ибо и тридцатый прибор не действовал. В ответе я прочел:

«Твое письмо получили. Часто о тебе вспоминаем. С заменой в порядке. Миллион поцелуев».

Тридцать первый прибор тоже не действовал, но я уж так устал от всего этого, что у меня прошла охота даже писать жалобы. Через три дня я получил телеграмму от предприятия, производящего остроумные приборы:

«Почему ты не пишешь? Беспокоимся. Ответ оплачен».

Откровенно говоря, на глаза у меня навернулись слезы. Мне было очень, очень приятно, что так заботятся обо мне, покупателе. Я схватил перо и написал ответную телеграмму:

«Все в порядке. Прибор плохой. Жалоба идет почтой».

Перевела с венгерского
Елена Тумаркина.

ФОТОИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

В КИЕВЕ НА ЧЕМПИОНАТЕ СССР ОТОБРАНА ОЛИМПИЙСКАЯ КОМАНДА ПО ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ.

УСТАНОВЛЕНЫ 3 МИРОВЫХ РЕКОРДА:

ЭЛЬВИРА ОЗОЛИНА — МЕТАНИЕ КОПЬЯ — 61 МЕТР 38 САНТИМЕТРОВ.

ИРИНА ПРЕСС — ПЯТИБОРЬЕ — 5 194 ОЧКА.

МАРИЯ ИТКИНА — БЕГ НА 400 МЕТРОВ — 53 СЕКУНДЫ.

ВНЕСЕНЫ ПЯТЬ ПОПРАВОК В ТАБЛИЦУ ВСЕСОЮЗНЫХ РЕКОРДОВ. 90 ПОСЛОВ КОРОЛЕВЫ СПОРТА ПОЕДУТ В ТОКИО.

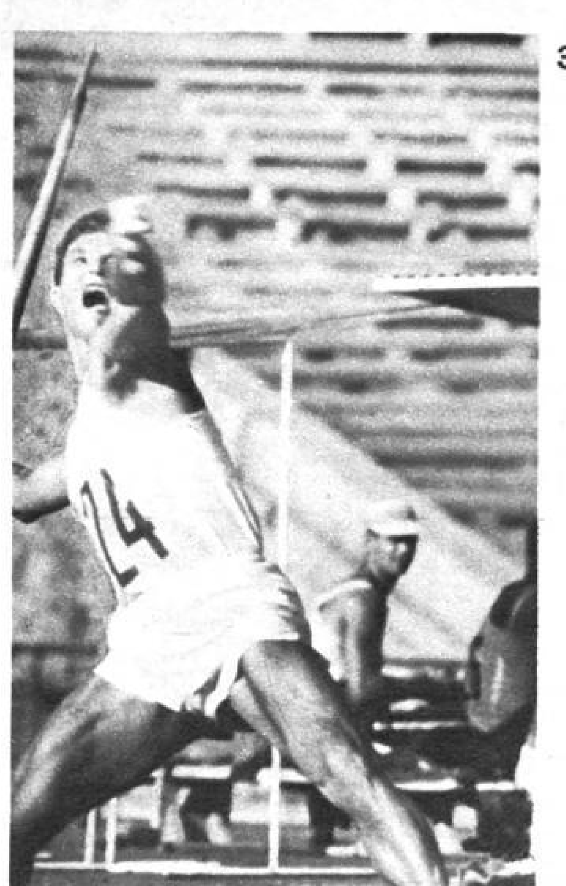
Четыре дня Всесоюзного чемпионата принесли столько интересного, что всего и не перечислишь. Корреспонденты «Огонька» В. Викторов и Л. Бородулин решили использовать самый емкий жанр — фотоинтервью. Они задали старшему тренеру сборной команды СССР Г. В. Коробкову семь фотовопросов.



1



2



3

4



5



6



7

1

Мы знали Марию Иткину как замечательную бегунью на короткие дистанции. Главных своих результатов она добивалась в беге на 100 и 200 метров. И вот теперь, после того как ее подготовил тренер Юрий Литуев, она снова нашла себя в спорте, на сей раз в беге на 400 метров. Мария Иткина установила в Киеве мировой рекорд, пробежав дистанцию за 53 секунды, но я считаю, что ее результаты могут быть значительно выше.

2

Эльвира Озолина в этом году наконец-то сумела сочетать быстроту с исключительно точной координацией движений, и вот результат — новый мировой рекорд.

3

Десятиборец Михаил Стороженко после первого дня борьбы набрал более 4 700 очков. Это огромная сумма, и если бы он так же успешно выступал на второй день, то подошел бы, видимо, довольно близко к мировому рекорду. Но так или иначе Стороженко завоевал первенство с высоким результатом, а ведь соперниками его были такие отличные десятиборцы, как тартуский студент Рейн Аун и сам Василий Кузнецов. Эта тройка и поедет в Токио.

4

Я думаю, что ответ на вопрос, в чем секрет успеха Ирины Пресс, дает эта фотография. Ирине удалось установить новый мировой рекорд в пятиборье благодаря тому, что она с помощью своего тренера значительно улучшила свои результаты в толкании ядра. Мы вполне можем надеяться на то, что Ирина Пресс завоюет в Токио не одну, а две золотые медали,— ведь она в этом году уже дважды повторяла время мирового рекорда в беге на 80 метров с барьерами.

5

Геннадий Близнецов стал известен весной нынешнего года, когда в закрытом помещении преодолел в прыжке с шестом 4 метра 81 сантиметр. Его успех в Киеве многим показался вполне закономерным, а вместе с тем победа Близнецова — своего рода чудо. В июне Близнецов на тренировке получил тяжелую травму, долго не мог выступать и начал фактически заново, «с азов», осваивать фибергласcовый шест.

6

У заслуженного тренера Леонида Митропольского, воспитателя «молотобойцев», много отличных учеников. Когда незадолго до начала чемпионата я спросил его о возможных кандидатах в призеры, Митропольский назвал Юрия Бакаринова пятым. А Бакаринов победил всех и завоевал первенство с новым всесоюзным рекордом! Теперь на два места, которые мы можем еще предоставить метателям молота в олимпийской команде, претендуют пять выдающихся атлетов: Р. Клим, Г. Кондрашов, В. Руденков, А. Балтовский, Ю. Никулин. На новых соревнованиях 12 сентября в Киеве выяснится, кто из них поедет в Токио.

7

На снимке мы видим Валерия Брумеля и его тренера В. М. Дьячкова, справа — счастливого Роберта Шавлакадзе, принимающего поздравления.

Что же случилось с Брумелем? За четыре года сильнейший прыгун в высоту, мировой рекордсмен проигрывал всего лишь три раза: вскоре после Римской олимпиады — Роберту Шавлакадзе на командном первенстве СССР в Киеве, Виктору Большову — на соревнованиях в Ленинграде и один раз — Джону Томасу в Лос-Анжелосе. И вот снова Брумель проигрывает Шавлакадзе в том же Киеве. Могу успокоить любителей легкой атлетики: поражение Брумеля пойдет ему только на пользу. Валерий откровенно признался, что, готовясь к выступлению в Киеве, считал, что прыжок на 2 метра 14 сантиметров обеспечит ему первое место. Вот он и поплатился за свою самоуверенность. Высота не любит неуважения. Валерий Брумель не учел силы олимпийского чемпиона, тридцатидвухлетнего Роберта Шавлакадзе, который проявил героические усилия для того, чтобы завоевать право на поездку в Токио. Но мы знаем Брумеля как исключительно упорного, волевого спортсмена, знаем его огромные возможности, и я уверен, что он и его тренер сделают все необходимые выводы из поражения.

Девяносто послов

Г. КОРОБКОВ,
старший тренер
сборной команды СССР
по легкой атлетике

НАКАНУНЕ ТОКИ

Г. МОРОЗОВ, мастер спорта

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Времена Клондайка миновали. Авантюристы и искатели удачи ныне не мчат на собачьих упряжках по ледяной дороге Меконга в погоне за призрачным богатством. И все-таки сейчас, в эти дни, мир охвачен золотой лихорадкой.

Причина ее — благороднейшее олимпийское золото. Его немало. 163 золотые медали ждут в Токио своих будущих владельцев. 10 октября более семи тысяч спортсменов из 94 стран соберутся в столице Японии, чтобы, приняв клятву верности олимпийским идеям, вступить в нелегкую борьбу. Но все это еще впереди. А сейчас подготовка к XVIII Олимпийским играм вступила в последнюю, решающую стадию.

ХОЗЯЕВА ОЛИМПИАДЫ ПОЛНЫ НАДЕЖД

Предолимпийская подготовка в Японии началась не вчера и даже не год назад, а еще перед римской олимпиадой. Тогда простые расчеты показали, что Японии для проведения игр на современном уровне потребуется истратить астрономическую сумму — 11 300 миллионов иен (1 000 иен — 2 рубля 51 копейка). В эту сумму входят как расходы, связанные с непосредственным проведением Олимпийских игр, так и расходы на строительные работы в Токио. К началу игр расширен аэропорт, выстроены новые отели и колоссальный комплекс спортивных сооружений, проведены новые автострады и линии метро, наконец, сооружена монорельсовая дорога. Безусловно, все это невозможно будет окупить никакими доходами от проведения Олимпиады. Но Япония пошла на столь огромные расходы, рассчитывая на «доход моральный», пусть даже в ущерб финансовому.

Уже в январе 1960 года в Японии был создан «Центр по подготовке олимпийских чемпионов 1964 года». Он незамедлительно начал свою деятельность, задавшись целью поставить японский спорт на XVIII играх не ниже третьего места, как удалось это сделать хозяевам XVI Олимпийских игр — австралийцам.

«Центр» отобрал 1 600 способных молодых спортсменов, которые тренировались с чисто японским упорством и трудолюбием по многу часов в день. В начале 1964 года из 1 600 спортсменов была отобрана тысяча. Из них и будет сформирована команда, на которую Страна восходящего солнца возлагает большие надежды: получить 30 золотых, 17 серебряных, 25 бронзовых медалей!

Уже в прошлом году, на Токийской неделе, победителями в личной велогонке на 182,4 километра и фехтовании на рапирах неожиданно стали японцы Омия и Окава. Омия победил таких признанных велогонщиков, как французы Базир и Эмар. Окава на фехтовальной дорожке взял верх над превосходными мастерами рапиры французами Маньяном и Ревеню.

Японцы могут рассчитывать на золотые медали в гимнастике (мужчины), дзю-до, вольной и классической борьбе, плавании, тяжелой атлетике и в волейболе. Очень может быть, что золотой вклад в командную победу внесут также японские марафонцы, боксеры первых весовых категорий, стрелки. И если желаемое станет действительностью,— этого успеха будет достаточно, чтобы «окупить» все расходы!

СОПЕРНИК № 1

Если команда Японии мечтает о третьем месте, то команда другой спортивной державы — США — сделает все, чтобы занять первое. Это поистине наш соперник № 1.

Американские атлеты покидали Рим разочарованными. Десять раз они выходили победителями Олимпийских игр. До 1952 года в олимпийской программе почти не было такого вида спорта, где бы против фамилии победителя не стояло — США. Но с 1952 года путь ко многим золотым медалям и неофициальному командному первенству американцам преградили советские атлеты.

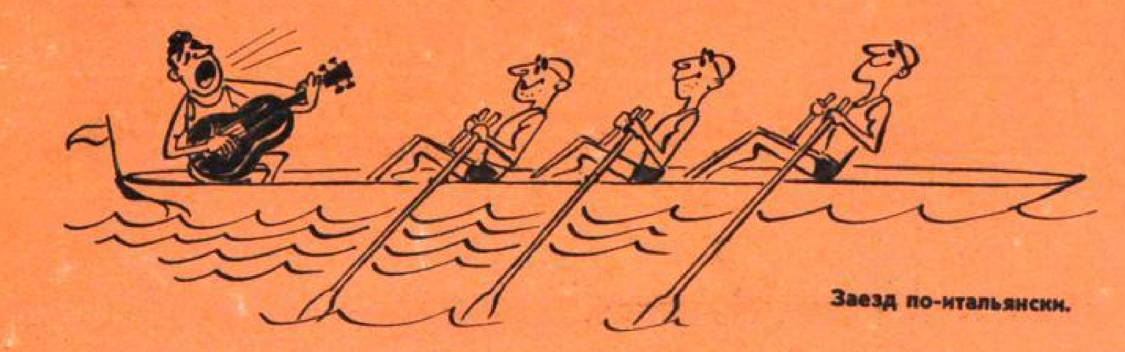
Легкая атлетика и плавание — вот два основных вида, с помощью которых американцы попытаются склонить олимпийский успех в свою пользу. Сейчас американским легкоатлетам (мужчины) принадлежит 15 первых мест из 36 номеров программы, 11 первых мест из 18 номеров программы в плавании. Причем в ряде случаев спортсменам США принадлежат сразу все три первых места. К этому нужно добавить, что американцы значительно усилили свои позиции в беге на длинные дистанции, а также в женской легкой атлетике.

Но расчеты на олимпийский реванш строятся не только на «двух китах». Тренер олимпийской команды боксеров США Ф. Линн считает, что команда, созданная в результате отбора на международной выставке в Нью-Йорке, самая сильная за все годы после Хельсинки и имеет основания бороться за 3—4 золотых медали. Пока что нет конкурентов у мужчин — прыгунов в воду. Здесь американцы могут первенствовать в обоих упражнениях. Укрепляют свои позиции борцы вольного стиля и дзюдоисты. Правда, в прошлом году американцам пришлось расстаться с великолепным тренером японцем Сасахарой. Но этот ущерб полностью возмещен неоднократными встречами японских и американских борцов. Если к этому добавить весьма вероятную золотую медаль американских баскетболистов, хорошие шансы на успех стрелков и парусников, общая картина станет ясна. Американская национальная сборная в Токио, как никогда, опасна.

ЮГ И СЕВЕР

На Олимпийских играх в Риме самая почетная золотая медаль за победу в марафонском беге — единственная, в ознаменование которой дается артиллерийский залп,— была завоевана африканцем Абебе Бикилой.

Сейчас Африка располагает несколькими спортсменами международного класса. Это три эфиопских марафонца: Бикила, Вольде и Вами; два спринтера: один из Кении, другой из Сенегала — Антао и Сейе; два прыгуна в длину: Ахей (Гана — 8 м 05 см) и Баркши (Алжир — 7 м 91 см); один отличный прыгун в высоту — Идрисс (Республика Чад — 2 м 17 см). К этому же передовому отряду спортсменов подключились се-



Заезд по-итальянски.



— Я говорю, Власов сильнее, она мне — Жаботинский. Я говорю — Власов, а она мне — Жаботинский! Я говорю...

Из записной книжки спортивного журналиста

ИНТЕРВЬЮ НА ХОДУ

ТРУБОЧИСТ

По заданию редакции я приехал в Ленинград. Нужно было повидать мастера спорта Константина Клецко. Дома его не застал.

— Где найти Константина? — спрашиваю у его матери.

— На крыше.

— Он что, голубятник?

— Какой там голубятник — трубочист!

Отправился по указанному адресу. Клецко в фуражке с черным лаковым козырьком был занят своим обычным делом — чистил дымоходы. Беседа состоялась тут же, на крыше.

— Мне двадцать четыре года, с восемнадцати занимаюсь альпинизмом. Началось все с курьезного случая. Собрался я в отпуск. В комитете профсоюза оказалась лишь путевка в альпинистский лагерь. Раздумывать было некогда, быстро отправился в дорогу. В лагере вместе с другими, уже опытными альпинистами пошел в горы. И так увлекся этим видом спорта, что прежней профессии столяра изменил — стал трубочистом! Лазание по ленинградским крышам в какой-то

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

негалец Уильямс — тройной прыжок 16 м 38 см — и команда боксеров Ганы, которая уже успела попортить настроение своим коллегам из Европы. Особенно отмечают в команде Ганы бронзового призера Римской олимпиады Квартэя.

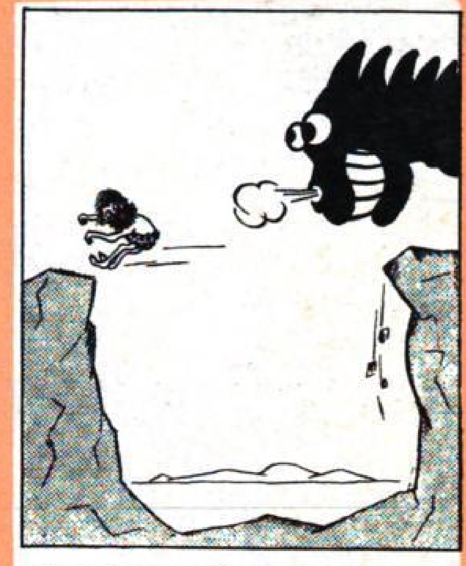
Австралия и Новая Зеландия располагают внушительной спортивной силой.

Давно уже вызывают всеобщее удивление новозеландские бегуны. Их две неожиданные золотые медали на Олимпийских играх в Риме (Снелла — на 800 м и Халберга — на 5 000 м) были затем закреплены успехами Дэвиса, Бейли, Снотта.

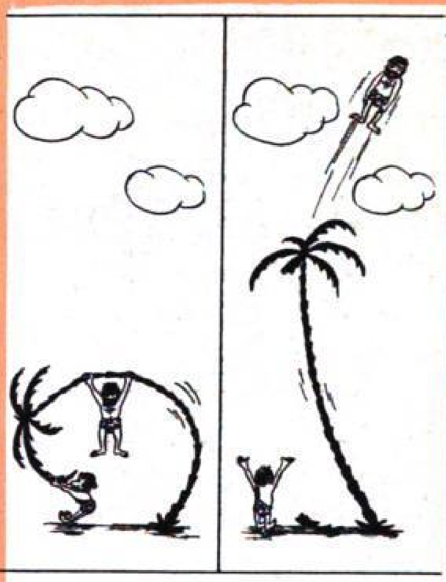
Не только мужчины поддерживают легкоатлетическую мощь Австралии. В большей мере это делают женщины. Они представляют сейчас команду, по силе вторую в мире после советских легкоатлеток. Во всех видах программы, кроме метаний, австралийки в Токио будут бороться за золотые медали.

Второй командой в мире можно назвать и австралийских пловцов. Столпы вольного стиля Уиндл, Феган и Вуд на всех дистанциях будут спорить с американцами. Особенно Уиндл. Это разносторонний пловец. Хорошие шансы в баттерфляе у мирового рекордсмена Берри. Но особого восхищения заслуживает, конечно, кролистка Дон Фрезер — первая в мире женщина, преодолевшая на самой короткой дистанции минутный барьер.

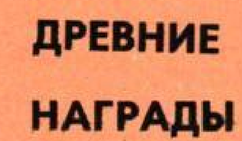
Как всегда, большую силу будут представлять спортсмены трех скандинавских стран. Финны, шведы, норвежцы на всех олимпиадах своими достижениями внушали уважение соперникам. Было даже время, когда маленькие Финляндия и Швеция на равных спорили с атлетами из Соединенных Штатов чуть ли не во всех номерах олимпийской программы. Сейчас это труднее. И все-таки скандинавский спорт на подъеме. Возрождаются традиции копьеметателей, во главе которых стоит мировой рекордсмен норвежец Педерсен (87 м 72 см), осваивают пятиметровую высоту финские прыгуны с шестом. Шведские пловцы располагают такими талантами, как спринтер Линдберг (100 м — 54,3), женщины — Хагберг (100 м — 1.01,5) и Юнгрен (400 м — 4.49). Скандинавы — отличные стрелки, парусники, гребцы, борцы. Словом, мировой спорт в Токио будет представлен только закаленными бойцами.



Первый мировой рекорд по прыжкам в длину...



Первый прыжок с шестом.
Рисунки Н. Елинсона.



ДРЕВНИЕ НАГРАДЫ



Этому кубку 2 560 лет.

У лаврового венка и кубка — распространенных наград за победы в спорте — любопытная история.

Однажды, рассказывается в древнегреческой легенде, Аполлон повстречал в лесу прелестную нимфу и влюбился в нее. Но юная дева убежала к отцу, речному божеству, и добродетельный старец, спасая свою дочь, превратил ее в лавр. В память о прекрасном видении Аполлон сплел венок из этого вечнозеленого растения и предназначил его людям для наград.

Пылкое воображение греков наделило Аполлона разнообразными талантами и высоким спортивным мастерством. Оказалось, что влюбчивый бог метко стреляет из лука, в беге может поспорить с ветром, а диск метает на далекие расстояния. Поэтому на Пифийских играх, которые устраивались жителями города Дельфы в честь победы Аполлона над гигантским змеем Пифоном, атлеты-победители увенчивались лаврами. На некоторых монетах, хранящихся в Эрмитаже, чеканенных в Дельфах около 1 800 лет назад, выгравированы награды Пифийских игр — венок, статуэтка вóрона — «священной» птицы Аполлона, яблоки и сосуд с оливковым маслом.

Амфоры явились предками другой спортивной награды, вручаемой и в наши дни,— кубков.

В древних Афинах регулярно проводились Панафинейские игры. Жители греческой столицы установили такие всеафинские состязания в честь мудрой богини Афины, якобы научившей людей возделывать оливу. Поэтому среди панафинейских наград было превосходное оливковое масло в амфорах. В Афинах эти амфоры изготовлялись с особой тщательностью гончарами и художниками.

Каждая панафинейская амфора представляла кубок в полном смысле слова — полуметровую изящную вазу, расписанную черным лаком. Лицевую сторону кубка украшала фигура Афины в сопровождении двух петухов — птиц, посвященных богине и считавшихся символом всякого состязания; греческая надпись гласила: «Приз с афинских игр». На другой стороне амфоры изображались отдельные моменты того соревнования, за которое победителю присуждали награду.

Подобно Аполлону, Афина тоже не была чужда «физкультуре». Так, например, греки приписывали ей создание пиррихи — спортивно-танцевальных упражнений с оружием. Сцены на кубках из собрания Эрмитажа наглядно подтверждают слова писателя Дионисия Галикарнасского, что любой праздник без атлетики не праздник.

Игры в Дельфах и Афинах привлекали многих участников, в том числе и из греко-скифских городов нашего Северного Причерноморья, древнее население которых уделяло большое внимание физической культуре.

Обычаи награждать лавровым венком и кубками не исчезли в бурном течении времени, а сохранились до наших дней.

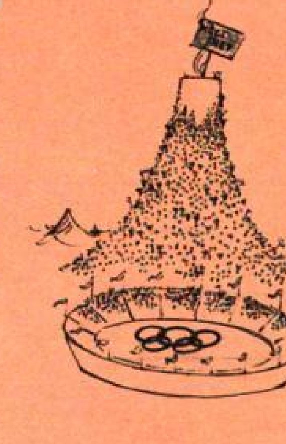
Научные сотрудники государственного Эрмитажа
Вл. Брабич, Г. Плетнева



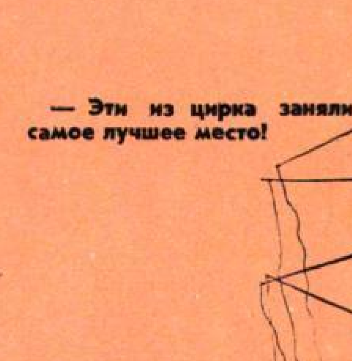
— Или бросай свою альпинистскую секцию, или поднимайся в квартиру на лифте!



К Олимпийским играм.



На Фудзияме мест нет.



— Эти из цирка заняли самое лучшее место!

Рисунки Г. и В. Караваевых и В. Воеводина.

мере напоминало о горах. Вместе с другими альпинистами «Спартака» в 1957 году поднялся на Пик Победы. Это 7 439 метров над уровнем моря.

Клецко — мастер спорта по альпинизму и слалому, трубочистный мастер первой категории — не так давно «чистил» даже шпиль Петропавловской крепости!..

БОСОНОГИЕ

Тридцать семь лет назад в Москве разыгрывался кросс. Первое место занял молодой спортсмен Григорий Потемин, уроженец Костромской области. Бежал он босиком. Этой привычке он не изменил и позже, когда стал известным стайером.

Чемпион римской олимпиады по марафонскому бегу эфиоп Абебе Бикила вряд ли слышал что-нибудь о Потемине, но бегал он тоже босиком.

Предпочитает выступать без туфель и победитель белградского легкоатлетического чемпионата Европы на пятикилометровой дистанции англичанин Брюс Талло.

Я спросил у него: «Почему вы не пользуетесь беговыми туфлями?» Последовал краткий и вполне вразумительный ответ:

«Так удобнее».

СПОРТ И СУТАНА

На стокгольмском хоккейном чемпионате мира 1963 года я увидел плотного человека средних лет в сутане. Он очень внимательно наблюдал за ходом матчей и в трудные минуты даже не пытался взывать к помощи бога. Это был наставник хоккейной олимпийской команды Канады Дэвид Бауэр. Мы познакомились. Выяснилась любопытная подробность: в стране кленового листа среди его коллег по богомольной профессии есть тренеры по баскетболу, легкой атлетике и по лыжам. Так мирно уживаются в Канаде «божественные» дела со спортивными.

Еф. РУБИН

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусства — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00746. Подписано к печати 2/IX 1964 г. Формат бум. 70×108 $^{1}/_{16}$. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 964 500. Изд. № 1381. Заказ № 2352.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Цена номера 30 коп.
Индекс 70663